

http://vk.com/bookish_addicted

ЖАСМИН

АЛЕКС БЕЛЛ

Муж Жасмин умер. Очень неожиданно. От аневризмы.

И с этого самого мгновения все изменилось.

Когда не стало Лиама, мир для Жасмин, погружившейся в свое горе, потерял цвет и вкус. Но даже сквозь пелену горя, она начинает замечать некие странности, происходящие вокруг. С уходом Лиама все не так, как должно бы быть. И Жасмин, в конце концов, решается заняться исследованием загадок, которые появились после смерти её мужа... и идя по их следу, она узнает все больше и больше о жизни Лиама.

Но эти тайны оказались куда серьезнее, чем изначально думала Жасмин, и они уводят её в неожиданном направлении - к сказкам с лебедями, замками и костями; в миф об убийстве, совершенном у озера, и о жестокой битве между братьями; в сказку о потерянном прошлом и украденной любви. Она с головой окунается в волшебство сказки.

Которая становится сказкой Жасмин.

Алекс Белл
Жасмин

Глава 1

Мертвые лебеди

После смерти Лиама начало происходить что-то странное. Чего я не могла объяснить и не понимала. Будто осознание того, как жить без него, не такая уж и сложная задача сама по себе.

Случай на похоронах был только началом, что иронично, ведь стоя там, я думала, что это конец. Я тогда подумала — это самое трудное, что мне придется пережить, прежде чем отдаться горю, скорби, а потом найти в себе силы как-то справиться со всем этим.

Когда время пришло, я так и не смогла представить, что Лиам лежит в гробу. Сама мысль, что он лежит там, запертый внутри, казалась мне нелепой, и на какое-то мгновение я даже испугалась, что сорвусь и начну истерично хохотать. Смех уже поселился у меня в груди, но усилием воли я прогнала его прочь. Но как только желание смеяться пропало, меня вновь накрыла печаль. Это было так несправедливо. Меня не должно быть здесь. Меня не должно было быть здесь ещё очень-очень долго.

Впервые в жизни я жаждала старости. Вернее, я по ней томила. Мне хотелось, чтобы между мной и этим мгновением чистой боли прошло как можно больше времени. Еще пока никто из моих родных не умирал. Я знала своих прабабушек и прадедушек с обеих сторон, но и те, и другие все еще здравствовали, так что я никогда не присутствовала на похоронах и видела их только по телевизору.

Я встретила родителей Лиама у церкви. Сначала я подумала, что Бен не пришел и меня охватил гнев. Где-то за десять месяцев до нашей свадьбы, Лиам поссорился со своим старшим братом, и с тех пор они не виделись. Они были полной противоположностью друг друга. Лиам был открытым, а Бен — замкнутым. Лиам все любили, и он любил компании, а Бен же предпочитал уединение и избегал большого скопления народа; Лиам любил поболтать, Бен же говорил всегда мало и по существу или предпочитал промолчать.

В начале недели его родители сообщили мне, что Бен за границей, по работе в Германии. И они не знают, приедет он на похороны или нет. Эти двое, конечно, последнее время были не в самых лучших отношениях, но меня тошнило от самой мысли, что Бен пропустит похороны своего единственного брата.

Но, потом я увидела его, стоящего чуть поодаль от родителей, и эмоции, нахлынувшие на меня, чуть отступили. Может быть, они были с Лиамом совершенно разными по характеру, но их внешнее сходство было поразительным. Всего каких-то два года разницы, но он обладал тем же ростом и телосложением, и такой же густой каштановой шевелюрой. Единственные различия между ними заключались в стрижке и цвете глаз. Бен стригся покороче, и цвет глаз у него был карим, а не зеленым, как у Лиама. Я не видела его десять месяцев и почти забыла, до чего же они похожи. У них даже повадки были схожими. При виде него у меня в горле застрял ком.

Бен же казался больше злым, чем опечаленным — челюсть крепко стиснута, а в глазах темнота и горечь. Тут он заметил меня и подошел.

— Здравствуй, Жасмин, — тихо вымолвил он, протягивая руку, чтобы пожать мою.

Едва не зарывав, я, повинувшись порыву, бросилась ему на шею. Он был так сильно похож на Лиаму, что мне захотелось прильнуть к нему и никогда не отпускать. Он чуть отпрянул, и я почувствовала, как он напрягся. Если бы он сейчас захотел оттолкнуть меня, то я бы еще

сильнее стала за него цепляться. Я бы прилипла к нему, стараясь удержать свою прежнюю жизнь, потому что он, как никто другой, заставлял меня чувствовать себя ближе к собственному мужу. Ну а Бен, как разумный человек, неловко похлопал меня по спине, пока я не отпустила его, наконец, осознав, насколько глупо выгляжу, и что черный жакет теперь сидит на мне как попало.

Мы зашли в церковь и заняли свои места на передней лавке, зарезервированной для семьи и близких родственников. Будучи альбиносом, в черном я выглядела просто ужасно — мои белые волосы и кожа казались на траурном фоне еще белее, а бледно-голубые глаза совсем уж делали меня похожей на призрака. А мне ведь было всего двадцать семь лет.

Викарий спросил меня, хочу ли я во время службы выступить с прощальной речью, но сама мысль об этом приводила в ужас, и я прекрасно понимала, что не смогу этого сделать. Я хотела, но просто не могла. Наверняка, в порыве безумия, я бы сморозила какую-нибудь дурость или, того хуже, пошутила, поэтому я предложила, чтобы прозвучала любимая песня Лиамы. Это было просто, я знала, что он очень любил «Мост над бурными водами»^[1]. Но вместо того, чтобы поставить диск, я решила, что сама сыграю её на скрипке. Мне хотелось внести свой вклад. Пусть я не могу выступить с речью (и для не музыканта мелодия, конечно, будет звучать странновато), но мне нужен был повод, чтобы взять с собой свою скрипку. Мне почему-то казалось, что если скрипка будет со мной, то все пройдет легче.

В церкви мне удалось себя держать в руках ровно до первого гимна, а потом наступила полная безнадега.

Музыка всегда обладала свойством усиливать мои эмоции. Она делала меня еще счастливее, когда я была счастлива, но когда я грустила, она заставляла меня вовсе пасть духом. В течение всей службы я старалась унять дрожь и перестать, хотя бы на краткий миг, лить слезы. Я не могу играть в таком состоянии, а мне нужно сыграть во что бы то ни стало — иначе я всю оставшуюся жизнь буду сожалеть о своей слабости.

Моя любимая электроскрипка лежала на коленях, когда я устала на неё и неожиданно вспомнила, каким образом она оказалась у меня. Я давно хотела себе такую, но они очень дорого стоили. А потом, где-то в октябре, Лиам пошел и купил мне её. В качестве подарка на Рождество, но он был так взволнован этой покупкой, что не мог больше ждать и сразу же подарил. Меня, помнится, очень удивила его настойчивая просьба одним субботним вечером — сыграть на скрипке «Мост над бурными водами».

— погоди, у меня тут самое интересное началось, — сказала я, отрывая глаза от романа, который читала на диване. — Давай чуть позже.

— Джек, сыграй сейчас, — настаивал Лиам, забирая книгу у меня из рук.

— Эй! — возмутилась я, приподнимаясь и пытаясь её вырвать у него из рук. Но Лиам уже держал её у себя над головой, и я никак не могла до неё дотянуться.

— Я твой жених, — сказал он с ухмылкой, — и я приказываю тебе играть мне. Сейчас же!

Я вздохнула и закатила глаза, вставая с дивана. Но, если честно, мне нравилось, что он получал удовольствие от моей музыки. Мне нравилось, что он гордился моим единственным талантом и просил меня играть для него.

— Ну ладно, — проворчала я, идя к скрипичному футляру, стоявшему у стены. — Но я сыграю только раз, а потом опять буду читать. Ты прервал меня на самом интересном месте.

Но вскоре я совсем забыла про книгу. Я опустилась на колени на ковер и расстегнула футляр, а когда открыла его, развернулась, чтобы схватить с кофейного столика нотный

лист. Но, повернувшись обратно, тут же взвизгнула от удивления и отпрянула. На месте моей старой доброй, отливающей золотом в дневном свете, скрипки в красном бархате лежала скелетообразная скрипка, искрящаяся серебром и синевой.

Это была прекрасная новая электронная скрипка.

Я издала сдвоенный возглас, олицетворяющий мой восторг.

— Это... это «Виолектра»! — выдохнула я.

— Нравится? — спросил Лиам, на какое-то мгновение придя в замешательство. — Ты же такую хотела?

Я недоверчиво уставилась на него.

— Шутишь? Нет, ты шутишь, что ли? Я собиралась потратить несколько сотен фунтов и купить «Yamaha Silent Violin». Я просто... Боже, я о такой и не мечтала! Ты уверен, что мы можем себе её позволить?

— Еще как, — сказал он, махнув рукой и по-мальчишески задорно улыбнувшись. — Это инвестиция. Таким образом, когда ты станешь прославленной скрипачкой, тебе от меня не отделаться...

— Жасмин, — раздался шепот мамы у меня под ухом. — Пора. Иди играй.

Её голос тут же вернул меня к происходящему. Я сжала и разжала кулаки, но руки по-прежнему дрожали.

— Ты вовсе не обязана, если не хочешь, — спохватившись, сказала она. — Это ерунда. Перед службой я дала священнику диск с песней. Он может поставить его.

Я помотала головой, изо всех сил стараясь не расплакаться, а потому не могла говорить. Я должна играть. Должна ему сыграть. Я поднялась со своего места и на ватных ногах, которые грозили в любую секунду подогнуться, прошла вперед. Хотя, по правде говоря, все это было фарсом. Я делала это не для Лиамы. Не ради него. Лиам мертв, едва ли его волновало, что я делаю или не делаю. Я должна была это сделать ради себя, в попытке урвать толику успокоения. Я подключила скрипку к усилителю и положила её на плечо, прижав подбородком, надеясь, что привычное движение заставит меня расслабиться хотя бы чуть-чуть. Но стоило моим пальцем прижать струны и взглянуть на гриф, как я ясно услышала голос Лиамы двухлетней давности, когда он впервые вручил мне её, а я просто таращилась на неё в футляре — это была любовь с первого взгляда:

— Так и будешь пялиться или что-нибудь сыграешь?

Казалось, его голос эхом прокатился по церкви, хоть и прозвучал только у меня голове. Я неотрывно смотрела на гроб и мужчину, лежащего в нем, такого близкого мне и уже такого далекого. Лиам был здесь, в деревянном ящике, а я боялась, что могу в любую секунду бросить свою скрипку и ринуться к гробу, сорвать крышку, вцепиться в него, да так и держать, пока кто-нибудь не расцепит мои пальцы, как какой-нибудь чокнутой.

Я сделала глубокий вдох и подняла смычок. Не счесть, сколько раз я играла на этом инструменте, но сегодня мои руки так дрожали, что я не смогла правильным образом надавить на струны, и звук получился слабее. Я попробовала еще раз, но на этот раз я перестаралась, и вышло еще хуже, совершенно не похоже на ту красивую мелодию, которую я обычно извлекала из скрипки. Будто сама «Виолектра» отказывалась играть похоронную мелодию, потому что это было бы слишком ужасно, слишком душераздирающе, слишком разрушительно... Я сделала очередной глубокий вдох, отчаянно пытаюсь успокоиться, но почувствовала легкое головокружение.

А потом я заметила, как мама привстала со своего места, собираясь подойти и усадить

меня на место. Думаю, именно это заставило меня собраться. Я подняла смычок, и на этот раз нота прозвучала ясно и чисто. Идеально. Я играла эту песню для Лиамы прежде, и теперь (играя для него в последний раз) хотела сыграть её хорошо. Но я не смогла заставить себя не плакать. Слезы катились по щекам к подбородку, мешая мне хорошо держать скрипку.

Доиграв песню уже до середины, я заметила, что Бен встал и вышел из церкви. Я понимала, какие чувства его обуревали. Как бы и мне хотелось выйти отсюда. Казалось, музыка, созданная мной, вот-вот вырвет мне сердце. Но я продолжила играть, а когда все было кончено, слепая от слез, я все же сумела сесть на свое место, к семье.

К окончанию службы платок, зажатый в моей ладони, больше напоминал размокшую тряпку. Я обшарила все карманы в поисках чистого. Я помнила, что привезла из дома кучу платочков, но не нашла ни единого. А потом поняла, что мама протягивает мне носовой платок, и благодарно приняла его.

Гроб вынесли на улицу. Пора идти. И тут впервые, идя за гробом, я поняла, что гроб несут только мужчины-гробовщики. Это было неправильно.

Это было категорически неправильно. Они не знали Лиамы, и им плевать, что он умер. Мне следовало попросить его отца и Бена, и его друзей... я не должна была позволять незнакомым людям его нести. Я знала, что гробовщики наверняка задавали мне вопрос о доверенных лицах, но я совершенно не помнила этого. Если честно, я мало что помнила из разговоров с ними. В какой-то момент все стало как в тумане, одним размытым пятном. Я перестала переживать и просто соглашалась со всем, что мне предлагали они или моя семья. Ведь в сущности, это уже было неважно.

Разве имело значение, какую древесину выбрать для гроба, или псалмы, кто понесет гроб, что за еду поставить на панихиде... все это казалось таким бессмысленным.

Но теперь даже смешно, до чего это стало важным. Я про себя извинилась перед Лиамом, что похороны проходят не так, как должно, а потом стиснула зубы, чтобы не разрыдаться в носовой платок. Еще до начала церемонии я была преисполнена решимости ни в коем случае не плакать, а вот теперь не могла перестать. Меня бесило, что посторонние люди видели мои слезы — я должна была приберечь свою печаль для более уединенного места. Я не хотела, чтобы они видели мою боль, мне не нужно было их сочувствие, оно только усиливало мое чувство утраты. Я понимала, как они смотрели на меня: *Бедная вдовушка... она еще так молода... а муж ведь её тоже был совсем молод... слышали, что это аневризма. Трагедия, просто трагедия...*

Какая классная трагедия — её можно смаковать за чашкой кофе, посплетничать о ней перед началом трудового дня, словно ничего не изменилось, словно не произошло ничего ужасного, ужасного, ужасно неправильного, и теперь ничего уже не будет как прежде...

Выйдя из церкви, я с удивлением обнаружила, что пока мы были внутри, небо потемнело: его затянуло угрюмыми тучами, и полил дождь. Над головой желтой вспышкой мелькнула молния, немного погода прогремел глухой гром. Люди у меня за спиной засуетились, открывая зонтики. Я с собой зонта не прихватила и отпихнула предложенный моей мамой. Мне хотелось замерзнуть и намокнуть. Мне хотелось пропитаться водой и продрогнуть до костей. Я не буду чувствовать себя еще хуже, по крайней мере, мое состояние будет соответствовать настроению. Бен ждал нас у дверей, и на кладбище по мокрой траве он пошел вместе с нами.

Викарий что-то говорил, но я, как ни старалась, не смогла сосредоточиться на его словах. Мое внимание было сосредоточено на барабанной дробь капель дождя, когда они

падали на крышку гроба, и лужицах, в которые они собирались на его гладкой поверхности. Все именно так. Сегодня я хороню Лиам. Боже, помоги мне, это не сон. Вот она я — стою здесь и безнадежно гадаю, оправлюсь ли когда-нибудь от этой мучительной боли. Дальше меня не ждет ничего хорошего, ничего.

Гроб только опустили в землю, как на него шлепнулось с неба что-то большое, черное и мокрое. Священник застыл на середине предложения, и все обескураженно зашептались, заглянув в могилу...

— О боже, — услышала я тихий мамин возглас рядом.

Оказалось, что с неба свалился мертвый лебедь, перья которого, все как одно, были черными, как у ворона, клюв красным, а глаза розовыми, как крышка гроба. Я задрала голову и, жмуря глаза от дождя, посмотрела в темное, затянутое тучами небо. Тут в небе появилось еще одно пятно, и слева от меня, совсем рядом, упало еще одно мертвое тело лебедя, длинная шея которого распласталась на влажной траве под неестественным углом. Кто-то взвизгнул и инстинктивно прикрыл голову руками. Я поймала себя на том, что слежу за тем, как с моих ресниц стекают капли и падают на землю.

Третий лебедь упал справа от меня. Церемония закончилась, люди начали разбегаться по своим машинам, чтобы ехать на панихиду, которая была организована в Ратуше. Я обнаружила, что на моих губах играет ухмылка маньяка. Это же все не по-настоящему. Это определенно был сон.

Слава Богу. Очередной раскат грома, громче предыдущего — словно над нами гладиаторская арена, представление на которой в самом разгаре.

— Думаю, нам следует зайти внутрь, — сказала мама, повышая голос, чтобы перекрыть шум дождя.

— Когда же я наконец проснусь, — произнесла я тихонько. Я не собиралась говорить этого вслух, так получилась. Хотя вряд ли мама расслышала меня из-за дождя. — Я буду держаться за него изо всех сил. Я больше никогда не буду его принимать как должное.

— Пойдем, Жасмин, — сказал Бен, который вдруг появился рядом и взял меня за локоть.

Мои белые волосы промокли насквозь и прилипли к лицу. Не успела я вытереть глаза, как с неба свалилась еще парочка лебедей. Бен взял меня за предплечья и развернул лицом к себе. У него тоже не было зонта, и шапка темных волос прилипла к голове, по длинному носу стекал дождевой ручеек. И я хорошо разглядела это только потому, что он близко склонил голову, чтобы я могла расслышать сквозь дождь его слова:

— Не смотри на лебедей. Не смотри на них. Смотри только на меня.

Я непонимающе смотрела на него, и на долю секунды мне показалось, будто передо мной Лиам. У меня защемило сердце — до чего же они похожи. Когда я посмотрела в глаза Бену, то увидела мужчину, которого любила. Я чувствовала онемение — от холода, от горя, от шока — мне захотелось свернуться в клубок здесь, на мокрой траве, и больше никогда никуда не двигаться. Но Бен крепче сжал мои руки, лишая всякой надежды на капитуляцию. Он развернул меня и, будто лунатика, потянул за собой, подальше от гроба и черных лебедей, и кладбища, пропитавшегося водой... и Лиам, который теперь остался один в холодной мокрой земле.

Глава 2

Черный рыцарь

Несколько недель подряд мне снился день смерти Лиам. Но во снах его смерть всегда казалась ошибкой, розыгрышем, недоразумением... Лиам любил пошутить, поэтому какое-то мгновение я почти верила, что это неправда. Когда во сне медики высаживали меня у дома, я заходила внутрь, чтобы найти его там. Он смеялся и говорил, что ему даже в голову не приходило, будто я куплюсь на этот детский розыгрыш. Или бывало, что мне снился телефонный звонок. Звонили из больницы. Мне сообщали, что произошла ошибка, что Лиам жив, и я должна немедленно приехать к ним и забрать его. Как же я ненавидела эти сны.

Меня накрывало таким облегчением, радостью и счастьем, что я зарекалась еще когда-нибудь спорить с ним по какому бы то ни было поводу или ругаться. Я клялась, что больше ни за что не буду растрачивать попусту наши драгоценные моменты совместной жизни. Но потом я смутно осознавала, что сплю, и меня скручивало тошнотворное разочарование, которое почти уничтожало мою душу. А затем сны повторялись. Я опять будто просыпалась от звонка из больницы, и мне сообщали, что Лиам жив... И каждый раз мой разум отчаянно желал в это поверить, и каждый раз я спрашивала себя, сон ли это? Сплю ли я?

Когда на следующий день после похорон раздался настоящий телефонный звонок, я с трудом разлепила налитые кровью глаза и принялась шарить по тумбочке в его поисках. Нащупав, я судорожно схватила трубку, твердо уверенная, что это звонят из больницы. Я приподнялась на локтях, поднесла трубку к уху и прохрипела:

— Алло...

— О, я тебя не разбудила, дорогая? — поинтересовался мамин голос.

Я на мгновение закрыла глаза, сделала глубокий вдох и попыталась унять гнев, который совершенно несправедливо испытала по отношению к ней. Приняв её звонок за больничный.

— Да ничего, — выдавила я.

— Час дня уже, — укоризненно произнесла она.

— Разве?

— Хочешь, я приеду?

— Нет! — спешно сказала я. — Нет, слушай, мне сегодня хочется побыть одной. Прощу тебя.

— Ну, хорошо, — неохотно согласилась она. — Лебедей сожгли. Ты знала?

— Что?

— Вчера на похоронах с неба свалилось пять мертвых лебедей. Их всех сожгли. Ну, понимаешь, а вдруг они были заразными. Викарий сказал, что пытался дозвониться до тебя, но ты не брала трубку, потому он позвонил мне. Он считает, что их до смерти напугала гроза. Потому так случилось.

— А, ну хорошо, — промямлила я. — Мам, мне надо идти. Поговорим позже.

Только переживаний из-за мертвых лебедей мне не хватало. Я и без того едва пережила эти два долгих месяца.

Я внезапно осознала, что стало рано темнеть, и вечерами становилось все холоднее. На дворе стоял ноябрь. Осень почти закончилась, а я и не заметила. Лиам был мертв уже два месяца, а мне по-прежнему требовалось невероятное количество усилий, чтобы стащить себя утром с кровати. Школа, в которой я преподавала по классу скрипки, позволила мне

пропустить осенний семестр, но они не будут ждать моего возвращения до января, до которого, как оказалось, рукой подать. Мне непременно нужно было вернуться к работе. Пособие, выделенное из-за внезапной смерти Лиамы, к тому времени должно было закончиться, да и, как все твердили, жизнь не стояла на месте.

Хотя моя, похоже, застыла. Я неустанно копалась в себе, вспоминая каждое недоброе слово или ехидное замечание, которые я когда-либо, не подумав, бросала Лиаму — а теперь горько сожалела о каждом. Мне оставалось только надеяться — он знал, что я говорила те слова от досады или злости. Я не имела в виду ничего такого на самом деле.

Как-то раз, после нашей очень жаркой ссоры (мы только обручились), Лиам пошел, купил мне цветы и предложил помириться. Но я была еще настолько зла, что не согласилась идти на мировую. Я швырнула этот букет лилий ему в лицо. И только я это сделала, как испытала к себе сильнейшее отвращение. Но это чувство только усилило мою злость. А когда Лиам тут же будто ветром сдуло из дому, я, вместо того, чтобы броситься вслед за ним, растоптала цветы. Я просто дала ему уйти и вела себя очень гадко, а теперь ничего уже не исправить.

Самым сложным для меня стали звонки друзей и семьи, а еще их визиты. С этим я справлялась хуже всего. Они, конечно, пытались помочь, что-то сделать для меня, оказать какую-нибудь услугу, но мне просто-напросто хотелось, чтобы меня оставили в покое, чего они, похоже, никак не хотели понимать и принимать. Они были преисполнены самых добрых намерений. Я знаю.

В следующем месяце, в декабре, я собиралась съездить на недельку в Калифорнию к Лоре — подруге, которая эмигрировала в Штаты в прошлом году. Мы с Лиамом купили билеты на самолет, чтобы слетать вместе. Когда она позвонила после похорон, я разрыдалась в трубку и сказала, что не смогу приехать, но она умоляла меня подождать и посмотреть, как я себя буду чувствовать к тому времени. Возвращать билеты было уже действительно слишком поздно, поэтому, чтобы её успокоить, я согласилась, хотя никуда лететь не собиралась. За все это время я всего один раз вышла из дома, за едой. Но даже это мне показалось пыткой. Нет, не вылазка сама по себе, а то, что пришлось возвращаться в пустой дом. Когда я была вне дома, мне поскорее хотелось вернуться обратно, но, когда я находилась дома, мне хотелось быть подальше отсюда. Я пребывала в ловушке постоянного беспокойства, и мое состояние не улучшалось, несмотря ни на что.

Ко мне являлись друзья и семья, пытавшиеся убедить меня выйти на прогулку, мотивируя тем, что плохо сидеть весь день в четырех стенах. Но я всегда отказывалась. Дом был моим убежищем. Я не хотела видеть никого из знакомых Лиамы. Они могли попытаться заговорить о нем, ненароком потревожить старые воспоминания, они бы сыпали и сыпали соль на раны. Поэтому я порвала со всеми, с кем только могла. Я отключала сотовый и не подходила к окнам, а если кто-то звонил в дверь, то я не открывала. В конце концов, у визитера опускались руки и он, сдавшись, уходил.

К сожалению, с мамой такой номер не проходил, потому что у неё были собственные ключи. Прятаться от неё тоже смысла не было, от этого она становилась только напористее. Как-то раз, спустя два месяца наблюдений, как я прозябаю в океане жалости к себе, она пришла, чтобы прочесть мне лекцию о том, что я еще должна сделать.

— Сделать? — тупо переспросила я. — Что это значит? Я все уже сделала.

Я разобралась со всем, что было связано с похоронами, а после прошла через всю эту утомительную юридическую волокиту: сходила в банк и оформила у поверенного

необходимые документы в связи со смертью мужа, чтобы закрепить за мной выплаты по ипотеке. Когда я получала свидетельство о смерти, меня разобрал идиотский смех. Это ведь такая дурость выдавать справку о... Я договорилась со школой, где преподаю, об отгулах. Я все сделала, чтобы ипотека ежемесячно выплачивалась вместе с кредитом на телевизор с большим экраном, который мы взяли себе в качестве рождественского подарка. И только после этого, я позволила себе заползти в свое логово, будто раненое животное, чтобы исцелить свои раны. Разве на этом не все? Что еще нужно сделать?

— Ты до сих пор ничего не сделала с домом, — терпеливо пояснила мама.

— Я выясняла про ипотеку... — начала было я, но мама прервала меня.

— Я не об этом. — Она на мгновение умолкла в нерешительности. — Здесь повсюду лежат его вещи: одежда, его исследования. Ты должна их прибрать. Может, его родители захотят что-нибудь забрать. Надо разобрать его кабинет. Тебе просто необходимо начать все заново...

— Прекрати! — сорвалась я, отчаянно желая не дать ей сказать больше не единого слова. Где-то в глубине души, я знала, что она права, но мне уже и так пришлось сделать слишком много, и я просто не могла себя заставить сделать еще больше. Одна только мысль об этом прошибала пот. Я будто оказывалась в ловушке: беспомощная, забывшая, как дышать. Я заставила себя собраться с мыслями.

Я понимала, что если мама поймет, в каком я нахожусь состоянии, то она будет проверять меня по десять раз на дню. Поэтому я объяснила, как можно спокойнее, что если займусь вещами Лиамы, то для меня это будет означать, будто я теряю его снова и снова.

Но спустя несколько дней, я подумала, что, наверное, она была права. Поначалу, я находила успокоение в одежде Лиамы. Я надевала его рубашки и чувствовала близость к нему. Но когда его запах выветрился, видеть их висящими в шкафу каждый день, как напоминание, что он никогда не вернется домой, стало просто невыносимо. И когда я осознала, что целыми днями хожу в пижаме, лишь бы не открывать шкаф и не видеть их, я решила стиснуть зубы и наконец-то убрать их оттуда. Для нас обоих шкаф был маловат, по крайней мере, теперь моя одежда не будет мяться, а мама на какое-то время отстанет от меня.

Приняв решение, я сложила его рубашки и убрала в одну из пустых коробок, стоявшую рядом. Но потом я потеряла свою решимость и ушла, неспособная довести это дело до конца. Я ушла в его кабинет и свернулась калачиком на его большом кресле за столом. Я сидела и рыдала, как последняя трусиха, сжимая в руке платок.

Я всегда любила эту комнату. Книжные полки здесь ломились от книг: по истории, мифам, легендам, суевериям, фольклору и сказкам. Даже календарь на стене сообщал, что на дворе сентябрь, словно все в комнате застыло во времени.

Всякий раз, когда Лиам был дома, он всегда работал здесь за своим ноутбуком. Пока мы были женаты, он несколько раз уезжал за границу по работе. Я очень скучала по нему, но, по крайней мере, знала, что он вернется. Как бы мне хотелось все вернуть...

На столе лежала книга. Она была открыта на странице, которую читал Лиам. Это был один из тех здоровенных древних фолиантов в кожаном переплете, иссохшая от времени бумага которого обладала характерным запахом. Книга была открыта на середине главы, в которой рассказывалось, как распознать дьявола, когда тот принимает облик животного.

Казалось, что любое черное животное могло быть связано с дьяволом — черные кошки, черные собаки, черные лебеди...

При упоминании черных лебедей меня передернуло от воспоминания, когда они попадали с неба на похоронах. До того случая, я даже не знала, что они существуют в природе. Дальше в книге говорилось, что в древние времена крестьяне убивали всех черных животных, опасаясь, что в них вселился слуга дьявола. От прочитанного мне стало не по себе, хотя я постаралась не принимать близко к сердцу все эти суеверия и вообще не думать об этом.

Я провела пальцем по странице, чтобы почувствовать близость к Лиаму. Он любил читать. И любил фольклор. Наверное, эти слова были последними из того, что он прочел. На самом деле, скорее всего так и было, именно их он читал, прежде чем встать и пойти за мной на работу... Я захлопнула книгу и отпихнула её. Пора мне уже привыкнуть к мысли, что Лиам больше не будет сидеть в этом кресле и ждать моего возвращения домой. Его больше нет, и сколько слез ни прольешь — он не вернется.

Я взяла книгу и нашла её место на полке, рядом с книгой о волшебных существах, которую Лиам написал сам. Я сняла книгу с полки и полистала её в поисках упоминаний о черных лебедях. Но ничего не нашла, правда, мне попалась глава о волшебных лебедях. Я открыла её и начала читать.

Ну, разумеется, я прочла все книги, написанные Лиамом, но эта мне особенно нравилась за то, что в ней было полно красочных, причудливых иллюстраций русалок, йети и фей.

Я прочла главу о волшебных лебедях и еще раз ознакомилась с мифом, увековеченным в балете «Лебединое озеро»: днем — лебеди, а ночью — прекрасные девушки. Лиам также написал, что, как и русалки, царевны-лебеди обладали волшебными голосами, которыми могли зачаровать любого. В образе лебедя их песни были самыми сильными из всех существующих чар. Но в отличие от русалок и гарпий, которые пели, чтобы заманить моряков к их гибели на дно морское, лебеди пели, чтобы их могли найти возлюбленные, несмотря на расстояние между ними. Книга успокоила меня своей прекрасной интерпретацией мифа, лишённого чего бы то ни было зловещего и демонического.

На следующий день я опять попыталась разобрать шкаф. И на этот раз я заставила себя закончить начатое, хотя на это у меня ушел весь день, и было так же трудно, как и на похоронах. Я видела его в каждой вещи: в каждом джемпере, пиджаке и брюках... На одной из его рубашек осталось пятно от красного вина. Это я пролила вино на его рубашку на дне рождения друга, как раз перед самой его смертью. А вот его любимые счастливые, все изодранные джинсы, в которых он дважды прыгнул с парашютом, после того, как мы поженились. Он полюбил скорость и адреналин и собирался совершить затяжной прыжок с парашютом. Теперь такой нелепостью казались мои переживания по поводу его увлечения экстремальными видами спорта, и что он мог погибнуть из-за них.

Наконец, я добралась до вещей, которые мне вернули. Все, что было на нем в момент смерти. При виде футболки с пятнами от травы и джинсов мне стало плохо. Я сразу же вспомнила, как он рухнул на землю, хватаясь за меня. Мы были на озере неподалеку от дома, кормили уток и лебедей черствым хлебом. Вода в отблеске заходящего солнца поблескивала золотом, было очень тепло, хотя лето подходило к концу. Позади нас резвились дети, играли и лопали мороженое, а кто-то, как мы, кормил водоплавающую живность.

Не помню, о чем мы говорили с Лиамом, стоя там теплым летним вечером.

После я долго пыталась вспомнить наш разговор. Но у меня так и не получилось, его затмило все то, что произошло потом. Он весь день жаловался на головную боль и уже

выпил несколько таблеток утром, а я не придавала этому значения. У него случались мигрени, но ничего особенного. Они довольно быстро проходили.

Когда птицы доели весь хлеб, мы отряхнули руки и прогулочным шагом направились к скамейкам. Мы не прошли и половины пути, как Лиам остановился.

— В чем дело? — спросила я, тоже останавливаясь.

— Голова раскалывается, — ответил Лиам, потирая виски пальцами.

— Ну так выпей аспирин, — предложила я.

— Да я весь день только и делаю, что его пью, — ответил он. — Он не... помогает.

Я начала говорить что-то еще... не могу вспомнить, что именно. Даже тогда я не была по-настоящему обеспокоена.

В конце концов, это была всего лишь головная боль. Но потом он пошатнулся и, чтобы не упасть, схватился за мои плечи.

— Эй, ты в порядке? — резко спросила я, теперь по-настоящему всполошившись.

Никогда не забуду тот его взгляд. На его губах играла ироничная улыбка, знакомая мне улыбка, которая всегда согревала, несмотря на странное недоумение в его глазах. А затем он упал... на зеленую траву, увлекая меня за собой. Когда я достала сотовый, Лиам был уже без сознания.

Когда приехала скорая, он был еще жив, но до больницы довести его не успели. Умер по дороге. Не было никаких томительных часов ожидания вестей из операционной. Врач объяснил мне, что всему виной аневризма. Разрыв сосуда в мозге. Я тупо пялилась на него в ожидании еще каких-нибудь пояснений. Не могло быть все так просто. Все произошло слишком быстро. Еще полчаса назад мы кормили с ним уток. Но в это уже верилось с трудом.

Должно быть, кто-то совершил ужасную ошибку...

— Не понимаю, как это могло случиться, — сказала я, смутно понимая, что мой голос прозвучал совершенно безжизненно. Доктор принялся сыпать причинами: повышенное артериальное давление, травмы головы или даже врожденная патология — им неизвестно наверняка, и порой просто что-то случается и все, без видимых причин...

В сумке был подробный список, и я прочла его, чтобы отвлечься: футболка, джинсы, кроссовки, часы, бумажник, рыцарь, обручальное кольцо, мелочь... Я нахмурилась и снова вернулась к списку. Рыцарь? Я выпотрошила сумку, отодвинула одежду и обувь и нашла четыре маленьких пакетика. В одном лежал бумажник Лиамы, во втором два фунта мелочью, в третьем — часы, а в четвертом, не больше моего большого пальца, черный рыцарь. Через его шлем проходил большой ржавый гвоздь.

Я с удивлением глазела на маленькую фигурку. В списке утверждалось, что он был найден в пиджаке Лиамы. Прежде я никогда не видела эту игрушку. Наверное, её потерял какой-нибудь ребенок, а Лиам подобрал и по какой-то странной причине, сунул себе в карман. Я отложила рыцаря в сторонку, к остальным вещам. А потом я убрала испачканную в траве одежду к остальной в коробке, радуясь тому, что наконец избавилась от неё. Никогда больше не хочу её видеть.

Во второй половине дня я решила отвезти все коробки к банку одежды. Тогда-то впервые мне почудилось, что за мной наблюдают. Когда я переносила коробки, то и дело оглядывалась, настолько навязчивым было ощущение, но за спиной никого не было, если не считать людей, которые ждали на остановке свой автобус и не обращали на меня никакого внимания. Потом я решила, что мне показалось, пожала плечами, уселась в машину и уехала.

домой.

Начиная с похорон Лиама, у меня иногда были странные, ирреальные сны, в которых присутствовали лебеди, и в ту ночь мне снилось, что я стояла на палубе большого, величественного, старого корабля. На палубе была только я. Меня окружала тишина. И пронизывал ледяной холод. Я напряженно вглядывалась вдаль, через океан, но было слишком темно. Я рассеянно подумала, что должен пойти снег. И не успела я об этом подумать, как с неба полетели черные перья. Они падали рядом со мной, задевая обнаженные руки, в океан, оставаясь плавать на воде, и устилали палубу черным ковром. Я завертелась на месте, воздев руки к небу, наслаждаясь шелковистым прикосновением перьев. Я будто находилась внутри огромного сюрреалистичного снежного шара.

Самым странным в этих снах было то, что мне они нравились. Я наслаждалась временем, проведенным в них. Я чувствовала... своего рода удовлетворение. На меня не давила печаль. Но стоило мне проснуться, как на меня тут же наваливалось чувство утраты... только не по Лиаму. Это было нечто другое.

Словно я что-то потеряла, но не знала, что именно...

Глава 3

Свадебные фотографии

Прошла еще пара недель (наступил как раз конец ноября), прежде чем опять кое-что случилось.

С тех пор, как я отвезла вещи Лиаму, меня не покидало странное ощущение, что за мной ведется слежка. У меня покалывало спину, а волосы на коже рук вставали дыбом. Я поговорила об этом с мамой, но та начала нести какую-то сентиментальную чушь, что это Лиам из лучшего из миров за мной приглядывает. Но это был не Лиам.

Ощущение, как правило, длилось совсем недолго, секунду-другую.

Самым тяжелым было непонимание — мерещится ли мне это или нет. Я так никого ни разу и не увидела, потому решила, что это смешно, думать, будто за мной и правда кто-то следит.

Но как-то раз, в один прекрасный день, меня дернуло посмотреть свадебный альбом. Со смерти Лиамы я не могла смотреть ни на одну фотографию, но в тот вечер я достала наш альбом из шкафчика. Уселась посреди кровати и открыла его. Мои глаза сами собой тут же сфокусировались на Лиаме. На этой фотографии мы вдвоем стояли перед церковью. Был солнечный день и в его каштановых волосах мерцали золотые лучи. На всех фотографиях у него на губах играла мальчишеская задорная улыбка, а в глазах светилось счастье, словно он считал, что все ему должны завидовать, ведь у него такая прикольная невеста.

Потом я перевела взгляд на себя в бледно-голубом свадебном платье и чуть не подскочила от ужаса. Я помню, что весь день улыбалась, как идиотка, а на этом фото... мое лицо было перекошено от боли. Такое ощущение, что мне было очень, очень плохо. Вот она я, в чудесном платье, рука об руку с самым любимым мужчиной на свете в счастливейший из дней в моей жизни, а выгляжу так, будто вот-вот умру.

Я вцепилась в альбом и быстро перелистала его, но на всех фотографиях увидела одно и то же. Все было в порядке, кроме моего лица... А на последнем фото мой рот был вообще широко и неестественно открыт, будто я кричала изо всех сил. Лиам стоял рядом и улыбался, очевидно, ничего не замечая. Но я точно знаю, что не так выглядела на свадьбе. И фотографии были не такими. Когда мы с Лиамом вместе рассматривали фотографии, то оба выглядели на них счастливыми, каковыми и были в тот день. Я резко захлопнула альбом, будто из него с тех фотографий могло сбежать нечто ужасное и сожрать меня.

Печаль, которую я испытывала еще несколько мгновений назад, вытеснил страх, настолько сильный, что даже пробрал меня до костей. Я задумалась, неужели мне настолько не хватает Лиамы, что я немного тронулась умом от горя. Эта мысль ужаснула меня. «Нет, нет, — попыталась я убедить себя, — это просто усталость». Мне просто нужно поспать, а утром фотографии будут прежними. Я спешно затолкала альбом обратно в шкаф и легла в кровать.

Но уснуть мне так и не удалось. Одна, в пустом доме, я чувствовала себя очень неудобно. Я все никак не могла выбросить те фото из головы. Меня охватило какое-то странное чувство. Все казалось теперь не таким, как раньше. Даже такая знакомая кровать была какой-то чужой. Я лежала некоторое время, прислушиваясь к звукам сильного дождя, начавшегося полчаса назад. Но, в конце концов, выбралась из кровати. Мне не нужно было включать свет, потому что я оставила занавески открытыми, и света от уличного фонаря

вполне хватало. Я подошла к шкафу и вынула альбом. Я знаю, что в моем поступке не было никакой логики, но мне показалось, что станет легче, если мы с альбомом будем находиться в разных помещениях. Поэтому я, стараясь ступать тихо (хотя вряд ли кого могла побеспокоить, ведь кроме меня никого больше не было в доме), вынесла его из спальни и оставила на журнальном столике в гостиной. А потом вернулась обратно в спальню.

И именно тогда я увидела на улице мужчину.

Он стоял на другой стороне дороги от фонаря и, похоже, наблюдал за домом. Я застыла, продолжая держаться за край одеяла, который подняла, собираясь лечь. Интересно, а он меня видит? На дворе почти два часа ночи и идет дождь, почему он там торчит?

Мне не удалось его хорошенько рассмотреть, потому что он был одет в черный плащ с капюшоном. Интересно, что свет от фонаря растекался по плащу радужными лужами, будто с неба лилась не вода, а масло. Пугающий эффект, неуместный и неестественный. Лицо скрывала тень, а руки он спрятал в карманы. Неожиданно весь его вид переполнил меня страхом, да таким сильным, что душа ушла в пятки.

Если бы это был какой-нибудь пьяница, который, спотыкаясь, еле волочил ноги из ближайшего паба, распевая какую-нибудь песню, я бы не испугалась, и его нахождение на улице было бы вполне понятно. Но этот человек просто стоял там, будто прирос к земле, мок под дождем и наблюдал за домом, за моим домом. И в это мгновение я с горечью осознала, насколько была одинокой и уязвимой в пустом доме.

Я решила позвонить в полицию, но как только моя рука потянулась к телефону на соседнем столике, мужчина на улице резко развернулся и поплелся прочь. Я придвинулась к окну и смотрела, пока тот не повернул за угол в конце дороги и не скрылся из виду.

Как долго он там простоял и что ему было нужно? Не думаю, что он видел меня с такого расстояния. Когда я вставала, то не включала свет, но, возможно, он различил какое-то движение, может, именно поэтому он ушел... Может быть, он был вором, который просто изучал обстановку в районе. Может быть, именно из-за него у меня периодически возникало ощущение, что за мной следят. Может быть, мне ничего не показалось...

После недолгих раздумий, я позвонила в полицию. Конечно, я мало что могла рассказать о том мужчине (я ведь даже его описать не смогла бы) и, исходя из этого, они мало что могли сделать, но офицер, с которым я говорила, похоже, отнесся к моему звонку серьезно, да и само общение с ним заставило меня почувствовать себя лучше. Но той ночью мне все равно не удалось заснуть. И в эти темные часы, которые тянулись очень медленно, я чувствовала отсутствие Лиамы как никогда остро.

Глава 4

Джексон Торп

И только когда солнечные лучи наступившего утра проникли в мою комнату, я почувствовала себя в безопасности и провалилась в сон.

Где-то часа четыре спустя меня разбудил звонок в дверь, пришлось выбираться из кровати. Наверное, почтальон. Но когда я открыла дверь, то не узнала мужчину, стоящего на пороге. Его машина была припаркована следом за моей.

На вид лет тридцати, довольно высокий. Обладатель рыжеватых волос и веселых голубых глаз. При виде меня, на его приятном лице растянулась довольная улыбка.

— Вы, должно быть, Жасмин, — сказал он.

Мне вдруг стало неловко за свой внешний вид. На мне были лишь пижамные штаны и топ. Я не часто ношу одежду, которая открывает публике слишком много моей молочной кожи, чтобы не подчеркивать тот факт, насколько я отличаюсь от окружающих. А смерть Лиамы еще больше подточила мою уверенность в себе. Когда он был со мной — плевала я на свои наряды. Сейчас же мне было неприятно осознавать, что мои плечи и руки открыты, а белые волосы растрепаны после сна. Было совершенно ясно — я только что встала с постели, хотя прошло уже полдня. Но, к моему облегчению, незнакомец тактично сделал вид, что ничего не заметил.

— Прошу прощения, — сказала я, пробегая рукой по волосам, стараясь их пригладить. — Мы знакомы?

Его улыбка стала шире.

— Пока нет, моя дорогая. Но у меня уже такое чувство, будто мы знакомы всю жизнь. Лиам столько мне о вас рассказывал. Меня зовут Джексон Торп. Думаю, ваш муж рассказывал вам обо мне. Он дома? Я приехал повидаться с ним.

Я смутилась. Никогда не слышала этого имени, еще больше меня удивило, что якобы я должна была его знать. Но хуже всего, он, очевидно, не знал о смерти Лиамы.

— Откуда... откуда вы знаете Лиаму? — заикаясь, задала я самый идиотский вопрос на свете.

— Мы работали вместе год или около того назад, — ответил Джексон. — Неужели он ничего не рассказывал обо мне? Вам повезло, что я не из чувствительных натур, а то этот факт задел бы меня за живое.

— Джексон, — сказала я и сглотнула. — Мне жаль, но Лиам... он умер. Почти три месяца назад.

Я ожидала, что он изменится в лице, что улыбка исчезнет. Я ожидала увидеть, как он шокирован, особенно в свете сказанного им.

Но вместо этого я услышала его невеселый смех.

— Значит, он ничего вам обо мне не говорил! — воскликнул он, сверкая глазами. — Знаете, а так не пойдет. Ну же, скажите мне, где он.

Я уставилась на него.

— Не понимаю, о чем вы, — холодно ответила я.

Попыталась закрыть дверь, но Джексон успел подставить ногу и не дал мне этого сделать.

— Что вы делаете? — воскликнула я, когда он ворвался внутрь.

— Где он? — огрызнулся Торп. Его голубые глаза больше не излучали дружелюбия.

— Я же вам уже сказала! — Неожиданно мне пришла в голову ужасная мысль, и я сказала: — Это вы... были у дома прошлой ночью?

— Я только утром прибыл в страну. А теперь отвечайте — где он?

— Убирайтесь! — резко сказала я, не зная, верить ему или нет, потрясенная его грубостью. Хотя мой испуг в мгновение ока сменило отвращение. — Что, черт возьми, с вами не так?

Он не ответил, а прошел мимо меня и открыл первую попавшуюся дверь, которая вела в спальню.

— Если этот ублюдок мертв, — прорычал он, подойдя к шкафу, — тогда почему вся его одежда в... — Он умолк от удивления, увидев, когда открыл дверцы, что внутри висит только моя одежда.

Он развернул голову и обшарил взглядом всю комнату в поисках признаков мужчины, который когда-то делил со мной эту спальню. Когда он ничего не обнаружил, то вновь уставился на меня и, впервые, похоже, ему пришло на ум, что я говорила правду.

— Кто это сделал? — проворчал он, бледный от гнева. — Лукас? Эдриан? Это был Бен?

— Бен? — тупо повторила я.

— Его брат.

— Я знаю, кто такой Бен! Лиам умер от естественных причин. Его никто не убивал! Бен бы никогда...

— Я... я хочу видеть его свидетельство о смерти, — хрипло сказал Джексон.

Я сделала глубокий вдох.

— Если вы немедленно не покинете мой дом, — сказала я, — то я вызову полицию.

На мгновение он заколебался, но потом все-таки прошел мимо меня к входной двери и застыл на пороге, подняв руки в примирительном жесте.

— Вы уверены... уверены... что он мертв? Вы видели его тело? Вы...

— Я видела тело! — рявкнула я. — Уж поверьте мне — он мертв!

Нахмурившись, он развернулся, больше не проронив ни слова. Но я, неожиданно для самой себя, потеряв всякий страх, схватила его за рукав.

— Откуда вы, черт возьми, знаете Лиам? В голове не укладывается, чтобы он водил знакомство с кем-то вроде вас, — зло сказала я.

— С кем-то вроде меня? — тихо повторил Джексон, глядя на меня с таким выражением, которое я никак не могла понять. — О господи, так он и правда вам ничего не рассказал, да?

Он склонился ближе и прошептал на ухо: «Крепитесь, дорогая. Лиам был куда чернее, чем можно себе представить».

От его теплого дыхания на моей шее меня передернуло.

Он сделал шаг назад и улыбнулся, явно довольный собой. Страхнув мою руку, он прошел к своей машине. Я смотрела ему в спину, пытаясь придумать какое-нибудь оскорбление, которое можно было прокричать ему вслед. Но он сел в машину, а я так ничего и не придумала. Однако я все никак не могла стереть из памяти его самодовольную ухмылку, поэтому выбежала из дома, схватила первый попавшийся камень на подъездной дорожке и бросила в машину ублюдка. Раз я не смогла придумать, что ответить этому высокомерному козлу на то, что он пытался заставить сомневаться жену в собственном муже, — меня вполне устроит разбитое заднее стекло его машины.

Я даже думала, что он остановится и вновь ворвется в дом, чтобы потребовать денег на

ремонт, но нет. Он выехал на шоссе, оставив меня, дрожащую, стоять на пороге. Я почти сразу же пожалела о своем импульсивном поступке. Ведь теперь он мог вернуться. Я бросила взгляд на соседние дома. Надеюсь, никто не видел этого представления.

Потом я поспешила обратно внутрь и автоматически потянулась к телефону, но помедлила, прежде чем набирать 999.

И что именно я скажу полиции? Что ко мне в дом ворвался мужчина, сильно не жаловавший моего покойного мужа, а узнав о его смерти, очень разозлился? И он подумал, будто моего мужа убили. Что он упомянул два имени (Эдриан и Лукас), о которых я никогда не слышала. А что до Бена... что ж, сама мысль, будто он способен убить собственного брата, абсурдна. Поэтому я взяла телефон и позвонила ему. Очевидно, Джексон его знал, и я подумала, что он наверняка сможет объяснить все это только что произошедшее безумие.

Я не видела его с похорон. После того, как Бен увел меня с кладбища и посадил в машину, он сразу же уехал, даже не зайдя на панихиду. Когда я несколько дней спустя спросила его мать о нем, она ответила, что он вернулся в Германию.

— Ты же понимаешь, как все это тяжело для Бена, — сказала она, когда я выразила удивление.

— Тяжело для Бена?! — выпалила я.

Это мне было тяжело. Это я занималась всеми приготовлениями к похоронам, я приготовила его одежду для похорон. Я сочувствовала Бену. Он так и не успел помириться с братом, но чья в том вина. Я не знала, из-за чего они поругались с Беном, а Лиам отказывался рассказывать. Что беспокоило меня — обычно он все мне рассказывал.

Лиам не помнил обид, и поэтому я знала, что Бен, должно быть, сделал нечто поистине ужасное, раз это привело к такому длительному разрыву.

Последний раз я видела их вместе за пару недель до нашей свадьбы. Когда мы вернулись домой как-то вечером, то увидели у себя на кухне, за нашим столом, Бена с бокалом и бутылкой «Джемесона» перед ним.

— Господи, Бен, ты до чертиков напугал меня! — воскликнул Лиам, когда обнаружил брата за столом. — Как ты вошел?

— Запасной ключ под ковриком, — с кислым выражением лица ответил Бен. — Вы бы позамысловатее прятали ключи.

Он старался не подавать виду, но я поняла, что он пьян. И это было впервые за все время, что я его знала. Я почувствовала себя неловко и подумала, что, значит, что-то случилось, раз он пришел к нам в таком состоянии.

— Бен, может, хочешь кофе? — спросила я, осознавая, что он наблюдает за мной из-под тяжелых век, когда подошла к кофе-машине.

— Нет, спасибо. — Он снова перевел взгляд на Лиам и сказал: — Я только что от мамы. Я так понимаю, вас можно поздравить.

Лиам взглянул на меня, а потом с улыбкой произнес:

— Все верно. Мы обручились с Джемезом. Правда, я не хотел, чтобы мама тебе говорила. Мне хотелось тебе самому рассказать.

— Да ну, — хмыкнул Бен, и я поняла, что его интерес к данной теме исчерпан. Он встал и по тому, как он поставил бутылку туда, откуда ее взял, вы никогда бы не подумали, что он пьян, а потом взглянул на меня и спросил: — Вот оно до чего дошло, да, Жасмин?

— Да, — ответила я.

— Все, как и должно было быть?

— Да, — вновь ответила я.

— Хорошо, я рад, — сказал он. Потом развернулся к Лиаму и грубовато добавил: — Нам нужно поговорить о деле.

— О деле? — повторил Лиам, внезапно разволновавшись. — Бен, ты же знаешь, у меня не так много денег.

— Выслушай меня хотя бы. — Это больше походило на приказ, чем на просьбу. — Кроме того, ты должен подвезти меня домой. Меня сюда привезли, моя машина в гараже.

Ну, он хотя бы не пытается самостоятельно садиться за руль, подумала я. Однако, меня слегка задело его обращение с Лиамом в его собственном доме. Мне даже показалось, что у Бена, наверное, какие-то неприятности. В конце концов, я его почти не знала и прежде не видела в таком состоянии.

В общем, Лиам повез его домой и пропал на несколько часов. Когда он вернулся, то был в приподнятом настроении, а пьяное состояние Бена объяснил тем, что его брат не мог найти инвестора, чтобы вложиться в какое-то немецкое предприятие вместе с ним.

И это был последний раз, когда я видела этих двоих вместе в одной комнате. Мне было трудно поверить, что они разругались окончательно и бесповоротно. Когда Лиам вернулся домой в довольно хорошем настроении, он сказал мне, что Бен не слишком расстроился его отказом участвовать в деле, да и он все равно не ожидал обратного. Мне потом казалось, что их ссора произошла после этого случая, но я не знала наверняка. Только единожды после Лиам говорил со мной о своем брате, когда я в прошлом году попыталась уговорить его пригласить Бена на семейное торжество по случаю Рождества.

— Ты что, даже не можешь рассказать, из-за чего вы поссорились? — спросила я тогда. — Не верю, что все так серьезно. Он, конечно, тихоня такой, но никогда не казался злым человеком, тем более, он твой брат...

— Не позволяй ему дурачить себя! — прервал меня Лиам несвойственным ему резким голосом. — Он умен, этого у него не отнять, но проблема Бена заключается в том, что его волнует только он сам!

— А чем он занимается? — снова спросила я.

Но Лиам лишь пожал плечами.

— Сделай мне одолжение, Джек, прекрати весь этот бессмысленный разговор о Бене. Ты же видела его на вечеринках, стоит в углу с несчастным видом. Больше мне сказать о нем нечего.

Я, не желая того, хихикнула, потому что наблюдение Лиамы попало прямо в точку. Чем больше людей было вокруг, тем большим снобом, судя по его выражению лица, казался Бен. Я решила оставить пока эту тему и вернуться к ней позже. Только я тогда не знала, что наше время с Лиамом почти исчерпано.

Так как у меня не было контактов Бена, то мне пришлось сначала позвонить его родителям, чтобы узнать номер его сотового.

Его мама удивилась моему звонку и поинтересовалась, зачем мне понадобился Бен, на что я ответила, мол, разбирала вещи Лиамы и подумала, может, брату захочется что-нибудь из них забрать.

Мне показалось, что ей не очень хотелось давать мне его телефон, но все-таки я его получила.

В течение дня я отправила ему пять сообщений с просьбой перезвонить. В шестом сообщении я уже написала, что мне нужно поговорить с ним о человеке по имени Джексон

Торп.

Бен перезвонил через пять минут.

— Где ты слышала это имя? — с места в карьер начал Бен, как только я ответила.

— Он пришел ко мне домой утром, — ответила я, мгновенно чувствуя раздражение от его тона.

— Что, прости? — осведомился он угрожающе низким голосом, словно я только что сказал нечто отвратительное.

— Он пришел ко мне в дом, — повторила я. — Он хотел видеть Лиам. Когда я ему сказала, что Лиам мертв, он предположил, что мой муж был убит. Он даже спросил, не ты ли убийца! Так, может быть, ты согласишься мне объяснить, какого черта происходит? Откуда ты знаешь этого человека?

— Он... старый друг Лиам.

— Старый друг? — повторила я, слегка истерично. — Старый друг? Да Лиам бы никогда не стал водить дружбу с таким. А кто такие Эдриан и Лукас?

Я услышала, как Бен на другом конце линии, сделал глубокий вдох.

— Понятия не имею, — сказал он. — Никогда не слышал этих имен. Лиам не спрашивал у меня позволения, заводя те или иные знакомства. Он же был рубахой-парнем. И с чего ты решила, что я знаю всех его друзей.

— Но с чего Джексон Торп взял, что ты мог...? — Слова застряли у меня в горле, и я не смогла закончить предложение.

— Уверен, что он сказал это несерьезно, — с раздражением сказал Бен. — Он, наверное, просто припомнил нашу ссору. Что еще он сказал?

— Когда я сказала ему, что Лиам мертв, он мне не поверил и ворвался в дом! — сказала я.

На какое-то мгновение наступила тишина. Я почувствовала укол разочарования. Ведь я-то надеялась, что он начнет громко возмущаться, тем самым продемонстрирует, что переживает за меня. Но ничего подобного.

— И? — нетерпеливо подсказал он. — Что потом?

Я вздохнула.

— Он понял, что я говорила правду и ушел. Если ты мне сейчас же не расскажешь, что происходит, я звоню в полицию.

— И что ты им скажешь?

Я на мгновение умолкла. Он прав. Проблема состояла именно в этом, мне нечего было сказать полиции.

— Делай, что хочешь, Жасмин, но Джексон даже живет не в Англии. Он, наверное, уже на обратном пути в Америку.

— Откуда он знает Лиам?

— Они познакомились, когда Лиам был в Мюнхене, занимался исследованиями мифа «Лебединый король».

— В Мюнхене? Но, что...

— Мне нужно идти. Я ужасно занят. Не переживай из-за Джексона Торпа. Он — идиот. Уверен, больше он тебя не беспокоит.

А потом он повесил трубку. Я уставилась на телефон в руке, не веря, что он так похамски себя повел. Бен никогда не был особенно разговорчив, но, по крайней мере, он всегда был вежлив со мной. Я покачала головой и положила трубку. Слова Бена все еще звенели у

меня в ушах...

«Они познакомились, когда Лиам был в Мюнхене, занимался изучением биографии Лебединого короля...»

Это правда. Около года назад Лиам носился с идеей написать книгу о легендах и мифах, окружающих баварского короля Людовика II — так же известного, как Лебединый король, Сказочный король или Безумный король, в зависимости от того, в какую из историй о нем вы верили. Правда, проведя предварительные исследования, он отказался от этой идеи, сочтя, что у него не наберется достаточно материала для книги. Но занимался он исследованиями дома, с помощью Интернета. Пару лет назад мы ездили с Лиамом в Мюнхен на несколько дней, чтобы отдохнуть. Этот город нас настолько очаровал, что мы дали себе обещание обязательно вернуться туда когда-нибудь. Но так и не собрались с тех пор.

Я взяла телефон и набрала номер Бена, но попала на автоответчик. Поэтому я засела за компьютер в гостиной и занялась поисками Джексона Торпа. Спустя некоторое время, я нашла американский сайт, который принадлежал фотографу с таким именем. После некоторых раздумий я позвонила по телефону, указанном на сайте, но никто не ответил. Я повесила трубку. С одной стороны, я испытала разочарование, с другой — облегчение, что мне не пришлось снова с ним разговаривать.

Я предприняла последнюю попытку и позвонила Бену примерно через час. На этот раз по указанному телефону ответили сразу. Трубку взяла незнакомая мне немка.

— Ой, — произнесла я, испугавшись, что не туда попала. — Вы говорите по-английски?

— Да.

— Я ищу Бена Грейси.

— А кто его спрашивает?

Девушка по другую сторону телефонной линии была юна и говорила с очень легким акцентом.

— Это Жасмин. Жасмин Грейси.

— Подождите минуточку, пожалуйста, — откликнулась она. — Я его найду.

— Хорошо. Спасибо.

Очевидно, она говорила по беспроводному телефону, и я услышала, как она прошла в другое помещение и сказала:

— Здесь на проводе женщина по имени Жасмин — спрашивает вас.

От ответа Бена у меня вскипела кровь.

— Скажите ей, что меня нет.

Он сказал это так небрежно, словно ему было плевать, услышу я это или нет.

— Но, Бен...

— Хайди, я не хочу с ней разговаривать!

Когда немка вновь заговорила в трубку, у неё хотя бы хватило совести испытать неловкость, когда она сказала:

— Мне очень жаль, но сейчас он очень занят. Может, он вам перезвонит?

— Да. Передайте ему, пожалуйста, что это очень важно, — попросила я, стараясь не демонстрировать девушке своего раздражения. В конце концов, она была ни при чем.

Повесила я трубку с чувством разочарования. Я не могла добраться ни до Бена, ни до Джексона. Оба они находились в других странах. Делать нечего, раз он не хочет разговаривать по телефону, придется явиться перед его взором и заставить говорить. Но так как у меня не было его адреса, я еще раз позвонила его матери.

— А зачем тебе нужен его адрес? — требовательным тоном спросила она.

Я начала выдумывать какие-то ложные предлоги, почему у меня возникло желание поддерживать связь с Беном, но она резко оборвала меня.

— Слушай, Жасмин, — сказала она холодно, — терпеть не могу говорить подобное... но мне очень бы не хотелось, чтобы ты поддерживала связь с Беном. По правде говоря, лучше тебе с ним совсем не общаться.

— Почему? — удивленно спросила я. — Что-то случилось?

Наступила тишина, спустя мгновение после которой, она с едва скрываемым раздражением сказала:

— Разумеется, ты и сама должна понимать, что многое поменялось. Нам не дано вернуть прошлого. Я хочу, чтобы ты оставила Бена в покое. Он и так уже через многое прошел.

Я сжала телефон, не веря тому, что услышала. Я понимала, что рано или поздно мы с семьей Лиамы отделимся друг от друга, но мне казалось, что это произойдет постепенно. Лиама частенько говорил мне, что я выдумала, будто его семья не одобряет наш брак, и я старалась ему верить. Но, похоже, я была права. Правда, никогда не думала, что они вот так со мной поступят. Я словно получила удар поддых, и меня затопил новый приступ боли.

— Я... простите, что побеспокоила, — пробормотала я, а затем бросила трубку, прежде чем у нее появился шанс ответить.

Моя рука на телефонной трубке слегка подрагивала, и я мысленно отругала себя за то, что была такой кроткой. Нужно было что-то сказать — нельзя было вот так облегчать ей жизнь. Моя боль неожиданно трансформировалась в гнев, и я снова взяла трубку, намереваясь перезвонить и высказать все, что думаю. Если я сорвусь на ком-нибудь, то мне наверняка станет легче... Но, набирая номер, я остановилась. Конечно, мне хотелось накричать на женщину, которая оказалась такой жестокой, но... она ведь была мамой Лиамы. Она потеряла одного из сыновей, так что, полагаю, я не имею права винить её за то, как она разговаривала со мной. Я ведь и сама хороша — постоянно срывалась на своих родных, в то время как они пытались помочь. Я сделала глубокий вдох и отложила телефон.

Все равно кричать на неё было бы бесполезно.

Я отвернулась от письменного стола, и взгляд мой упал на альбом со свадебными фотографиями, который я перенесла ночью на журнальный столик. Из-за событий сегодняшнего дня я совсем про него забыла.

Я подошла и опустилась на колени возле столика, а потом резким рывком, словно сдирала пластырь, открыла альбом, надеясь, что прошлой ночью было... прошлой ночью... и что все теперь в норме.

Но, увы, все фотографии были точно такими же, как и вчера. Я пролистала весь альбом. Над ними явно «поколдовали». Кто-то их изменил, все испортил.

При свете дня я уже спокойнее отнеслась к ним, понимая, что это чья-то злая шутка. И тут я подумала о Джексоне. Наверняка он был профессиональным фотографом, и это его рук дело. Это единственное возможное объяснение. По какой-то странной причине он решил испортить все фотографии. Наверное, он взломал замок или ключ нашел, и проник в дом, когда я отправилась в магазин за продуктами, нашел альбом, забрал и потом привез его обратно. Конечно, это было не просто, потому что я почти не покидала дом, но тогда становилось ясно, откуда у меня было это чувство, будто за мной следили. Наверняка это был Джексон. Скорее всего, это именно он был тем самым человеком под дождем.

Я было подумала снова позвонить в полицию, но потом поняла, что у меня нет никаких доказательств того, что это был Джексон. Я обхватила голову руками и попыталась обдумать, что же мне делать. Я была уверена, пока меня не было дома, сюда проник Джексон, хотя не представляла, зачем ему это понадобилось. Мне была противна сама мысль, что у меня в спальне побывал незнакомец, который вдобавок еще и мог рыться в моих вещах. Если он делал такое раньше, то где гарантия, что он не повторит это снова? Не надо было мне бросать камень в его машину...

Надо бы мне установить какую-нибудь систему безопасности. Но в то же время, я давно уже не чувствовала себя здесь в безопасности, а мысль о том, что и следующую ночь придется провести здесь в одиночестве, очень пугала. Это было ужасное чувство, потому что я хотела быть дома, в привычной обстановке, со всеми своими вещами... но я была слишком напугана, чтобы остаться в одиночестве и знала, что не переживу еще одну ночь.

А потом я вспомнила о Лоре и мне вдруг очень понравилась идея пожить у неё в Калифорнии. А пока я буду отсутствовать, здесь можно было бы установить систему безопасности. Моя мама могла бы проследить за этим, и к тому времени, когда я вернусь, все уже будет готово. К тому же, я так и не удосужилась вернуть билет, да и Лора считала, что я могла передумать. Поэтому я взяла трубку и набрала её номер.

Глава 5

Люк

Когда до поездки в Калифорнию оставалось еще около недели, сразу же после разговора с Лорой, я перезвонила бабушке с дедушкой и спросила, можно ли мне погостить какое-то время у них. Я знала, что они будут рады, а мне отчаянно хотелось покинуть этот дом.

Отчасти это было связано с Джексонсом Торпом и тем фактом, что я больше не чувствовала себя в безопасности, но это была не единственная причина. Просто, наверное, я решила для себя, что с меня хватит. Без Лиамы находиться в этом доме было мучительно больно — сидеть на диване, где когда-то сидел он, есть в одиночестве, спать в нашей двуспальной кровати без него, каждый элемент декора в комнатах напоминал, что мы выбирали его вместе.

То, что еще некогда казалось спасением, приютом, теперь напоминало тюрьму. Я понятия не имела, что делать с комнатой, которая еще совсем недавно служила ему кабинетом. Разве я могу превратить её во что-нибудь другое? Я серьезно раздумывала о продаже дома. Куплю что-нибудь поменьше и начну все сначала. Меня даже в каком-то смысле увлекла эта идея, но... в то же время я ей сопротивлялась. Отчасти потому, что мне невыносимо было думать, что я потеряю все воспоминания, связанные с этим домом. Если я просто продам дом каким-то незнакомцам или каким-нибудь своим знакомым, они ведь наполнят его своими вещами. А я больше никогда не смогу туда вернуться, если мне захочется. Кроме того, похоже, для того, чтобы двигаться дальше, придется затрачивать невероятное количество усилий.

Когда я вспоминала, чего мне стоило убрать одежду Лиамы, думала о том, что придется запаковать каждую вещь в доме... придется упаковывать даже те вещи, что еще пылятся на чердаке, а потом распаковать их в другом месте, становилось просто невыносимо.

Почта — еще одно орудие пыток. Письма все приходили и приходили. Ему все еще приходило столько писем. По большей части всякая макулатура, и все же. Я обнаружила, что свои письма я вскрываю, а его — оставляю на столе в коридоре, как я это делала обычно, когда он бывал в одном из своих путешествий. Как только я поняла, что делаю, тотчас же возненавидела сортировку писем. Я бы оставила скапливаться письма на коврике в прихожей, если бы образовавшаяся куча не приводила меня в такое уныние от осознания, что рано или поздно и её придется разобрать.

Спам я выбрасывала, даже не вскрывая, но письмо из турагентства открыла, подумав, что это, должно быть, что-то связанное с поездкой в Калифорнию, которую мы заказали. Но, к моему удивлению, конверт содержал один авиабилет в Мюнхен для Лиамы. Он должен был улететь из Гатвика в конце декабря. И когда я получше рассмотрела фирменный бланк, то поняла, что это не наше привычное туристическое агентство, а какое-то мне не знакомое. Я позвонила по указанному номеру, думая, что это какая-то ошибка. Но агент, с которым я разговаривала, был непреклонен. Мистер Лиам Грейси заказал и оплатил билет до Мюнхена, как раз за неделю до смерти. Если бы в конверте я нашла два билета, то посчитала бы, что Лиам приготовил мне сюрприз.

Но внутри лежал только один билет, и Лиам ничего не говорил мне о нем, как и о том, что его, скорее всего, не будет дома на Новый год. И Мюнхен... город, о котором Бен упомянул по телефону около часа назад... Билет был заказан через другое агентство... Все это

было как-то странно и заставило меня чувствовать себя немного неловко. Теперь мне уже никогда не узнать, почему Лиам купил билет на самолет, так что я отложила его в сторону и попыталась забыть об этом, пока не доберусь до бабушки с дедушкой.

Они жили за городом, в прекрасном большом доме с собственной конюшней. Несмотря на свой преклонный возраст, который уже не позволял ему совершать верховые прогулки, дедушка обожал лошадей и все еще выставлял их на продажу при случае. Когда я росла, то часто бывала у них, и он учил меня ездить верхом. Он и Лиам потом учил, когда мы их навещали, как и детей на школьных каникулах. Лиам был просто в восторге от верховой езды, и мы катались по несколько часов в день. Но не будь моего деда, он бы никогда не познал радостей верховой езды, потому что это было слишком дорогое удовольствие, а его семья никогда не шиковала.

Мы с багажом и скрипичным футляром прибыли в полдень. Я слегка нервничала. С одной стороны, я столько времени избегала людей, поэтому у меня не было уверенности, что я справлюсь с таким их количеством вокруг, но с другой стороны — меня уже тошнило от одиночества. Бабушка пыталась настоять, чтобы я обязательно попила кофе с пирогом в гостинной, но, к счастью, вмешался дед и сказал, что я обязательно должна спуститься и первым делом познакомиться с лошадьми.

— Мистер Эд все еще у вас? — поинтересовалась я, закусывая губу от волнения. Если он сейчас мне ответит, что продал моего любимца, то я, наверное, разрыдаюсь как малое дитя, но он только улыбнулся и кивнул.

— И Гемп здесь, — сказал он. — Мы продали Амброзию и Демми, но Мистера Эда, Гемпа, Румбу и Поло оставили. Довольно, чтобы ты не скучала, а?

Я кивнула и неожиданно для себя поняла, что не могу дождаться, когда окажусь в конюшнях.

— Думаешь, Грэн не станет возражать, если я прокачусь сейчас на Эде? — спросила я.

— Конечно, нет, — ответил дедушка. — Погуляй с ним подольше, а мы подождем твоего возвращения за ужином.

Я была вся в нетерпении, поэтому не стала переодеваться, а только переобулась в сапоги для верховой езды и спустилась в конюшню. Когда я открыла дверь в сарай, то меня тут же оглушил знакомый аромат сена вперемишку с дегтярным мылом и характерным конским запахом, что мгновенно заставило меня почувствовать себя снова восьмилетней девочкой. И даже спустя столько лет, я так и не избавилась от привычки передвигаться как можно тише по конюшне, на случай, если мне вдруг снова привидится фея. Мне, наверное, тогда было не больше пяти лет, но я до сих пор помню все настолько ясно, будто это произошло вчера. В таком возрасте меня никуда не отпускали без присмотра, поэтому я была с дедом. Я стояла на специальной стремянке и помогала приводить лошадей в порядок. Спустя какое-то время он снял меня с помоста и отослал в стойло к Бесси, чтобы я забрала щетку, которую он там оставил. Я пошла, держась подальше от лошадиных копыт и поближе к стене, как меня учили.

Именно тогда-то я её и увидела. Она сидела на седле Бесси и, похоже, заплетала мелкие косички из гривы лошади. У меня отвисла челюсть и, замерев, как вкопанная, я просто пялилась на неё. Она не очень-то походила на тех фей, что я видела в книжках, с такими-то синими волосами холодного оттенка, ниспадающими вокруг эльфийского личика с совершенными чертами. Крылья у неё были прозрачными и нежными, будто сплетенными из паутины, а бирюзовое платье по подолу переходило в розовый цвет, из-под которого

выглядывали босые ножки.

Я не шевелилась, едва смея дышать, мне не хотелось её спугнуть. Но как только она меня увидела — тут же подпрыгнула в воздух. Я не смогла удержаться и завизжала. От восторга. Тут в конюшню ворвался дедушка, подумавший, что со мной здесь что-то случилось. Я же тыкала пальцем в сторону стропил.

Она зависла там на добрую минуту и, казалось, сияла белым свечением, поэтому была хорошо заметна, так что помню, какое меня постигло разочарование, когда дед тупо усталился совершенно не в том направлении, спрашивая:

— Где? Я ничего не вижу.

— Да вон же! — выкрикнула я, дергая его за рукав и тыча в фею пальцем. — Вон! Она там!

А потом она выпорхнула за дверь и исчезла. Я показала деду тоненькие косицы на гриве Бесси и последующие несколько недель я говорила только о феях, пока моих родителей уже не начало тошнить от моей болтовни. Разумеется, я рассказала о ней и Лиаму, и когда он приезжал на время школьных каникул, мы часами сидели, тихие как мышки, в конюшне, в надежде увидеть это удивительное создание. Я отличалась большим терпением, чем он. Если он заговаривал, то я пихала его локтем под ребра, заставляя заткнуться, потому что его голос мог отпугнуть фею.

А вот дедушка, напротив, поощрял мою убежденность в существование фей и утверждал, что тоже видел фею. Но спустя годы, когда мы приехали к ним вместе с Лиамом, незадолго до нашего обручения, он сознался, что никогда не видел никаких волшебных существ в конюшне.

— Я видела её, — настаивала я. — Она была там.

— Может и была, — ответил он, снисходительно улыбаясь.

— Он мне так и не поверил, — пожаловалась я Лиаму, когда мы с ним пришли в конюшню, чтобы покататься. — Никто мне не поверил.

— Я верю тебе Джек, — сказал он, и с улыбкой взяв меня за руку, нежно поцеловал в ладонь. — Если кто и мог бы увидеть фей, то это ты.

Однако сегодня в конюшне не было никаких фей, потому что Эд создавал слишком много шума, пиная мяч в своем деревянном стойле. Похожие мячики были куплены всем лошадям, но только Эд оказался достаточно умным или лакомкой, поняв, что если прицельно ударить по мечу, то из отверстия на нем может вывалиться вкусняшка. Проблема состояла в том, что он, похоже, не понимал — мяч со временем пустеет. Эд продолжал пинать мяч несколько часов кряду, и, не получая награды, становился очень раздражительным. Когда я остановилась около стойла, мяч от его удара чуть не снес дверь с петель. Эд раздраженно фыркнул.

— Тише, тише, — сказала я с улыбкой.

Красивый гнедой конь тут же перевел на меня блестящий взгляд и наострил уши. Он был именно таким, каким я его запомнила. Правда, я почему-то ожидала увидеть его уже стареньким — столько воды утекло с того времени, когда мы с Лиамом катались на нем и Гемпе. Будто это было сто лет назад. Как странно, что остальной мир не изменился — перемены произошли только со мной.

Я сняла цепочку с дверцы и вошла внутрь стойла, а Эд тут же ткнулся своей бархатной мордой мне в ладонь в поисках «Поло»^[2].

— Вот прожора. — Я улыбнулась и погладила его по носу. — А мы ведь еще не успели

заново познакомиться.

Я достала мятную конфету из кармана и держала её на раскрытой ладони, чтобы он смог взять её и разгрызть своими большими желтыми зубами.

— Лиам умер, — тихо сказала я. — Так что он больше с нами не покатается. Но я буду часто-часто тебя выгуливать, пока я здесь. И мы еще повеселимся с тобой, как в старые добрые времена. Да, Эд? Хотя, что-то мне подсказывает, что ты мне не ответишь.

Мистер Эд разговаривал только с Лиамом. Вообще-то, именно так он и получил свое прозвище. Когда мой дед три года назад купил этого коня, изначально его звали просто Эдом. А потом приехали мы с Лиамом погостить. Не успели мы переступить порог дома, как тут же побросали вещи и отправились в конюшню, чтобы с ним познакомиться. И как только Лиам заговорил — Эд начала двигать губами, то и дело, обнажая зубы, так же комично, как это выглядело у любой другой лошади. Поначалу мы не поняли, что таким образом Эд реагирует только на голос Лиама.

Но потом мы вдвоем поехали кататься вдоль одной из дорожек, предназначенных для верховой езды, и немного погодя, когда мы притормозили и заговорили, я обратила внимание, что Эд опять зашевелил губами. Лиам спешил и отрегулировал уздечку, на случай, если та причиняла коню неудобство, и вот тогда я окончательно поняла, что конь реагирует на голос Лиама — его рот замирал, когда Лиам прекращал говорить. У коня был до того нелепый вид, что я расхохоталась и не могла остановиться до тех пор, пока из глаз не полились слезы, а бока не разболелись. Мне очень повезло, что Гемп, как привязанный, последовал за Эдом, когда Лиам вновь уселся в седло, потому что уж я точно не говорила ему, куда идти. На самом деле, я настолько расслабилась от смеха, что просто держалась за поводья, и мне еще повезло, что Гемп не испугался и не рванул наутек. И каждый раз, когда Лиам пытался заговорить со мной, он делала только хуже, потому что Эд снова и снова дергал и шлепал губами. В итоге Лиам сдался.

Наконец я перестал смеяться — это было лучше, чем альтернатива задохнуться — но с этого дня конь стал Мистером Эдом. У меня сжалось сердце от того, что больше мне не увидеть тех комичных представлений. Дед сказал мне, что Эд так беседовал только с моим мужем. По какой-то причине конь с первой же минуты их знакомства стал ему благоволить, и Лиам, когда мы сюда приезжали, катался только на нем.

Как бы мне хотелось, чтобы мы успели перед его смертью приехать сюда еще раз. Последний раз мы были здесь перед нашей помолвкой. После женитьбы мы занялись переездом, а я еще и устройством на работу в школу. Мы оба были очень заняты. И каждый раз, когда я заговаривала о поездке к бабушке с дедушкой, у Лиама всегда находилась какая-то причина, почему он не мог поехать. Меня даже порой посещали мысли, а не отговорки ли все это, лишь бы не ехать. Но я и сама в это не особо верила, потому что мы всегда очень здорово проводили там время, и Лиаму нравились дедовы уроки верховой езды.

Я сходила за седлом для Эда, и вдруг меня посетила странная идея. Я достала сотовый, набрала свой домашний номер и включила громкую связь, чтобы слышен был записанный для автоответчика голос Лиама. Я так и не смогла себя заставить стереть это сообщение и записать другое. Я, конечно, понимала, что звонившие будут чувствовать себя не в своей тарелке, когда услышат его голос, будто доносящийся из могилы, но ничего не смогла с собой поделать.

— Вы дозвонились до Лиама и Жасмин. К сожалению, мы не можем прямо сейчас вам ответить, но оставьте свое сообщение, и мы перезвоним вам.

Я просто никак не могла переварить необходимость того, что нужно сделать новую запись: «Вы дозвонились до Жасмин... Простите, сейчас я не могу подойти к телефону... Оставьте сообщение, и я вам перезвоню...» — Я, я... кто бы мог подумать, что простое местоимение может причинить столько боли?

Но, судя по всему, голос Лиама звучал совершенно иначе, а потому Эд просто терпеливо таращился на меня, но никак не реагировал, пока я не отключила мобильник.

— Знаю-знаю. Голос на автоответчике — это совсем не то, да? — сказала я, похлопав коня по загривку, а потом взялась за поводья и вывела его на улицу. Там я взобралась в седло, и мы пустились в путь по одной из знакомых дорожек для прогулок.

Эд был из тех коней, которым не нравились чинные прогулки, и мне пришлось держать его в узде, пока мы не доехали до открытой местности, и я не дала ему волю. Я довольно давно не была в седле, и мне было известно, по горькому опыту, что не стоит злоупотреблять прогулкой и через полчаса надо бы её завершить. Но мне было так хорошо, что не хотелось ехать обратно.

Земля моего деда граничила с лесом, так что мы ехали, никуда не сворачивая, пока не оказались возле границы. Вокруг не было ни души, возможно, из-за морозной погоды, которая идеально подходила для верховой езды. Нам с Эдом встретились лесные пони и парочка свиней, ищущих трюфели, но поблизости не было ни автомобиля, ни человека — одни зеленые просторы под серыми небесами.

Через полтора часа мы неохотно повернули обратно. Я бы с удовольствием каталась еще и еще, впервые за столько времени я почувствовала себя почти счастливой. Но небо начало темнеть, да и у бабушки, наверное, уже готов ужин. Это ужасно, что мне хотелось быть скорее с Эдом, чем с родными, но с ним мне, по крайней мере, не придется изображать веселость. И конь вел себя как обычно — он не испытывал ни неловкости, ни смущения, чего в последние месяцы у меня было хоть отбавляй с другими людьми.

Стоило нам только оказаться вновь на земле деда, свернув на дорожке, как путь преградил великолепный вороной конь. Огромный, больше Эда. На коне не было ни седла, ни уздечки — но он был совершенно точно породистым, что легко угадывалось по его лоснящемуся, ухоженному внешнему виду и стати. Наверняка, он стоил целое состояние. Конь стоял совершенно неподвижно, только ветерок играл с его гривой и хвостом. Он стоял прямо посередине дороги, будто поджидал нас.

Но у меня была всего пара секунд, чтобы полюбоваться на него, потому что Эд, по какой-то причине, встал на дыбы. От неожиданности (поведение Эда было так на него не похоже) я едва не свалилась на землю, но успела вовремя вцепиться в поводья и сильнее прижалась животом к его спине, чтобы, когда Эд промчался мимо вороного коня, остаться в седле.

Я ожидала подобного поведения от Румбы, который пугался, даже если задевал ветку или слышал автомобильный сигнал, прозвучавший где-то вдалеке, но Эд прежде ничего подобного себе не позволял. По дорожке для пеших конных прогулок было опасно скакать галопом, потому что она была очень узкой и находилась очень близко от лесополосы, и на пути всадника порой встречались ветви деревьев. Мне пришлось лечь на Эда и сильнее прижаться к его спине, чтобы избежать падения из-за встречи с первой попавшейся на пути веткой. Несмотря на всю опасность происходящего, я все же получала удовольствие от скачки. Это, конечно, едва ли могло сравниться с бесшабашностью Лиама, но все же я находила скачку захватывающей по двум причинам: во-первых, такое уже бывало раньше, и

это было опасно... Хотя возможно, я просто стала жертвой людского заблуждения — мол, со мной-то никогда ничего плохого не произойдет... И я бы с ними согласилась, не будь этого года в моей жизни, и если бы я на себе не прочувствовала, насколько ложным было это утверждение...

Когда мы отделились от леса и проскакали три акра открытого поля, которое окружало владения моих дедушки с бабушкой, Эд, наконец, сбросил скорость, а у знакомой конюшни он уже только фыркал и нервно перебирал копытами. Я с облегчением выпрямилась и ласково погладила его по шее, нашептывая ему на ухо нежные слова, пока не стало понятно, что он не пустится снова бежать. Потом я вытащила сапоги из стремян, чтобы слезть. Но когда соскользнула на землю, мне пришлось ухватиться за седло, чтобы не рухнуть вниз. Ноги не только затекли от долгой поездки, но и разболелись с внутренней стороны бедер, поэтому я не удержалась и застонала.

— Отвыкли без практики? — раздался голос у меня за спиной.

Я повернула голову и увидела в дверном проеме конюшни, на фоне солнечного света, мужчину. Он улыбался мне.

Это был необычайно высокий (больше двух метров) кареглазый шатен. Странно, но я не могла определить его возраст. Ему могло быть как двадцать пять, так и тридцать пять лет.

— Вроде того, — согласилась я.

— Вы, должно быть, Жасмин. Я слышал, вы приехали погостить.

— А вы кто? — спросила я.

— Я Люк — один из конюхов. Я займусь Эдом, если вы хотите уйти домой?

— Спасибо, — сказала я, передавая ему поводья. — Здесь стоял вороной конь... — Я неопределенно махнула рукой в сторону, — он там бродит сам по себе...

— Вы, наверное, о Кини говорите, — перебил меня Люк. — Не волнуйтесь, он знает дорогу назад.

Я на какое-то мгновение уставилась на него, а потом тряхнула головой.

— Что значит, он знает дорогу назад? Чей это конь?

— Мой. Ваш дедушка разрешил мне держать его в вашей конюшне. Просто, понимаете, ему не захотелось оставаться внутри.

— Но чем вы, черт вас дери, думаете, позволяя лошади вот так свободно разгуливать? В саду небезопасно... он может выйти на дорогу или его могут украсть, или еще что похуже!

Люк чуть нахмурился на какое-то мгновение, а потом сказал:

— Вы правы. Наверное, мне лучше сходить за ним. Так и сделаю, как только закончу с Эдом.

— Удачи, — сказала я, прекрасно сознавая, как холодно звучит мой голос. — Имение огромное и уже начинает темнеть.

— О, я всегда нахожу Кини, когда он мне нужен, — ответил Люк с улыбкой. А потом он отвернулся и повел Эда в стойло.

Похоже, его не столько оскорбили, сколько возмутили мои слова о том, как нужно ухаживать за его собственной лошастью. Я знаю, какое, должно быть, произвела впечатление — высокомерная внучка богатого старика. Наверное, это от того, что Кини был самым красивым животным, которое мне доводилось видеть, и мне претила сама мысль о том, что с ним может что-то случиться. Всякий, кто хотя бы мало-мальски разбирался в лошадях, увидев этого коня, сразу бы понял, какое это прекрасное создание, и, возможно, захотел бы его украсть. И я точно знала, что у моего деда случился бы припадок, узнай он о том, что

конь разгуливает сам по себе.

Я пошла к дому. У меня еще оставалось время до ужина, чтобы принять ванну, которая ослабит боль в мышцах. По крайней мере, теперь я хотя бы знала, чей это конь. Возможно, мое непонятно откуда взявшееся чувство легкой тревоги, как раз из-за того, что мы неожиданно на него натолкнулись, и странной реакции Эда...

Тем вечерам я не решилась рассказать об этом происшествии своим бабушке с дедушкой, потому что не хотела, чтобы у Люка были неприятности или того хуже, чтобы он потерял работу. Поэтому я ничего не рассказала ни о нем, ни о его коне, а решила сама проверить на следующее утро, как там у них дела.

Бабушка приготовила очень вкусный ужин, и разговор оказалось поддерживать куда легче, чем я ожидала. Было классно. Я будто вернулась в детство — в безопасное знакомое место, которое всегда, казалось, существовало отдельно от настоящего мира, в тиши природы. Единственное, что расстроило меня в тот вечер — это дед. Похоже, он сильно сдал, с тех пор как мы виделись с ним последний раз. Он начал что-то забывать, а иногда и имена путал. Не надо бы ему больше ездить верхом, хотя сам он так не считал. В конце концов, ему было уже почти восемьдесят. После всего случившегося, не думаю, что в ближайшем будущем справлюсь с потерей еще одного близкого мне человека.

Когда он предложил мне выпить вечером, но забыл принести напиток, я сначала не придавала этому значения. Но потом, чуть позже, когда мы сидели за круглым столом, он спросил меня, как поживает Гарри. Я даже сначала не поняла, что он говорит о моем псе, который у меня был и скончался пять лет назад. А потом, когда он начал говорить о лошадях, то упомянул, как Эд всегда забавно разговаривал с Беном. Мне не хватило духу его поправить, да и бабушке, похоже, тоже. Она просто поспешно сменила тему.

Когда мы позже остались с ней вдвоем на кухне, и я спросила её об этом, она вздохнула и сказала:

— Все не так плохо. Просто немного странно, когда он что-то забывает и что-то начинает путать. Такое случается, когда люди стареют.

В ответ я молча кивнула, чувствуя, как страх сжал мое сердце. И еще мне было стыдно, что я так давно их не навещала. Я дала себе слово, что с этого момента, я постараюсь их навещать как можно чаще, ведь кто знает, сколько нам осталось времени провести вместе. И я не хочу ничего упустить.

Когда утром я пришла в конюшню, то обнаружила, что Люк проделал прекрасную работу. Эд весь лоснился чистотой и ухоженностью, и в стойле ему было оставлено много свежего сена. Но я нигде не увидела Кини.

Я заглянула в загон, вспомнив слова Люка о том, что его конь не любит замкнутого пространства. Но поле было пустым. Поэтому, когда я вернулась в дом на завтрак, то все-таки с неохотой подняла эту тему:

— Думаю, тебе надо переговорить с Люком о его коне.

Дед посмотрел на меня так, будто я говорила на каком-то тарабарском языке.

— С Люком? — тупо переспросил он.

Сначала я подумала, что он просто не смог сразу вспомнить, о ком я говорю, поэтому я сглотнула и предприняла еще одну попытку:

— Ну, знаешь... он один из тех, кто приглядывает за лошадьми. Он сказал, что его жеребцу не нравится стоять в стойле, и он бродит свободно по саду.

— Жасмин, я понятия не имею, с кем ты разговаривала, — ответил дедушка. — За

моими лошадьми приглядывают Ларри и Колум. Я никогда не слышал ни о каком Люке.

— Но он был в конюшне, — сказала я. — Ему еще принадлежит конь по кличке Кини. Ты наверняка его видел.

Я еще могла допустить, что дедушка забыл, кто такой Люк, но было очень странно, что он не вспомнил такого чудесного коня. А затем, когда пришла бабушка с тарелкой, заваленной тостами, и я спросила её о Люке, оказалось, что и она не понимает о ком речь, — у них никогда не работал такой конюх, и они вообще никого не знают с таким именем.

Глава 6

Обыкновенный вандализм

Мои дедушка с бабушкой очень расстроились, узнав о случившемся. Дед тут же помчался в конюшню, чтобы лично проверить всех лошадей, а бабушка позвонила в полицию. Похоже, что все приняли Люка за конокрада, которого мы с Эдом просто застали врасплох.

Но я-то знала, что все не так. В этом просто не было смысла, особенно, если вспомнить наш разговор. Люк обратился ко мне по имени. И он привел в порядок Эда, как и обещал. Если бы он был конокрадом, то просто забрал бы его и все. Я ведь передала ему поводья, ему ничего не стоило увести коня.

Мне пришлось дать полиции описание Люка и всех, похоже, обрадовала такая примета, как необычайно высокий рост (ведь высокие люди всегда выделяются в толпе, и подобную особенность скрыть, в общем, нереально). Также мне пришлось описать Кини, на случай, если этот конь был украден Люком. Но оказалось, что в полицию не поступало сообщений о кражах коней, подходивших под описание Кини.

Кроме того, если Люк и впрямь влез во всю эту канитель с воровством, то он был крайне посредственным вором. Потому что, пока он воровал другую лошадь, первая легко могла удрать.

Никому и в голову не пришло сложить два и два, но и я не стала указывать на это бабушке с дедушкой, они и без того очень расстроились. Дед, не тратя даром времени, установил камеры по всей конюшне и на границе своих земель. К концу моего пребывания здесь, я больше так ни разу и не встретила Люка, и к тому времени, как мне нужно было уезжать, событие, так нас взбудоражившее, немного подзабылось. Когда я уехала домой, меня еще терзали мысли о том, что нужно было рассказать дедушке с бабушкой или даже полиции о своей убежденности — Люк приходил не украсть лошадь, а проследить за мной, как и Джексон Торп, который следил за моим домом. Да-да, Торп отрицал, что стоял в ту ночь под дождем возле моего дома, но теперь меня посетила мысль, что, возможно, как раз Люк мог быть тем самым мужчиной в плаще... И вот теперь, когда я снова задумалась о Джексоне, мне вспомнилось, что он упоминал о Лукасе, что мало походило на совпадение. Наверняка, они знакомы, и они оба знали Лиаму, и теперь они оба следят за мной. Но я не представляю, зачем и почему.

Я не решилась позвонить в полицию. Они, скорее всего, решили, что все это как-то туманно и мелодраматично. Но, вероятнее всего, они бы посчитали, что я все это себе напридумывала, — из-за пережитого недавно стресса превратила пару случайных встреч невесты во что. Поэтому за время поездки домой я сумела убедить себя оставить все как есть. Тем более, что я собиралась всего лишь заехать домой, собрать вещи для поездки в Калифорнию и переночевать перед отлетом в отеле аэропорта. К тому же я уже договорилась об установке новой охранной системы, и моя мама согласилась приглядеть за её установкой.

Но все изменилось, когда я вернулась домой. Не было никаких разбитых окон и открытых дверей. Но дверь оказалась не заперта, и это первое, что насторожило меня. А как только я вошла внутрь, волоча за собой чемодан, то сразу увидела, что кто-то сверху донизу перерыл весь дом.

Все ящики были выпотрошены, а их содержимое валялось на полу. Матрац разрезан, его начинка была извлечена. То же самое случилось и с диваном, и с креслами в гостиной. Все ковры сдвинуты, дымоход разобран, а письменный стол Лиамы, так просто был разобран на кусочки.

Поначалу я не поверила своим глазам. Я прошла по всей квартире, заглянув в каждый её уголок. Мысль о том, что Джексон проник в мой дом, чтобы подменить свадебные фотографии, теперь казалась детским лепетом по сравнению с этим. Наконец, я вышла на улицу и позвонила маме. Когда же она приехала, я разрыдалась от жалости к себе прямо у неё на глазах.

— Я просто хочу, чтобы произошло что-то хорошее! — всхлипнула я. Мне казалось, что я не выдержу ещё одного удара, которые и так следовали один за другим.

Мама вызвала полицию и на этот раз я рассказала им все, что знала о Джексоне Торпе и Люке, а ещё о своем ощущении, что за мной следят. И мне было совершенно плевать, сочтут ли меня истеричкой и параноиком или нет.

Остаток дня я провела с мамой и, преодолевая усталость, разгребала беспорядок в доме.

Мы провели за этим занятием несколько часов, но не продвинулись даже наполовину. Хотя, насколько я могла судить, ничего не было украдено. Во всяком случае, ничего ценного. Все драгоценности, которые мне когда-то дарил Лиям, мы нашли в спальне. Также никуда не делся и плазменный телевизор, на своих местах остались и CD-плеер, и компьютер, а ещё мой ноут и многие другие дорогие вещи, которые обычно крадут в первую очередь.

По словам полиции, преступник либо искал что-то конкретное, либо это был обыкновенный вандализм, не связанный конкретно с нами. Но поскольку было маловероятно, что Лиям или я владели чем-то, требующим столь тщательного поиска, полиция склонялась ко второй версии. Кто-то случайным образом выбрал мой дом, чтобы повеселиться. Мне просто не повезло. Опять же, соседи ничего не видели и не слышали, поэтому, должно быть, вандалы проникли в дом, когда все были на работе.

Полиция предложила отложить мою поездку в Калифорнию до выяснения всех обстоятельств, но я, сморкаясь в платок, объяснила, что мой муж умер, и мне не вернут деньги за билеты, так что я не могу их сдать. Кроме того, все, что мне сейчас хочется — это увидеть подругу. Наверное, я представляла собой чудовищное зрелище, но мне было плевать. В общем, смущенный полицейский сказал, что если эта поездка так важна для меня, мне обязательно стоит поехать.

Кроме того, ничего не было украдено, не было и каких-то очевидных зацепок для следствия, а моя новая система безопасности будет установлена только на следующей неделе. Поэтому, явно испытывая глубокое облегчение, они ретировались, оставив меня на попечение мамы, дав обещание, что обязательно свяжутся со мной, если вдруг найдут виновного.

Я опустошила чемодан, выкинув из него все, что брала к бабушке с бабушкой, а затем обратно закинула, похватав с пола наугад, чистую одежду. Меня воротило при мысли, что кто-то копался в моей одежде. Будь у меня деньги, я бы все повыбрасывала и купила новое. В мой дом мог вломиться кто угодно, но я почему-то не могла отделаться от мысли, что это был Джексон. В конце концов, я была почти уверена, что именно он изуродовал свадебные фотографии. Может, таким образом, он хотел расплатиться со мной за камень, брошенный в его машину.

Ночь я провела у родителей, и папа отвез меня в аэропорт на следующее утро.

— Я знаю, что это тяжело, Джек, — сказал он, когда высадил меня, — но попытайся наслаждаться жизнью, хорошо? А дом к твоему возвращению будет в порядке.

— Не позволяй маме тратить много денег, — предупредила я.

Накануне мама намекала, что найдет мне новую мебель. Я знала, что ей тяжело смотреть на меня, осознавая, через что мне приходится проходить. И я знала, что она хочет все сделать правильно, а для неё это означало — пойти и потратить кучу денег. Чего она себе не могла позволить. Но папа лишь отмахнулся от моих слов.

— Иди уже, — сказал он и улыбнулся.

Я обняла его, помахала ему на прощание, когда он отъезжал, а потом пошла в аэропорт. До сего момента мне как-то не приходило в голову, что я никогда прежде не путешествовала одна. Ни разу. На каникулы я обычно летала с родными или друзьями, а в отпуск мы летали уже вместе с Лиамом. Я зарегистрировалась и отправилась в зал ожидания, где и застыла в нерешительности. Я была голодна. Но когда мой взгляд упал на вывеску «Гарфанкеля», меня передернуло при мысли, что нужно будет зайти внутрь. Всякий раз, когда мы с Лиамом отправлялись куда-нибудь в отпуск, мы начинали наш отдых с завтрака в этом ресторанчике. Это воспоминание заставило меня потерять аппетит, поэтому я купила себе только чашечку кофе, чтобы скрасить ожидание появления своего номера рейса на табло.

На меня пялились. Проблема была не столько в моих светлых волосах, сколько в белой коже и бледных глазах. Люди находят мою внешность жутковатой, особенно, дети, которые ничего не знают об альбинизме. Моя внешность всегда держала меня особняком от всех остальных.

Я прижала к себе скрипку, которую всегда брала с собой. Благодаря её присутствию, я чувствовала себя не так одиноко. Это не просто инструмент, она была моей подругой. Мне даже в голову не пришло, не брать её с собой. Для меня не взять ее с собой, было сродни тому, как если бы пришлось оставить дома ребенка. Я была очень рада, что гостила у бабушки с дедушкой, когда мой дом переворачивали вверх дном. Не знаю, как бы я пережила, случись с ней что-нибудь. Ничто не могло её заменить, так она была мне дорога.

Я сидела, сгорбившись, держа в одной руке пластиковый стаканчик с кофе, а другой — обнимая футляр, и думала, может, стоит подстричь волосы, чтобы не бросаться окружающим так сильно в глаза. Прежде я не стригла их только потому, что Лиаму нравились длинные волосы. Когда мы лежали в постели ночью, он любил пропускать их через пальцы, раскладывая локоны по подушке, а потом делать мне комплименты, говоря, как прекрасна я в лунном свете.

И я всегда верила Лиаму, когда он говорил это мне. Когда же подобные вещи говорили мои мама или папа, в отчаянной попытке заставить дочь чувствовать себя менее инородным предметом в окружающей обстановке, меня передергивало. Мне они казались не то чтобы издевкой... но, в общем, мало соответствовали истине.

А Лиам не только находил меня привлекательной, казалось, он просто не представлял себе, что другие люди могли видеть меня в ином свете — что они могли считать мою белую кожу мертвенной, а голубые глаза холодными. Когда он меня касался, когда проводил пальцами по моему телу, меня это никогда не коробило. Мне было комфортно в своем теле. Мне нравились мои волосы, потому что Лиаму они нравились. Для Лиамы моя внешность была особенной, она делал меня уникальной, прекрасной. Она делала меня отличной от других женщин.

Мне следовало бы догадаться, пока я лежала в тепле и безопасности его объятий, что все было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

С уходом Лиамы из жизни, я поняла, что самой мне сложно увидеть себя такой, какой меня видел он. Словно это был сон, который я запомнила едва-едва. Теперь я напоминала скорее уродца, в которого то и дело тыкали пальцем.

И в очередной раз меня захлестнула волна нестерпимой тоски, и в очередной раз мне пришлось постараться, чтобы не утонуть в ней. Вокруг меня толпились люди с детьми и парочки, собиравшиеся оправиться отдохнуть куда-нибудь на выходные. Казалось, что я единственная в этой толчее была сама по себе, без пары. Лиама должен был лететь со мной... мы должны были сидеть вместе в «Гарфанкеле» и поесть ужасно вредный и жирный завтрак, болтать и смеяться... Я не должна была одна лететь к Лоре, оставив его билет дома, в конверте на каминной полке. И в очередной раз меня охватила тоска, тоска по привычному, такому любимому укладу жизни, которого мне так не хватало.

Казалось, что и полет длился дольше, чем должно, ведь мне даже поговорить было не с кем. Я не могла даже поспать, потому что привыкла класть голову Лиама на плечо, когда уставала в полете. И теперь, когда я летела одна, часы тянулись мучительно долго.

Спустя одиннадцать часов полета, я была рада сойти с трапа, размять ноги и вдохнуть американский воздух. Я забрала багаж и отправилась на выход, где меня ждала Лора. Внешне мы с ней были полными противоположностями. Лора была невысокого роста, её макушка едва доставала мне до подбородка. Кожа у неё была роскошного шоколадного цвета, а глаза — карими.

— Дорогая, я так рада, что ты приехала, — сказала она, крепко меня обнимая.

К моему облегчению, она ни словом не обмолвилась о том, что я прилетела одна. Не спросила она меня и о том, как у меня дела и как я справляюсь с горем. Не сказала она и о том, что сожалеет о смерти Лиамы и что там еще обычно говорят люди. Люди, в общем-то, были не виноваты. Просто они говорили то, что принято в подобных случаях. Просто проявляли вежливость, ведь они были хорошо воспитаны. Невозможно отмахнуться от чужей смерти. Но Лора дружила с нами обоими, и ей ничего не нужно было говорить, я знала, какие чувства она испытывала.

В общем, она просто взяла меня под руку и повела на парковку к своей машине. Поначалу я решила не рассказывать ей о проникновении в мой дом, потому что если она узнает обо всех тех несчастьях, что выпали на мою долю, мне будет сложно изображать веселость. Но теперь, когда я её увидела, больше не чувствовала, что мне придется что-то корчить из себя и изображать оптимизм. Впервые за долгое время, я чувствовала себя на отдыхе.

По местному времени было уже почти десять вечера, и Лора настояла на остановке возле закусочной, по пути к ней домой, чтобы перехватить кофе и пончиков.

— Ты похудела, да? — с момента моего прибытия это был её первый вопрос, который имел косвенное отношение к смерти Лиамы.

Я пожала плечами и опять же, к моему глубокому облегчению, она не стала углубляться в эту тему. Сама я уже была сыта по горло подобными вопросами от семьи и знакомых. Мы уселись на красно-белые виниловые диванчики в одну из кабинок, ели пончики и болтали, словно никогда и не расставались. Я даже и представить себе не могла насколько сильно соскучилась по Лоре, и как это здорово — находиться вновь рядом с ней. Её дом стоял всего в нескольких кварталах от закусочной. Когда мы наконец приехали к ней, она для меня

провела по нему экскурсию. Домик оказался небольшим, уютным и красиво обставленным. В нем нашлась большая свободная спальня с удобной двуспальной кроватью, застеленной хрустящими, свежими, белыми простынями, только что из прачечной.

Когда Лора пожелала мне спокойной ночи и оставила одну в комнате, я постаралась не заикливаться на двуспальности кровати и том, что я одна. Я достала фото Лиама в рамке, которое привезла из дома, и поставила его на прикроватный столик, а потом пошла чистить зубы в ванную. По возвращении я достала из чемодана пижаму, из которой вывалилось что-то металлическое и черное. Я наклонилась, чтобы подобрать странную штуковину, и в это мгновение сообразила — это же был игрушечный рыцарь, которого я нашла в вещах Лиама. Наверное, я схватила его вместе с одеждой, разбросанной по полу. Рыцарь встал на столике рядом с фотографией. Тот факт, что он лежал в кармане Лиама, когда тот умер, заставил меня почувствовать какую-то странную привязанность к нему, несмотря на гвоздь, которым какой-то мальчишка проткнул ему шлем.

Когда я, наконец, улеглась в постель, то пообещала себе, что на всю катушку воспользуюсь этой поездкой и не буду рефлексировать по поводу того, что произошло дома. По крайней мере, сейчас я была за тридевять земель от всех тех проблем — вдали от всяких Джексонов с Люками, и впервые за долгое время я могла расслабиться, на самом деле чувствуя себя в безопасности.

Глава 7

Кости и Розы

Всю следующую неделю мы с Лорой ходили по магазинам, осматривали достопримечательности, посещали кафешки и винные бары. Она взяла на работе отгул, чтобы побыть со мной, а в конце недели сообщила, что организовала ужин в ресторане «Королевы Мэри», на котором будет присутствовать Чарли, её новый парень, с которым она хочет меня познакомить. Эта затея меня не особо вдохновляла. Одно дело проводить время с Лорой, и другое — с каким-то незнакомым парнем, тем более, что я не испытывала желания поддерживать беседу с едва знакомым человеком. Кроме того, я даже испытывала некоторую неловкость. Лиам умер совсем недавно, да и наверняка, этот парень сам не знал, о чем со мной разговаривать. Наверное, он был в таком же ужасе, что и я.

Но для Лоры было важно нас познакомить, поэтому по сути выбора-то у меня и не было. Я, конечно, могла высказаться о своем антисоциальном состоянии и пожаловаться на свою неуверенность, но это было бы уж совсем как-то по-детски.

Я не прихватила с собой ничего для вечернего выхода, а на корабле, по словам Лоры, существовал определенный дресс-код, поэтому мы снова отправились в магазин, где ей удалось уболтать меня купить темно-синее вельветовое платье в пол. Как правило, из-за своего цвета кожи я стараюсь избегать темных цветов, но Лора настояла именно на этом наряде.

— Я не могу его надеть, — сказала я, уставившись на себя в зеркало в примерочной. — Я в нем выгляжу бледной, как моль.

— Ерунда. Оно тебе потрясающе идет.

— Люди будут пялиться.

— Ты прекрасна в нем, неудивительно, что на тебя будут пялиться, — подытожила Лора.

Я снова взглянула на свое отражение, но мне не удалось подавить чувство неловкости.

— Я выгляжу ужасно, — пробормотал я, ища рукой молнию на спине.

Но Лора протянула руку, чтобы остановить меня.

— Как можно не видеть, что ты прекрасно в нем выглядишь? Ты бы надела его, если бы пошла на ужин с Лиамом? — спросила она тихо. — Надела бы?

— У него всегда получалось заставить меня забыть, какая я страхолюдина, — ответила я.

— Нет, он бы заставил тебя увидеть, что ты красавица, — резко ответила она. — Это платье поразительно идет тебе. Вряд ли найдется еще женщина, которой бы оно шло так же, как тебе. Ты ведь и сама знаешь, как выглядишь в нем, не так ли?

Я прикусила язык, оставила при себе несколько саркастических реплик, рвавшихся из моего горла, и промолчала.

— Ты похожа на Снежную принцессу, — сказала Лора, повторив комплимент, который говорили все без исключения, знакомясь со мной.

Будучи единственным ребенком в семье, я была избалована родительской любовью и большую часть жизни до школы провела с ними. И потому была не подготовлена к реакции других детей на свою внешность, когда пошла в школу. В мой первый день учебы дети тыкали в меня пальцем и спрашивали своих матерей:

— Мама, она — привидение? Да?

Будучи альбиносом, я не стала ничего предпринимать, чтобы произвести первое впечатление. Во время перерыва на обед все выбежали на улицу, чтобы играть в шумные, активные игры, но я осталась в арке дверного проема, сидя у стены, прижав подтянутые колени к подбородку, притворившись невидимкой. Несколько детей пронеслись мимо меня с криками:

— Привидение! — тыча в меня пальцем, но вскоре и они забыли обо мне, убежав играть с другими.

Я чувствовала себя невероятно несчастной. Мне хотелось домой, я скучала по маме с папой и собаке. Я ненавидела школу и всех людей в ней.

А потом в дверной проем закатился мячик, и остановился прямо возле моих ног. Я спешно подняла его, собираясь тут же бросить обратно на игровую площадку, пока никто не видит, но было уже поздно. Прямо перед входом притормозила пара подбежавших ног.

Ноги были обуты в потертые на носках кроссовки с развязанными шнурками. Даже не подняв глаз, я протянула мяч, надеясь, что он просто заберет его и не будет смеяться над моей внешностью или отпускать какие-нибудь издевки, или спрашивать, не призрак ли я.

— Спасибо, — сказал он, забирая у меня мяч.

Я ожидала, что он, получив свой мяч, сразу же уйдет, но он продолжал стоять передо мной, стуча мячом об асфальт. Спустя каких-то несколько мгновений, я все-таки подняла глаза, но увидев, что он смотрит прямо на меня, тут же опустила голову вниз.

— Как тебя зовут? — спросил он наконец.

— Жасмин, — ответила я едва ли не шепотом.

Он помолчал какое-то время, а потом произнес:

— Ты Снежная принцесса?

Я удивленно посмотрела на него, на краткий миг перестав стесняться своей внешности.

— Снежная принцесса? — повторила я. — Я... я не знаю.

— Ага, именно так, — решительно заявил он. А потом он сел по-турецки и подкатил ко мне мячик. Похоже, он думал, что я сразу же толкну мячик обратно, что я и сделала, все еще считая его поведение какой-то шуткой или уловкой, которая заставит меня почувствовать себя крошечной и ненужной. Но мы так и прокатали мяч туда-сюда друг другу до самого звонка, а когда поднялись на ноги, я вернула ему мячик.

— Спасибо, — сказал он, запихивая его в карман шорт, а потом добавил: — Хочешь еще поиграть на перемене в обед?

Я застенчиво кивнула, стараясь не светиться от счастья. У меня в животе порхали бабочки при мысли, что кто-то проведет со мной обеденное время. Он улыбнулся и сказал:

— Я принесу мяч.

Когда он повернулся в сторону двери, то добавил через плечо:

— Меня зовут Лиам.

С самого начала он смотрел на меня иначе. Для него я не была уродиной.

Я сглотнула вновь образовавшийся ком в горле и еще раз взглянула на себя в зеркало. Что-то вдруг изменилось, и на какую-то долю секунды я не увидела отражения бледного несуразного создания. Вместо него на меня из зеркала смотрела высокая стройная женщина с безупречной бледной кожей — гладкой и совершенной, как алебастр; прямые белые волосы каскадом ниспадали на плечи, льдистые голубые глаза, высокие скулы. Темно-синий бархат резко контрастировал с её белой кожей, словно голубая кровь растеклась по её венам

и она и впрямь казалась мистической королевой зимы из какой-то волшебной страны из льда и снега...

А потом ведение исчезло, будто его и не было, и я вновь увидела себя. Но я знала, что Лора права, именно такой меня видел Лиам, какой я увидела себя секунду назад. Поэтому я купила его, чувствуя, что сделала это скорее ради него, а не ради себя.

Когда я переодевалась к ужину дома у Лоры, зазвонил мой сотовый. Это был Бен.

— Где ты? — без предисловий спросил он, стоило мне ответить.

— В Калифорнии.

— Это я знаю. Где конкретно?

— В Анахайме, остановилась у подруги. — А потом я вспомнила, что Бен тоже знает Лору, потому что я сама познакомилась с ней через семью Грейси, и добавила: — Я с Лорой. А откуда тебе известно, что я в Калифорнии?

— Я... твоя мама сказала, когда звонила.

— И зачем же это она тебе звонила? — спросила я с подозрением.

— Ты все еще не нашла Джексона? — спросил он, не отвечая на мой вопрос.

Я задумалась, пытаюсь сообразить, о чем он вообще говорит.

— Ты поэтому в Калифорнии, да? — требовательно спросил Бен. — Чтобы поговорить с ним?

Я открыла было рот, чтобы сообщить, что поездка к Лоре была запланирована еще до смерти Лиамы, но потом засомневалась, стоит ли это говорить, вспоминая, что, по словам Бена, Джексон проживает в Америке, и я подумала, может, он еще и живет где-то недалеко от Калифорнии. Мне вдруг пришло в голову, если Бен решит, будто я разговаривала с Джексонем, то, возможно, и он мне что-нибудь невольно расскажет, например, почему этот фотограф так странно себя вел, когда приходил ко мне домой.

— Ты не отвечал на мои звонки, — уклончиво ответила я, — а твоя мама не дает твой адрес. А других способов с тобой связаться я не знаю.

Бен сделала глубокий вдох и, когда он вновь заговорил, я услышала в его голосе раздражение:

— Я понятия не имею, почему она не дала мой гребаный адрес. Сейчас она очень расстроена — и скорее всего, не отдаст себе отчета и в половине действий, которые совершает. Почему ты не брала трубку? Я неделю пытался до тебя дозвониться.

— Не хотелось ни с кем разговаривать, — довольно холодно парировала я, потому что и сама начала раздражаться.

— Ну что ж, хорошо, по крайней мере, сейчас я до тебя дозвонился. Жасмин, я запрещаю тебе связываться и разговаривать с Джексонем.

Я аж фыркнула от возмущения.

— Да пошел ты! — взвилась я. — Не можешь ты мне ничего запретить! Я пока не разговаривала с Джексонем, но если ты не расскажешь, о чем он болтал, когда приходил ко мне домой, то у меня просто не будет иного выбора — придется найти его самой, пока я здесь. — Я не собиралась делать ничего подобного. Я не знала наверняка, кто вломился ко мне в дом во время моего отсутствия, но Джексон уже довольно сильно меня напугал. Я рассказала о нем полиции, а самой еще раз встречаться с ним никакого желания у меня не было. Но Бен-то об этом не знал.

— Жасмин, выслушай меня очень внимательно. Джексон Торп опасен. Фотография — только для прикрытия. Он профессиональный преступник. Вор и шантажист. Полиция

арестовала его несколько лет назад за избиение до смерти человека в пабе, но дело не было возбуждено в виду отсутствия доказательств. Единственный свидетель внезапно передумал, без видимых причин, и не решился дать показания. Я бы не стал тебе это рассказывать, не вынуди ты меня. Не хотел тебя пугать, но ты не оставила мне выбора.

На какое-то мгновение я потеряла дар речи. Слова Бена вселили в меня неподдельный ужас. Я и представить себе не могла, что Джексон был настолько опасен. И если еще вспомнить, что он проник ко мне в дом...

— Жасмин? — спросил Бен. — Ты еще там?

— Да, слушай, Бен, я приехала в Калифорнию только для того, чтобы провести пару недель с Лорой. Я вообще не собиралась искать Джексона. Но прежде чем я уехала... кто-то вломился ко мне в дом...

— Знаю. Мне твоя мама сказала. Это, скорее всего, был он.

— Но у меня не украли ничего ценного, — возразила я. — Вообще ничего не было похищено, только перевернуто все вверх дном.

— Это потому, что он искал... — Бен не договорил, но спустя какое-то время продолжил: — Слушай, нам определенно нужно переговорить с глазу на глаз.

— С глазу на глаз? — повторила я. — Ты скоро собираешься вернуться в Англию?

— Нет, но я прямо сейчас нахожусь в Калифорнии. И приеду сразу же, как ты мне назовешь адрес.

— Что? — ахнула я. Мне с трудом верилось, что он и правда совсем близко, когда как всего мгновение назад я думала, что он в Германии. — Зачем?

— Чтобы не дать тебе встретиться с Джексонем Торпом, разумеется, — сказал он раздраженно. — Я только-только смог до тебя дозвониться. Поэтому единственное, что я могу сделать, это приехать к тебе и усадить на следующий рейс, отправляющийся домой.

Если отбросить его покровительственный тон, то невозможно было отмахнуться от того факта, что он потратил время и деньги, чтобы оказаться в Америке. И все это только для того, чтобы предупредить меня. В это мгновение я испытала прилив нежности по отношению к Бену, но следующая его фраза немедленно уничтожило это чувство на корню:

— Встретимся сегодня вечером, — сказал он раздраженным голосом, тоном, не допускающим возражений.

— Сегодня? Зачем? Я ведь тебе уже сказала, что не собираюсь встречаться с Джексонем.

— Дело не только в Джексоне, — ответил Бен, явно теряя терпение. — Я должен... кое-что тебе рассказать.

— А ты не можешь рассказать мне об этом сейчас? По телефону? Я не могу сегодня с тобой встретиться, Бен, я как раз собираюсь на ужин на «Королеве Мэри».

— Это касается Лиамы, — сказал он тихо. — И это важно. Так что твои планы на ужин меняются. Я подумал, что тебе, возможно, это будет интересно.

Моя рука крепче вцепилась в телефон. Я не на шутку разозлилась и, молча, прокляла его бессердечный язык. По правде говоря, каждый раз, когда я приближалась к обретению радости, то чувствовала себя виноватой, словно проявляла неуважение к Лиаме — будто я не имела права наслаждаться жизнью или, по крайней мере, изображать жизнерадостность, когда с ним случилось такое. И я снова превращалась в несчастное создание, которое наводило уныние на все свое окружение. Но Бен говорил сейчас так, будто с момента смерти Лиамы я только и делала, что веселилась вечерами. Словно я совсем не скучала по нему или

даже не заметила, что его больше нет. Будто мне не нужно каждую секунду отчаянно стараться вести себя нормально, быть нормальной. В глазах Бена, я, похоже, просто решила махнуть в Америку, развеяться, походить по ресторанам и барам, когда могила Лиама еще не остыла. Но, по правде говоря, я уже чувствовала себя виноватой от того, что получала удовольствие от этой поездки, даже без комментариев Бена.

— Конечно, мне это интересно, — процедила я сквозь зубы, стараясь сохранять спокойствие, решив не доставлять ему удовольствие и не давать понять, что он задел за живое. — Но я не могу вот так кинуть Лору, тем более, что нам уже нужно выходить через пять минут. Кроме того, я всю неделю у неё гостила, и она очень хочет познакомить меня со своим парнем, так что я...

— Ладно-ладно, тогда встретимся на «Королеве Мэри», — ответил Бен. — В полночь на палубе, на носу корабля. Так тебя устроит, а? — сказал он таким тоном, который обычно прибегают для разговора с невыносимыми людьми.

— Устроит. — Я вздохнула. Ужин наверняка уже закончится к этому времени, и мы перейдем в бар, чтобы пропустить еще по бокальчику-другому. Я просто извинюсь и скажу, что мне нужно отлучиться, и схожу поговорить со своим деверем.

— Хорошо, тогда до встречи, — сказал Бен. И прежде чем я успела сказать еще хоть слово, грубый ублюдок повесил трубку. Он приехал в Америку не для того, чтобы присматривать за мной. Он приехал, потому что ему что-то нужно, и я не могла отказать ему, потому что не могла перестать скучать по Лиаму, и если Бен что-то знал о моем муже, то и я должна была это знать. Придется насыпать еще соли на рану, встретиться с Беном и выслушать, что он скажет...

Когда мы с Лорой ехали за её парнем, я рассказала ей о звонке Бена и объяснила, что мне придется после нашего ужина отлучиться, чтобы поговорить с ним. Я не стала углубляться в детали, не стала рассказывать о Джексоне Торпе, лебедях, свадебных фотографиях, о своих ночных кошмарах и взломе. Пусть она считает, что все у меня в порядке. Мне самой хотелось в это верить, а узнай она обо всем, начнет же переживать за меня, а я почувствую себя еще хуже.

— Мне всегда нравился Бен. Представляю, как ему должно быть сейчас нелегко, — сказала она, заставив меня почувствовать себя хуже некуда.

— Черт бы всех побрал, почему вы все это талдычите? — воскликнула я обиженно. — Да любому на месте Бена было бы сложно! Всем в такой ситуации нелегко!

— Конечно... гм, но... согласись, у него особые обстоятельства. Они ведь так и не успели помириться с Лиамом.

Она умолкла. Наверняка, причиной тому стало выражение моего лица. Я прикусила язык и тоже больше ничего не сказала. Мне не хотелось, чтобы мои тревога и беспокойство передались Лоре, да и в своем нынешнем состоянии я очень быстро начинала с кем-то спорить. Но факт остается фактом, если Бен хотел помириться с Лиамом, то почему не сделал этого.

«Королева Мэри» была прекрасна — ей было уже за семьдесят, но она блистала начищенной латуной и отполированным деревом. Ресторан «Сэр Уинстон» был под стать кораблю — стильным и элегантным, пропитанным атмосферой гламура тридцатых годов. Все гости-мужчины были одеты в костюмы, а дамы — в вечерние платья в пол. Я была настолько увлечена рассматриванием обстановки, что абсолютно не испытывала неловкости из-за своей внешности, хотя и видела, что люди обращают на меня внимание. С парнем

Лоры, Чарли, оказалось удивительно легко и приятно общаться, и будь обстоятельства немного другими, я бы наверняка получила огромное удовольствие от нашего знакомства. Но так как я была на взводе из-за предстоящей встречи с Беном и то и дело смотрела на часы, мне едва удалось поесть, чего уж тут говорить о радостях нового знакомства. Бен вряд ли бы приехал в Калифорнию, чтобы найти меня, если бы это не было так важно. Заставляя себя глотать кусочек за кусочком, я успокаивала себя мыслью, что Бен едва ли сделает ситуацию еще хуже. Лиам мертв, куда уж тут хуже.

Мы закончили с ужином и перешли в бар. На часах было уже без четверти двенадцать и я, извинившись перед друзьями, вышла на палубу, на которой не было ни души. Бен еще не приехал. С моря дул ледяной ветер, похоже, он-то и прогнал всех с палубы туда, где были тепло и свет. Но я почти не чувствовала холода. Я стояла возле перил и смотрела в черный океан. Может быть, я и правда была отчасти Снежной принцессой. Вокруг было тихо и спокойно. И в этой тишине мне вновь вспомнились слова Джексона:

— Если этот ублюдок мертв, тогда почему в шкафу весит его одежда... — а потом он замер, осознавая, что в шкафу нет одежды Лиамы.

— Вы уверены, что он мертв? — прохрипел тогда Джексон, и в голосе его было больше гнева, нежели горя.

Да. Я более чем уверена. Разве не видно, что там, где должно быть у человека сердце, у меня зияет огромная дыра!

Я отвернулась от палубы и пошла к деревянной скамейке, которую заметила, когда вышла из ресторана. Стук моих каблуков эхом разносился по палубе, нарушая тишину. Холодный ветер трепал подол бархатного платья. Когда я уже была примерно на полпути к скамье, прямо передо мной на деревянный пол опустилось черное перо. Я остановилась, подобрала его и только после этого осознала, что этот корабль был точной копией того корабля из моего кошмара, в котором на меня сыпались с неба, будто снежинки, сотни и сотни черных лебединых крыльев.

Я попыталась убедить себя, что мой разум просто восстановил пробелы во сне, благодаря тому, что я сейчас нахожусь на «Королеве Мэри». И, кроме того, упало всего одно перо, а не сотни. Может, это вообще и не лебединое перо, подумала я, проведя по нему пальцем. Оно было шелковистым и казалось очень большим и очень черным, как сама ночь, в моей бледной руке. Моя мама мне как-то сказала, что все перья, которые находила в детстве, я считала выпавшими из крыльев ангелов, а не птиц. Но те перья были белыми, а не дьявольски черными, как это. Мне стало не по себе, и я позволила ветру вырвать перо у меня из пальцев и унести его в холодное море. Затем я снова продолжила свой путь к скамейке.

Но не успела я сделать и пары шагов, как мое внимание привлек звук, доносившийся с носа корабля. Я обернулась. Палуба освещалась единственным неярким фонарем, но я сумела разглядеть приближающуюся ко мне фигуру, слишком большую, чтобы принадлежать человеку. Я узнала характерный цокот копыт, а потом на свет выскочил и черный жеребец. Огромный, красивый, фыркающий от мороза, черный лоснящийся конь. По спине и гриве у него были рассыпаны снежинки. Он был точной копией Кини — коня, которого я повстречала в усадьбе бабушки и дедушки.

На мгновение я забыла, где нахожусь, и серьезно раздумывала, стоит ли мне спуститься вниз и сообщить кому-нибудь о нем или самой попытаться его успокоить. Но секунду спустя, я услышала, как у меня за спиной открылась дверь, издав звук, который напугал коня, и он отскочил от меня на несколько шагов. Я повернулась и увидела Бена, уставившегося на

жеребца.

— Здесь... — начала было я, но Бен прервал меня.

— Не двигайся, — приказал он тихим голосом.

Он очень медленно шел ко мне, не спуская глаз с коня, который перешел на бег рысцей, нарезая круги по палубе.

— Откуда он взялся? — шепотом спросила я, когда Бен остановился рядом.

— Полагаю, оттуда же, откуда взялись черные лебеди, — пробормотал он.

Мы с Беном прижались к стене, потому что, фыркая облаками пара в морозный воздух, красивый жеребец перешел на легкий галоп и помчался по деревянной палубе, гремя подковами. Его грива и хвост развевались на ветру. Затем, к моему ужасу, он поскакал напрямик в сторону моря и перемахнул через перила. Я бросилась туда настолько быстро, насколько позволяли высокие каблуки, потрясенная увиденным. Но так и не услышала ожидаемого всплеска. Я вцепилась в ледяные перила и наклонилась, чтобы взглянуть на воду.

— Я его не вижу, а ты? — спросила я Бена, который тоже перегнулся через перила и смотрел вниз.

— Нет, — пробормотал он. — Он исчез.

— Как исчез? — Я уставилась на него.

Помедлив, он сказал:

— Думаю, Лиам замешан... был замешан в каких-то темных делах перед смертью.

— В каких, например? Если тебе, что-то известно, то очень тебя прошу, расскажи мне!

— Мне известно крайне мало, — ответил Бен. — Это, по большей части, мои подозрения и домыслы.

— Ну а я-то вообще ничего не знаю! — И эти слова ранили меня больнее ножа. Я была его женой, но ничего не знала. — Поэтому расскажи мне о своих подозрениях.

Бен вздохнул.

— Хорошо. Давай войдем внутрь.

Мы развернулись и оба замерли как вкопанные. Еще секунду назад абсолютно чистая палуба, теперь была усыпана человеческими костями. Можно было бы принять их за кости животных, если бы не пять-шесть определенно человеческих черепов, уставившихся прямо на нас.

— О боже, — пробормотала я. — Как они здесь оказались?

— Давай, зайдём внутрь, — сказал Бен.

Не дожидаясь меня, он начал пробираться по палубе. Я поспешила за ним, проходя между ухмыляющимися черепами. Когда я, наконец, догнала его у двери, то схватила за руку и сказала:

— Мы что, просто собираемся оставить эти кости здесь? Как есть?

— Их уже нет, — ответил Бен.

Я посмотрела себе через плечо и с удивлением обнаружила, что он прав. Палуба была совершенно чистой, лишь известковая пыль на деревянных досках, где еще несколько секунд назад лежали черепа. И один черный цветок — одинокий и всеми забытый посреди огромной палубы.

— Что это? — спросила я.

— Ты о чем?

Я отпустила его руку и пошла к цветку, совершенно уверенная, что прежде его там не

было. Когда я наклонилась, чтобы его подобрать, то увидела, что это черная роза на длинном стебле. Очень красивая. И все же в том, что её бросили в груды костей, было нечто зловещее. Я знала, что черных роз не существует, но, тем не менее, этот цветок был настоящим. Он источал аромат — насыщенный, сладкий и соблазнительный. В свете палубной лампы края лепестков казались почти темно-золотыми, яркими, пленительными и чарующими...

— Что это? — спросил Бен, подходя ко мне.

Я подскочила от неожиданности и уколола шипом палец. На белой коже выступила капля крови.

— Черная роза... — заговорила было я, но тут же осеклась, наблюдая, как цветок развалился в моих руках, и его лепестки разнесло ветром по всей палубе, вместе с известковой пылью, оставшейся от черепов. У меня в руках остался только стебель, но и он через мгновение превратился в пыль.

— Пойдем, — мрачно сказал Бен. — Пойдем внутрь и поговорим.

Я испытывала неловкость, что оставила Лору и Чарли одних в баре. Было уже довольно поздно, и они, наверное, собирались ехать домой. Если я не поеду с ними, то мне придется брать такси, а Лора наверняка будет ждать дома моего возвращения. И я поняла, чтобы ни собирався сказать мне Бен, у него есть лишь полчаса. О чем я ему и сообщила.

— Останься на ночь здесь, — сказал Бен. — И я так поступлю. К Лоре ты вернешься завтра.

Я задумалась, не будет ли это проявлением грубости с моей стороны, вдруг она обидится. Но я просто не могла сейчас сидеть и вести с ними светские беседы, так что выбора у меня не было.

— Мне нужно придумать, что сказать Лоре, — пробормотала я.

Я говорила это скорее себе, и была удивлена, когда Бен сказал:

— Где она? Я избавлюсь от неё.

— Нет, ты этого не сделаешь. Она моя подруга, и я не позволю тебе ей грубить!

— Успокойся, — ответил Бен, даже не пытаясь скрыть своей неприязни, хмуро поглядывая на меня. — Она и мой друг. Я не буду ей хамить. Когда нужно, я вполне способен вести себя как цивилизованный, воспитанный человек.

— Кто бы мог подумать!

Он пожал плечами.

— Нравится тебе или нет, но вся эта ситуация, связанная с Лиамом, меня не касается. Если тебе хочется кого-то обвинить, так обвиняй его. Итак, где Лора? Она в баре?

— Именно там, — огрызнулась я.

— Ну, тогда пошли. — Он открыл дверь, и мы спустились вниз.

Стоило нам только спуститься, как Бена словно подменили. Будто у него где-то был переключатель, который он нажал. Я, не веря своим глазам, наблюдала, как он тепло поздоровался с Лорой (он её даже обнял), прежде чем пожать руку Чарли, будто и правда искренне был рад знакомству с ним. Лора пыталась убедить его присоединиться к ним, но Бен бросил на меня взгляд и сказал:

— Мне правда ужасно жаль, но я должен поговорить с Жасмин. Есть кое-что... что мы должны обсудить...

— Конечно, я все понимаю. Говорите сколько нужно, я подожду здесь.

— О, не стоит, — тут же сказала я. — Лора, неизвестно, сколько у нас на это уйдет времени, и я бы предпочла, чтобы ты вернулась домой, а...

— Я забронировал здесь каюту для Жасмин, — прервал меня Бен. — Мы подумали, что будет проще остаться здесь на ночь, а утром она вернется к тебе домой. Хорошо?

— Но... но у тебя же с собой даже зубной щетки нет, — запротестовала Лора.

— В номере найдется все необходимое, — ответил Бен.

Лора повернулась ко мне, и я кивнула, стараясь не подавать виду, что и сама впервые слышу об этом плане Бена.

— Ну, конечно, раз так нужно.

Наконец, Лора с Чарли забрали свою верхнюю одежду и ушли.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спросил Бен, взглянув на бар.

— Нет, не хочу я ничего пить! — недовольно проговорила я. — Я просто хочу поговорить о том, что случилось на палубе!

— Ладно, — сказал Бен, пожав плечами.

Мы уселись за самый дальний столик. Звучало фортепиано, и вокруг переговаривались люди, так что, если мы будем говорить достаточно тихо, нас никто не услышит за соседними столиками. И Бен начал рассказывать спокойным ровным голосом:

— Я не знаю, как объяснить лошадь, кости или лебедей, но думаю, это связано с деятельностью Лиамы. Где-то восемнадцать месяцев назад он пришел ко мне домой рано утром и начал нести какой-то бред, рассказывал какую-то дикую историю о том, что он только что вернулся из замка Нойшванштайн. Он рассказал мне, как шел по горной тропе, которой пользовался король Людвиг, чтобы добраться до Линдерхофа, как услышал топот конских копыт и звон бубенцов, а спустя мгновение ему навстречу из-за деревьев выехали огромные сани, запряженные шестеркой белых лошадей. Он читал о том, что именно так Людвиг обычно и путешествовал из замка в замок, поэтому сперва он подумал, что это наверное какая-то историческая постановка-прогулка для туристов. Но потом понял, что был единственной живой душой на милях вокруг.

Бен умолк, нервно, закусив нижнюю губу, и я нетерпеливо спросила:

— Это был какой-нибудь эксцентричный богач, решивший подражать Людвигу или типа того?

Бен пожал плечами.

— То же самое я сказал Лиаму. Но тот клялся, что в санях сидел сам Людвиг.

На моем лице наверняка отразилось выражение недоверия, но Бен продолжил рассказывать бесцветным голосом:

— И это была еще не самая сумасшедшая часть истории. Лиам признался, что сани ехали очень быстро, и пассажир был одет в толстую шубу и шляпу, так что он не смог хорошенько его рассмотреть, чтобы наверняка утверждать, будто это сам Людвиг. Но он увидел кое-что еще, и потому оставался непреклонен. Это был Людвиг и точка. — Бен втянул носом воздух, и я поняла, что у него нет особого желания продолжать рассказ. — Он сказал, что лошади превратились из белых в черных, и ему пришлось пригнуться, чтобы избежать столкновения с черными лебедями — сотнями — которые вылетели из-за деревьев следом за санями, держась очень близко к земле.

— Он сказал, что стоило им завернуть за гору, как они тут же исчезли: сани, лошади и лебеди. На снегу остались следы, но они обрывались там же, где исчезли сани. Я не вспоминал до недавнего времени о той истории... но после того, что случилось на похоронах Лиамы... И вот сейчас мы с тобой видели необъяснимое на палубе. Это заставило меня задуматься, а может быть, Лиам говорил правду.

— Если бы он и правда что-то такое видел в горах, то наверняка бы написал об этом книгу. О короле Людвиге и его замках. Он сказал мне, что бросает эту затею из-за недостатка материала. Кроме того, если бы он увидел что-то очень странное, то обязательно рассказал бы мне об этом.

Он помолчал, а потом добавил:

— Он сказал, что-то выпало из саней.

— Что ты имеешь в виду?

— Какой-то предмет, хотя я не знаю, что именно это было, он так мне и не рассказал.

Только сказал, что из саней что-то вывалилось — и этот предмет сделает нас богатыми. Он сказал, лошади мчали так быстро, что сани чуть не перевернулись, и когда они завернули за гору, эта штука вывалилась на снег. И сначала я подумал, что бы там ни было, он просто украл этот предмет и выдумал эту нелепую историю про сани, чтобы просто не говорить мне, откуда он у него взялся. Но вот теперь, после черных лебедей, лошади, черепов и розы... я уже не так в этом уверен.

Какое-то мгновение я просто таращилась на него.

— Лиам никогда бы не стал ничего красть! — огрызнулась я, наградив его самым презрительным взглядом, на который была способна.

— А вот это зависело от того, насколько сильно он хотел что-то заполучить. Но все это неважно. Не имеет значения, как этот предмет попал Лиаму в руки, важно — где он его спрятал.

— Если эта вещь так ценна, как ты говоришь, то почему Лиам спрятал её, а не попытался просто продать?

— Если этот предмет был украден, то, скорее всего, его очень непросто продать.

— Ты сам не знаешь, что несешь, Бен! Лиам не был вором!

Бен чуть ли не с презрением усмехнулся.

— Думаю, тебе стоит признать, что много чего о нем ты не знала. Как я понимаю, вы были женаты всего десять месяцев, но до этого были очень долго знакомы, и наверняка, ты не могла не заметить, что он постоянно находился в поисках острых ощущений? Вряд ли ты забыла прыжки с парашютом и гонки на автомобилях, или катания на лыжах с отвесных скал. Всякий раз, когда у него появлялись какие-то деньги, на что он их тратил? На очередную дозу адреналина! Иначе Лиам не мог. Все, что было легко и просто, наводило на него тоску. Такое сложно было не заметить.

На какое-то мгновение я потеряла дар речи. Мне стало очень неудобно. Все, сказанное Беном, было правдой.

Лиам был искателем острых ощущений, адреналиновым наркоманом, и я заметила определенное... возбужденное состояние, в котором он пребывал несколько раз, после того, как мы поженились. Это меня немного беспокоило...

— Но это не означает, что он был преступником! — огрызнулась я.

— Он был очень осторожен, прямо никогда ничего не говорил, уверен, и тебе тоже. Но иногда он делал какие-то странные намеки, завуалированные комментарии, которые навели меня на мысли, что он порой, если и не нарушал закон, то, скажем так, пренебрегал им. Короче, ты можешь верить в то, во что хочешь — в историю с санями или в банальное воровство, а может быть, у тебя найдется третья версия. Теперь все это совершенно неважно. А важно, что по возвращении с этим предметом домой, Лиам был не на шутку перепуган.

— Из-за чего?

— Не знаю, — сказал Бен и впервые за этот вечер отвел глаза. — Мы тогда были в ссоре, но он пришел ко мне в квартиру, сказал, что хочет поговорить о Лебедином короле. Но я выставил его.

Он бросил на меня взгляд, ожидая, что я осужу его. Мне хотелось. Как можно послать члена своей семьи, который обратился к тебе за помощью, куда подальше. Но я ничего не сказала на это. Однако мой голос все равно прозвучал холодно, когда я спросила:

— Значит, ты не знаешь, что он хотел тебе сказать?

— Нет. Вы вскоре поженились, и я больше ничего не слышал об этом. Он больше не пытался связаться со мной.

— А все же, почему вы поссорились? — спросила я в надежде, что может, мне Бен скажет то, что не захотел рассказывать Лиам.

— Разве ты не знаешь? — спросил ошарашенный Бен.

Я покачала головой.

— Лиам не рассказывал мне.

Он посмотрел на меня с каким-то странным выражением лица и произнес:

— То есть, у тебя нет абсолютно никакой идеи, из-за чего мы поссорились?

— Нет! — Меня нервировало его выражение лица. — Так из-за чего?

— Если Лиам тебе не рассказывал, значит, и мне не стоит.

Но меня сжигало любопытство, и я проклинала себя за то, что до сих пор не знала в чем же дело.

— Расскажи мне, в чем было дело! — настаивала я. — У меня есть право знать.

— Нет у тебя никаких прав, — холодно ответил Бен. — Я тебе ничего не расскажу, так что просто забудь.

Я подавила вздох и постаралась подавить и свое любопытство. Мне не заставить его говорить, если он не хочет. Да и, в конечном счете, сейчас уже и неважно, из-за чего они поругались. Поэтому я пообещала себе, что все-таки выясню это, но позже.

— Но какое отношение к этому имеет Джексон Торп? Ты пока не упомянул о нем.

Бен пожал плечами.

— Джексон был в тот вечер в Нойшванштайне. Видимо, он и сам шел по следам саней. Он выбежал из леса буквально через несколько минут и спросил Лиам, видел ли он сани. Вообще-то я не знаю, что именно он там делал. Лиам мне сказал, что у Джексона при себе была фотоаппаратура, и он хотел сделать хорошие снимки Нойшванштайна ночью, когда мимо него проехали сани. Мне кажется, что он скорее искал, как бы вломиться в замок, но ему, безусловно, нужно было для прикрытия сделать парочку снимков. Вот откуда у него фото саней.

— Ты видел фотографию? — спросила я в нетерпении.

— Да, я её видел. На фото есть Нойшванштайн и сани, запряженные лошадьми. Но снимок очень нечеткий. Так что для доказательства этого маловато. Кроме того, Джексон — профессиональный фотограф, если бы он захотел, то сделал бы отличную четкую картинку, не выходя из дома, используя только программное обеспечение, которое у него есть под рукой.

И я вспомнила свои свадебные фотографии.

— Но фотография ничего не доказывает, — продолжал говорить Бен. — Джексон сразу же связался со мной, как только побывал у тебя дома. Насколько я понял, они с Лиамом договорились поделить деньги с продажи того предмета. Джексон нашел покупателя на

черном рынке. Все уже было обговорено, но Лиам почему-то передумал и сказал Джексону, что хочет придержать этот предмет на год.

— Джексон появился в доме, сразу после нашей первой годовщины.

— Ну да, — ответил Бен. — Видимо, Лиам сообщил Джексону о том, что передумал, за две недели до вашей свадьбы. Он спрятал где-то тот артефакт так, что Джексон не смог его найти, пообещав, что через год они его продадут, как и договаривались. Но Лиам умер раньше.

Вот почему Джексон вернулся и перевернул мой дом вверх дном. Идиот. Будто Лиам был настолько глуп, чтобы спрятать эту штуку у нас дома.

— Кто еще знает о той штуковине, которую якобы взял себе Лиам? — спросила я, вспоминая события, недавно произошедшие в Англии: появление Джексона Торпа, человека под дождем и Люка, лжеконюха из поместья моих бабушки с дедушкой.

— Не скажу наверняка, — сказал Бен. — Не знаю, кому Лиам рассказал, но подозреваю, что таких людей немного, потому что он точно не хотел, чтобы они потом пришли за этим предметом. Не удивлюсь, если и ты не знаешь местонахождения этого предмета, да? — сказал он. В его голосе не было особой надежды.

— А что? Ты тоже ищешь этот предмет?

— Вообще-то, ищу.

— Но какой в этом смысл, если ты даже не знаешь, что это такое?

— У меня есть свои причины, — сказал Бен таким тоном, который давал понять — ничего он мне объяснять не будет. — Слушай, мне кажется, ты знаешь, где он. — Он склонился ко мне. — Именно поэтому я хотел увидаться с тобой сегодня.

Поначалу я опешила, но потом меня охватил гнев. Он только что обвинил меня во лжи.

— Да что с тобой?! — взорвалась я. — Я же только что тебе сказала, что понятия не имею, где он. Я сегодня впервые услышала о...

— Нет, нет, — прервал меня Бен. — Очевидно, что ты просто не осознаешь, что тебе известно. Но я думаю, ты сможешь помочь найти этот объект.

— Каким это образом?

— Рассказывая мне, куда именно, по твоему мнению, Лиам отправлялся в прошлом году и когда.

— А смысл? — спросила я упрямо. — Если Лиам соврал мне о своей прошлогодней поездке в Мюнхен, тогда откуда мне знать, что он не врал мне о других поездках? Я не могу доказать, где именно он был... он же мог уехать куда угодно.

— Ты меня не поняла, — сказал Бен с каким-то мрачным удовлетворением. — Мне не нужно, чтобы ты рассказывала, куда ездил Лиам, мне нужно знать, где, по твоему мнению, он был.

— А смысл?

— Я точно знаю, какие страны он посетил за прошлый год.

— Интересно откуда, если вы не общались с ним все это время?

— Если мы с ним не общались, это не значит, что я не приглядывал за ним. Я нанял сыщика, который сообщил мне, в какую страну он летал и куда именно.

— Шпионил за ним.

— А что мне оставалось? — с кислой миной сказал Бен. — Мы больше не разговаривали. А мне нужно было как-то отслеживать его передвижения. Меня беспокоило... то, что он может натворить.

— Итак, если ты уже знаешь, где он был, тогда какого черта тебе нужно от меня?

— Я не сомневаюсь, что некоторые поездки Лиамы были настоящими. Он действительно занимался исследованиями для других книг. Но кое-какие поездки были связаны именно с «немецким делом». Если мы сравним нашу информацию о его поездках, то станет ясно, куда он ездил, солгав тебе о цели поездки.

Я ничего не сказала. В этом был смысл, но его предложение оставило горький привкус у меня во рту. Мне не нравилась мысль, что Лиям врал мне о своей поездке в Мюнхен, но думать о том, что Лиям врал постоянно, в течение года, была еще горше. Очень печально было осознавать, что Лиям сознательно скрывал от меня часть своей жизни, тогда как я считала, что мы очень близки, и у нас нет друг от друга секретов. Я и подумать о таком не могла. И если это было так, то, значит, я была наивной душой — слепой, влюбленной, наивной душой, которая не видела, что творилось у неё под носом.

— Ну?

— Ладно, — резко ответила я. — Займемся этим завтра.

В течение всей нашей беседы, я все думала, стоит ли рассказывать о черном коне, которого я видела в Англии или нет. Он очень напугал Эда, но других доказательств того, что конь был какой-то особенный, у меня не было. Но в итоге я решила все-таки косвенно упомянуть о том происшествии, чтобы посмотреть на реакцию Бена.

— Ты знаешь человека по имени Люк?

Подумав, Бен покачал головой.

— Почему ты спрашиваешь?

— Он околачивался в поместье бабушки с дедушкой. Сказал, что работает в конюшне, но это не так. У него был черный конь, точь-в-точь как тот, которого мы видели на палубе.

— Что он тебе сказал?

— Да ничего такого. Просто предложил поухаживать за Эдом вместо меня. Но он знал, кто я такая.

Бен пожал плечами.

— Что ж, кто такой Люк я не знаю, но предположу, что это один из тех, кто знает об этом предмете.

— Я нашла рыцаря в вещах Лиамы, — неожиданно выпалила я.

— Что ты нашла?

Я нахмурилась. Не знаю, с чего это я вдруг решила рассказать о фигурке рыцаря, которая вряд ли могла оказаться искомым артефактом Бена, потому что уж точно ничего не стоила. Но все равно, почему-то я испытала потребность рассказать об этой нелепой находке. Бен наверняка поднимет меня на смех, но я решила идти до конца, раз уж начала.

— Когда похоронное агентство вернуло мне его вещи, — сказала я, — я нашла в них маленького металлического рыцаря с гвоздем в шлеме.

— И? — спросил Бен, когда я умолкла.

Я пожала плечами.

— И все. Я просто подумала, что это странно. Сомневаюсь, конечно, но, может быть, ты ищешь именно его.

— Это не артефакт.

— Откуда тебе знать? — спросила я, тут же испытав раздражение в ответ на такую его уверенность. — Ты же его никогда не видел.

— Ты сказала, что он был в кармане Лиамы в день его смерти?

— Да.

— Значит, он не из Нойшванштайна. Лиам не настолько глуп, чтобы таскать его с собой. Он бы спрятал его в надежное место. Я даже сомневаюсь, что этот артефакт в Англии.

Я вздохнула.

— Хорошо, что мы собираемся делать, после того, как выясним, где Лиам побывал за последний год?

— Я пройду по его маршруту.

— Ты имеешь в виду, мы пройдемся по его маршруту?

— Мы? — переспросил Бен, удивившись. — О нет, ты вернешься домой.

— Ха-ха. Очень смешно. И вот только не надо так таращиться, Бен. Сбрасываешь на меня бомбу, а потом ждешь, что я, как ни в чем не бывало, улечу домой следующим рейсом? Ага, разбежалась! Он был моим мужем, и я его любила, и если он что-то держал от меня в секрете, я должна знать, почему. Я не смогу жить дальше с дамокловым мечом вопросов без ответов, повисшим у меня над головой.

— Я поделюсь с тобой всей информацией, которую обнаружу, — сухо предложил Бен.

— Неплохая попытка. Но этот номер не пройдет. Я не смогу сидеть дома и ждать, не зная, что происходит, переживать из-за черных лошадей, лебедей, фотографов-убийц, которые могут в любой момент вломиться ко мне в дом. Если ты хочешь, чтобы я тебе помогла, тогда тебе придется принять мои условия.

— В высшей степени нецелесообразно, — сказал холодно Бен. — Но раз отговорить тебя не получается, похоже, у меня просто нет выбора.

— Хорошо, рада, что мы договорились, — сказала я, поднимаясь и демонстративно не обращая внимания на его угрюмый вид. — Тогда я лучше пойду к себе в номер, который еще нужно забронировать. Когда и где ты хочешь встретиться утром?

Бен пожал плечами.

— Например, в ресторане за завтраком. Но, как я уже сказал Лоре, я забронировал для тебя каюту.

— Неужели? А я подумала, что ты соврал, чтобы успокоить Лору.

— Нет, я забронировал её перед тем, как встретить тебя на палубе.

— Слегка самонадеянно, тебе так не кажется? — поинтересовалась я, отчего-то испытав раздражение от его предусмотрительности.

Он опять пожал плечами и, вынув из кармана ключ, бросил его на стол.

— Вот ключ. Сама решай, хочешь — воспользуйся им, хочешь — оставь. Мне все равно.

Я не стала заострять внимание на его последних словах, потому что мне бросилась в глаза его правая рука, которая все еще лежала на столе. На костяшках пальцев виднелись свежие порезы и уродливые синяки, в том числе и на указательном пальце, на котором он носил черное кольцо.

— Что у тебя с рукой? — спросила я.

Он опустил взгляд, а потом встал, пряча руку в карман.

— Ничего, — ответил он сухо.

— Ты с кем-то подрался.

Он смерил меня уничтожающим взглядом.

— Я похож на того, кто с кем-то подрался?

Должна была признать, что кроме царапин на руке и немного на лице, иных

доказательств того, что он участвовал в драке, не было. Я пожала плечами. Мне-то что за дело, чем он занимается? Я схватила ключ и раздраженно выпалила:

— Сколько стоит?

— Завтра скажу.

После всего, что Бен мне тут наговорил, я едва могла на него смотреть, так что с преогромной радостью скрылась у себя в каюте, когда мы добрались до неё, а Бен зашел в соседнюю дверь. Наконец-то меня оставили в покое.

Интерьер внутри оказался просто замечательным, стилизованным под тридцатые года двадцатого века, как и весь корабль, иллюминаторы которого выходили на освещенный фонарями ближайший берег. Я уселась на кровать и провела руками по волосам. Как бы мне хотелось спросить самого Лиамы обо всем этом. Чтобы я просто могла вернуться домой, зайти к нему в кабинет, где он сидел, как обычно, за своим столом. Я бы спросила его, что случилось в Нойшванштайне, и почему он лгал мне о своих поездках. И он дал бы мне разумное объяснение. Я была уверена в этом. Может быть, он и был адреналиновым наркоманом, но уж никак не преступником. Он не был плохим человеком. Если бы я только могла его спросить — он бы сразу же все прояснил. Но я не могу. Я никогда ни о чем больше не смогу его спросить. Я больше никогда не смогу поговорить с Лиамой. И это причиняло больше боли, чем его ложь.

Лиам умер, и единственным человеком, который мог помочь найти ответы, был холодный, отчужденный Бен. Так похожий на него, и в то же время совершенно другой.

Я видела, как вежливо он вел себя с Лорой и её парнем, поэтому сделала вывод, что грубым он был только со мной — потому что я ему не нравилась, как и его родителям, как и всему его семейству, с того самого момента, как стала женой Лиамы. Причина этой неприязни для меня была загадкой. Насколько я знала, за все время нашего знакомства я не сделала ничего такого, чтобы заслужить их нелюбовь. И вплоть до нашей помолвки, я прекрасно ладила со всей его семьей. Но потом некоторые его родственники, включая мать Лиамы и Бена, за две недели до свадьбы придумали какие-то отговорки, почему они не смогут присутствовать на нашем празднике. Наверняка, дело в моем альбинизме... других причин не было...

Лиам только отшучивался, когда я высказывала свое мнение по этому поводу.

— Да они просто странные и все, Джек. Я даже перестал притворяться, что понимаю их. Скорее всего, они завидуют твоей красоте...

И прежде чем заснуть, я какое-то время сидела в обнимку с подушкой в мягком свете прикроватной лампы, пытаясь переварить все, что узнала сегодня, и необычайное зрелище, которое наблюдала с Беном на палубе. Как бы мне хотелось, чтобы здесь вместе со мной был Лиам, а не Бен.

Глава 8

Эдриан Холсбах

На следующее утро я проснулась от стука в дверь моей каюты. Я сползла с кровати и, шатаясь, завернувшись в простыню, подошла к двери, по другую сторону которой оказался Бен.

— Я иду завтракать, ты со мной? — спросил он.

На меня нахлынули все события вчерашнего вечера, отчего тут же захотелось залезть с головой под одеяло и остаться там навсегда.

— Да, — вздохнула я, потирая заспанные глаза. — Дай мне только минутку, я переоденусь... ой... — Я умолкла, вспомнив, что у меня нет с собой никакой одежды, именно поэтому сейчас я и была завернута в простыню. — Мне нечего надеть.

— Может, ты наденешь то платье, в котором была накануне? — спросил Бен, скосив глаза на дверцу шкафа, на которую я вчера заботливо повесила платье.

— Я не могу прийти на завтрак в длинном вечернем платье! — воскликнула я.

— Это еще почему? — с каменным выражением лица поинтересовался Бен.

— Не могу и все, — ответила я, подавляя желание закатить глаза.

Я окинула взглядом каюту. Можно подумать, я смогу надеть что-нибудь из имеющихся здесь вещей. А потом я мельком увидела себя в зеркале, и к моему лицу прилила кровь. Мои голые руки и плечи смотрелись просто ужасно. Они были такими белыми! А еще нога торчала из-под простыни. Только Лиам меня видел такой. И ни разу другой мужчина. Я практически захлопнула дверь перед носом Бена, оставив только узкую щель, в которую сказала:

— Слушай, а ты не можешь сходить в магазин и купить мне какую-нибудь одежду? Спортивный костюм и шлепанцы.

Он собрался было возразить, но я схватила сумочку со столика у двери и всучила ему деньги.

— Господи, да я же не прошу тебя ехать в торговый центр. Просто поднимись наверх и купи мне что-нибудь. Иначе я отсюда не выйду.

И захлопнула дверь. Наверное, я была с ним излишне резка, но решила, что сейчас слишком рано, чтобы из-за этого переживать. А потом до меня дошло, что я ведь не сказала Бену свой размер, но он вернулся уже спустя несколько минут со спортивным костюмом, который оказался мне впору.

— Не знал, какой цвет ты предпочитаешь, — пробормотал он, неловко протягивая мне пакет. Я забрала его и заглянула внутрь. Он выбрал розовый. Не самый любимый цвет, но, по крайней мере, не так ужасно смотрится с моими волосами и кожей. Лиаму всегда нравилось, когда я была в розовом...

— Спасибо, отлично. Я сейчас.

Я закрыла дверь и переоделась в спортивный костюм. Это были велюровые трико и олимпийка с эмблемой «Королева Мэри» на плече и бедре. Ткань на ощупь оказалась очень приятной. Я собрала волосы в хвост и, обув шлепанцы, пошла наверх с Беном, по дороге не обмолвившись с ним ни словом. Завтрак в ресторане проходил по типу «шведского стола», еда выглядела очень соблазнительно. Но у меня не было аппетита, поэтому я предпочла сразу перейти к делу. А вот Бен определенно не разделял моих намерений. После того, как

мы уселись у окна, он встал и ушел к буфету, а потом вернулся с тарелкой, заваленной едой. Не знаю отчего, но я почувствовала себя обиженной. Наверное, это из-за того, что я чувствовала себя разутой и раздетой. И он не имел права в сложившейся ситуации испытывать чувство голода!

Во время завтрака он почти не смотрел на меня, а говорил и того меньше. Может, все еще злился на мой отказ возвращаться в Англию. У меня не хватало духу, да и желания тоже особого не было, завязывать разговор, поэтому мы просто сидели в тишине. Он ел свой завтрак, а я пила черный кофе. Это был хороший кофе. Хороший кофе в хорошем ресторане с прекрасной обстановкой.

При любых других обстоятельствах я бы наслаждалась своим пребыванием здесь...

Когда Бен доел, мы переместились в одну из комнат отдыха, которые в это время суток были свободны.

— Итак, — сказал он, спокойно вынув ручку и лист бумаги из кармана, и протянул их мне, скользя листком по столу. — Вот список мест, которые Лиам посетил за последние тринадцать месяцев. Прочти и отметь те, о которых он тебе соврал.

Меня передернуло от его последних слов. Он мог бы сформулировать свою последнюю фразу чуть потактичнее.

С тех пор как мы поженились, Лиам летал семь раз в короткие командировки: один раз на Бермуды, когда занимался изучением Бермудского треугольника, четыре раза в Шотландию, чтобы написать о шотландских призраках и Лох-Несском чудовище и дважды в Перу, когда начал работу над геоглифами плато Наска. Или я так думала... Но на самом деле он летал один раз на Бермуды и один раз в Перу, как утверждал список передо мной. Никаких поездок в Шотландию, зато в списке Бена значились Мюнхен и Париж. Хотя я считала, что Лиам никогда не был в Париже, а в Мюнхене был один раз еще до свадьбы. Но если верить списку Бена, то он посетил Париж тринадцать месяцев назад, за пару недель до нашей свадьбы, а в Мюнхен слетал в общей сложности четырежды, и это не считая той поездки, о которой мне рассказал. Все поездки были распланированы довольно равномерно на протяжении десяти месяцев нашей совместной жизни после свадьбы. И если список Бена не врал, то последний раз Лиам летал в Мюнхен за две недели до своей смерти. Он соврал мне, прямо в лицо, что летал на геоглифы плато Наска. Он даже привез фотографии оттуда.

Я вернула Бену список и откинулась на спинку кресла, глядя на него с сомнением. Он был братом Лиамом, но насколько хорошо он его знал? Мне казалось абсурдным, что Лиам летал в Мюнхен, а не в Перу. Я просто не могла представить, что он мне соврал, не моргнув и глазом.

Сколько на это потребовалось усилий? Спрятать настоящие документы на поездку от меня, раздобыть где-то фото геоглифов, беспечно о них что-то плести, лгать мне, глядя в глаза. Это никак не укладывалось в моей голове. С какой стати я должна доверять Бену и его списку. Может, он-то как раз и нагло врал о моем муже?

— Нелепость какая-то, поверить не могу, что Лиам столько раз летал в Мюнхен и ни слова мне не сказал, не говоря уж о Париже.

— Чудно. — Бен пожал плечами, пробегая глазами по списку. — Я все беру на себя. Езжай домой, в Англию.

Я разозлилась.

— Разве у тебя нет никаких доказательств, которые ты бы мог мне показать?

Бен перевел взгляд, который тоже был недобрым, с листка на меня.

— Я не собираюсь тебе ничего доказывать. Да это и невозможно. Ты можешь поверить мне или нет. Это твое право.

Мои кисти рук непроизвольно свернулись в кулаки, да так, что ногти впились в ладони. Мне с трудом удалось побороть желание хорошенько его встряхнуть.

Неужели он не замечает, как влияет на меня? Неужели он не понимает, что делает и без того невыносимую ситуацию еще больше невыносимой? Неужели ему мало того, что я потеряла Лиаму? Разве мало того, что я осталась в двадцать семь лет вдовой, не понимающей, говорит он правду или лжет? Если он не был готов чем-то подтвердить свои слова, тогда зачем вообще стал все это рассказывать. Лучше уж так, чем терзаться в сомнениях.

— Бен, какой же ты придурок! — произнесла я. — Разве ты не видишь, как мне тяжело?!

Он вздохнул и развел руками.

— Что ты от меня хочешь, Жасмин? Я уже рассказал тебе все, что знал. И мне жаль, если тебе что-то не нравится, или мои слова тебя расстроили. Я знаю, тебе бы хотелось продолжать думать, что Лиам само совершенство, но это не так. И с этим ничего не поделать. В остальном же, я нахожусь в таком же неведении, как и ты.

— Но как мне понять, что ты говоришь правду? — спросила я напрямик, от отчаяния перестав ходить вокруг да около.

Бен нахмурился.

— Значит, ты мне не доверяешь? — В его голосе слышалась горечь.

Он был братом Лиамы, и только по этой причине я хотела доверять ему. Бен был очень на него похож, у него даже голос был как у Лиамы. И по этой причине мне хотелось находиться рядом с ним, пусть он и не был тем мужчиной, которого я когда-то любила и за которого вышла замуж. Но хотя он и мой деверь, у нас было мало общего. Когда я в детстве приходила к ним домой, то играла только с Лиамой.

Бен же всегда сидел взаперти в своей спальне. И повзрослев, я мало его видела даже до ссоры с братом. Поэтому было бы глупо слепо доверять каждому его слову.

— А зачем мне тебе врать? — холодно бросил Бен. — Чего, по-твоему, я хотел бы этим добиться?

— Слушай, извини, если я обидела тебя, но, по твоим словам, Лиам побывал во всех этих местах и ничего мне не сказал. Либо Лиам врал мне, пока был жив, либо ты мне врешь сейчас. Ты не можешь винить меня за желание верить мужу.

— Ну и ладно. Верь, во что хочешь. Но я могу показать тебе отчет частного детектива, которого я нанял, может, это будет иметь для тебя хоть какое-то значение.

И он потянулся к сумке, стоявшей на полу, возле его ног, в которой немного порылся, а потом извлек из неё коричневую папку и бросил на стол между нами. Внутри лежали бумаги, очень похожие на какой-то официальный отчет, содержащий перечень мест, который мне уже показывал Бен, а также список номеров рейсов. Еще в папке лежали две выписки с кредитных карт, помятые и в пятнах, которые, очевидно, были добыты из мусорной корзины. И все платежи проходили через туристическое агентство, выделенное маркером, приславшее авиабилет в Мюнхен незадолго до моего отъезда.

В общем, похоже, Бен говорил правду. Лиам летал в Германию и Францию после нашей свадьбы и ни словом не обмолвился об этом. Он так убедительно и последовательно лгал о том, куда якобы слетал. Это было настолько тяжело, что даже сейчас, с доказательствами

перед глазами, я с трудом в это верила.

— Удовлетворена? — спокойно спросил Бен, протянув руку за папкой.

— Что ты собираешься делать теперь? — спросила я максимально ровным голосом, возвращая ему файл.

— Надо ехать в Германию. Там все началось.

— Имеешь в виду в Нойшванштайн?

— Нет, не в Нойшванштайн. Пока нет. Я хочу съездить сначала в Мюнхен.

— Зачем?

— Чтобы найти Эдриана Холсбаха.

— Того самого Эдриана, о котором говорил Джексон? — спросила я, сощурившись, поскольку точно помнила, что Джексон в качестве возможного убийцы моего мужа упоминал другое имя.

— Да, Джексон его знает и рассказал мне, где его найти. Он ученый, поэтому не думаю, что он замешан в этом деле, но они вместе провели довольно много времени в Мюнхене, поэтому, может, он нам расскажет чуть больше, чем здесь занимался Лиам — и почему он объявился в моей квартире во второй раз.

Мы с Беном взяли такси до аэропорта, предварительно заехав к Лоре, чтобы я смогла забрать чемодан, скрипку и извиниться перед Лорой за то, что уезжаю раньше, чем планировала. Я туманно описала причины, сказав, что нам с Беном нужно разобраться кое в чем, и какое-то время нам придется провести вместе.

— О, Жасмин, — тихо сказала Лора. — Ты уверена, что это хорошая идея?

Я ожидала, что она будет расстроена моим отъездом, но мне показалось, что я расслышала неодобрение в её голосе.

— Ты о чем? — спросила я.

— Ну... — она помедлила, но потом все же сказала: — Это не мое дело, но, мне кажется, тебе лучше держаться от Бена подальше какое-то время.

— Я и хочу держаться от него подальше. Он меня ужасно раздражает. Он груб, высокомерен, бестактен и жесток. Но он брат Лиамы, и ему нужна моя помощь, так что у меня просто нет выбора.

Лора больше ничего не сказала. Она будто ушла в себя. Только на прощание бросила «пока» и я задумалась, не обидела ли я её чем-нибудь. Может, она расстроилась, что я вот так резко сорвалась и уезжаю раньше намеченного срока. Мне, конечно, было жаль, если это так, но я ничего не могла поделать. Я не могла остаться. Мне нужно было лететь с Беном.

Мы приехали в международный аэропорт Лос-Анджелеса, чтобы отправиться в Мюнхен, где-то после одиннадцати часов, и я старалась не думать, сколько времени нам с ним придется провести вместе. Но большую часть времени мы не разговаривали друг с другом. Бена, похоже, несколько не волновало неловкое молчание, повисшее между нами, и он не предпринимал никаких попыток заговорить, а я была слишком занята мыслями о том, что недавно узнала. Как только мы сели в самолет, Бен вставил в уши наушники, отклонился на спинку кресла и закрыл глаза, положив конец любым дальнейшим вопросам, которые я могла бы задать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мы летели ночью, и я изо всех сил пыталась поспать. Но у меня ничего не получалось. Отчасти это было связано с тем, что Бен продолжал ерзать в кресле рядом со мной, явно находясь в стесненных условиях. Он все никак не мог устроиться. Из-за высокого роста, его

коленям было определенно тесно. Мне же было холодно, даже с тоненьким пледом, который я получила от бортпроводницы. Но, в общем, я не очень возражала против бессонницы. Темнота, ночные огни и гул двигателей самолета меня расслабляли. Пока мы не добрались до Германии, я не должна была ни о чем думать, и ничего предпринимать. Я могла просто сидеть и получать удовольствие от полета.

Но в конечном итоге, я все-таки задремала на какое-то время, а потом мне приснилось, что я проснулась и посмотрела в иллюминатор. И увидела на крыле самолета черного лебедя. Это видение заставило меня проснуться по-настоящему. Я приподняла шторку, но за окном было темно, и ни единого признака черного лебедя на крыле. К сожалению, я случайно разбудила Бена.

— Не спится? — спросил он тихо.

— Нет. Замерзла, — соврала я, не желая признаваться, что меня мучил очередной кошмар, который и разбудил.

— Возьми мое одеяло, — предложил Бен, убирая его со своих колен и протягивая мне.

— О, — сказала я, опешив. — Спасибо, но лучше оставь его себе или ты...

— Все в порядке, — прервал меня Бен спокойным голосом. — Бери.

Его голос звучал как-то странно. Утомленно. Словно я была для него каким-то бременем, которого он не хотел и не просил. В общем, я забрала у него одеяло, испытывая досаду, что ему каким-то образом удалось заставить меня чувствовать вину. Но с еще одним одеялом мне стало теплее, и настроение улучшилось.

— Ты в порядке? — Он выглядел не просто усталым — у него был больной вид. С недавнего времени меня пугают больные люди. Поэтому я не могла вот так запросто отмахнуться от него. Тем более, после того, как я узнала, что иногда умирают на вид вполне здоровые люди. Вроде бы без всякой причины. Он смотрел на меня, а я надеялась, что это благодаря тусклому освещению салона его глаза кажутся такими глубоко запавшими.

— Ты должна понимать, насколько это сложно для меня, — ответил он.

— Что? Не любишь летать?

— Нет, я об этой ситуации.

Я уставилась на него, в очередной раз опешив.

— Ситуации? Если ты о смерти Лиамы и обо всем, что мы узнали с тех пор, тогда конечно, я знаю, как это непросто для тебя, но мне в десятки раз сложнее!

— Это далеко от правды, — ровно произнес он.

Я знала, что из-за ссоры с братом ему было сейчас тяжело, но виноват в этом был только он сам. У него было время помириться, пока Лиам был жив. Если младший брат столько значил для него, то почему он не предпринял ни одной попытки к примирению? Лиам не держал обид, поэтому уверена — что бы между ними двумя не произошло — это была вина Бена.

— Жасмин...

Но я резко его прервала.

— У тебя был целый год, чтобы помириться с братом, а ты даже рождественской открытки ему не прислал!

К моему удивлению, Бен посмотрел на меня так, будто я отвесила ему пощечину, и я, молча, прокляла свой длинный язык.

Я сказала правду, но какой в ней смысл, ведь исправить уже ничего нельзя. Я было подумала, что он хотел что-то ответить, но Бен просто пожал плечами, откинулся на спинку

сиденья и снова закрыл глаза.

Прибыв в Мюнхен, мы взяли машину в прокате и сняли два номера в отеле «Deutsche Eiche», в районе старого города. Перелет нас обоих утомил, а так как мы поели в самолете, то условились лечь пораньше. Отель оказался очень хорошим и по умеренным ценам. Но когда я добралась до своей двери, смежной с номером Бена, то обнаружила, что еще не хочу спать. Поэтому я достала свою скрипку, подключила наушники и какое-то время играла, сидя по-турецки на кровати. Электроскрипка — гениальное изобретение. Можно играть где угодно и когда угодно, но никто тебя не услышит.

Со стороны могло показаться, что я играю понарошку. Музыка была слышна только в наушниках. Через полчаса я почувствовала, что по-настоящему расслабилась, но сна до сих пор не было ни в одном глазу, поэтому я распаковала ноут и, воспользовавшись доступом в Интернет в номере, решила почитать про короля Людвига.

Лиам, а теперь и Бен, говоря о нем, называли его Лебединым королем, но почитав статьи в Интернете, я поняла, что чаще всего его называли Безумным королем, и это прозвище он получил задолго до смерти. Я нашла его фото, когда он, еще будучи совсем молодым, взошел на трон — Людвиг был очень красив, с умными и добрыми глазами. Скорее он походил на мечтателя, но никак не на безумца. Хотя, конечно, не всегда можно сказать по лицу человека, безумен он или нет...

Мне попалась цитата императрицы Елизаветы — знавшей Людвига, возможно, столь же хорошо, как и все остальные — в которой говорилось: «Король не сумасшедший; он просто эксцентричен и живет в мире грез». Мне очень понравилась её формулировка.

Из прочитанного я узнала, что смерть Людвига была очень странной. Понятно, почему с ней связывали теорию заговора. Десятого июня 1886 года он был признан невменяемым, арестован и препровожден в замок Берг на юге Мюнхена. Вечером тринадцатого июня он попросил профессора Гуддена (доктора, который три дня назад объявил его невменяемым) отправиться с ним на прогулку. Доктор согласился, по невыясненным причинам отослал двух сопровождавших их санитаров обратно, и дальше они с королём пошли одни. Их тела обнаружили в водах Штарнбергского озера, на мелководье, около 23:00 того же дня. Несмотря на то, что Людвиг был хорошим пловцом, и вода в месте, где их нашли, доходила королю по пояс, официальной версией было объявлено самоубийство. Ну а про такую неуместную смерть Гуддена на время забыли.

Я нашла сайт, на котором утверждалось, что Людвиг на самом деле не умер, когда плавал в тот день в озере, — Лебединый король сбежал в сказку, где и пребывает по сей день, ведь он куда лучше управляет сказочной страной, нежели человеческой.

Я вновь посмотрела на фотопортрет красивого молодого короля — эксцентричного мужчины, жившего в мире своих грез, — и мне стало невыносимо жаль, что жизнь его оборвалась так чудовищно, и неважно, убийство это было или самоубийство. Ему шел всего сорок первый год, слишком рано для смерти.

Следующим утром, после завтрака на скорую руку, мы отправились из отеля на встречу с Эдрианом Холсбахом.

Оказалось, что он работает в какой-то лаборатории на окраине Мюнхена. Я не знала, какую роль он сыграл в истории с Лиамом, но мне не понравился запах многоэтажки, который ударил мне в нос, стоило нам с Беном только войти. Внутри здание было слишком белым, глянцевым и душным. От этого места у меня мурашки пробежали по коже.

— Что это за лаборатория? — полупшепотом спросила я у Бена.

— Косметическая, — кратко ответил он.

Мы остановились у столика регистрации и меня, мягко говоря, выбесило, когда сидевшая за столиком женщина с безукоризненным маникюром, окинула меня внимательным, оценивающим взглядом. Моя внешность совершенно терялась на фоне флуоресцентного освещения.

— Kann ich Ihnen helfen^[3]? — спросила она, притворно радостно постукивая ногтями по столешнице.

— Sprechen Sie Englisch^[4]? — спросил Бен.

— Разумеется, — ответила она.

— Мы бы хотели встретиться с Эдрианом Холсбахом.

— Он вас ожидает?

— Нет.

— Я позвоню в лабораторию, но он может быть занят, — сказала она, улыбаясь, потянувшись к телефону.

— Ваше имя, пожалуйста.

— Лиам Грейси, — ответил Бен.

Я бросила на него взгляд, пока секретарша набирала номер, на что он едва заметно покачал головой, и я промолчала.

— Мистер Грейси, он сможет уделить вам несколько минут, — сказала она, как только повесила трубку.

Нам выдали бейджики для посетителей и попросили подождать. За нами должны были прийти.

— Мне пришлось назваться его именем, — сказал Бен, пока мы ждали нашего сопровождающего, — иначе он бы не согласился встретиться.

Не успела я кивнуть ему, как к нам подошел молодой человек и провел через коридор в какое-то помещение для наблюдений за испытаниями или вроде того, одну из стен которого занимали окна. А за ними и находилась сама лаборатория. Он оставил нас, сказав, что доктор Холсбах скоро подойдет, но я едва его слушала. Я была слишком поглощена ужасом от увиденного. Внутри лаборатории повсюду стояли ряды клеток с кроликами, у большинства из которых был выбрит мех на отдельных участках. На бедных животных определенно проводили испытания. Пока я с отвращением и ужасом взидала на несчастных животных, какой-то человек в белом халате закапывал одному из кроликов какую-то жидкость в розовые глаза, придерживая лапы и уши, чтобы не мешались.

— Боже, — сказала я с отвращением. — Ты же сказал, что это косметическая лаборатория?!

— Именно так, — ответил Бен, и мне показалось, что я расслышала неодобрение в его голосе. — Они здесь тестируют помады и парфюмерию. Жасмин, качество парфюмерии очень важно. — Он перехватил мой взгляд и устало улыбнулся. — Может, тебе лучше закрыть глаза.

Дверь распахнулась, и из лаборатории вышел тот самый человек в халате.

На вид лет пятидесяти, высокий, седовласый, с маленькими, но жесткими глазами.

— Лиам, по-моему, я довольно ясно выразился, что не хочу иметь ничего об... — начал было он с сильным немецким акцентом, но осекся, когда увидел Бена. — Вы не Лиам Грейси.

— Нет, — сознался Бен. — Извините, что ввели вас в заблуждение, но нам непременно

нужно было с вами встретиться.

— Вы его брат? — уточнил Холсбах, отметив очевидное физическое сходство между ними.

— Да, меня зовут Бен.

Холсбах стянул белые латексные перчатки, запятнанные кровью кроликов, выбросил их в мусорное ведро у входной двери и подошел к нам.

— Эдриан Холсбах.

Он пожал руку Бену, но когда повернулся ко мне с протянутой рукой, я просто не смогла себя заставить протянуть ладонь и пожать его руку.

— Я не стану пожимать вам руку! — сказала я, втягивая голову в плечи. — После того, что вы сделали с несчастным кроликом.

Я знала, что мое выступление только навредит нам. Мы же просто хотели поговорить с ним, а это было не самое лучшее начало. Но вся эта косметическая лаборатория с кроликами, над которыми здесь издеваются, возмущала меня.

— Ааа, любительница братьев наших меньших, — сказал Холсбах небрежно, но с оттенком презрения. — Так я могу вам чем-то помочь или мне вызвать охрану?

— В этом нет необходимости, — вмешался Бен, бросая на меня предостерегающий взгляд. — Мы только хотим поговорить о Лиаме.

— Понятно. — Эдриан побрел к раковине в углу, чтобы вымыть руки. — И как там поживает Лиам?

— Он умер, — спокойно ответил Бен.

Эдриан удивленно посмотрел на нас через плечо.

— Умер? — повторил он, закрыв кран, и потянулся к полотенцу. — Как это случилось?

— Аневризма.

— Тогда, что вам нужно от меня? — спросил он, даже не потрудившись высказать слова сожаления, принятые в таком случае.

— Мы хотели узнать, что произошло на озере за Нойшванштайном.

— Не совсем понимаю, о чем вы говорите, — ответил Холсбах.

— Я знаю, что вы втроем были там одним поздним вечером.

Я хмуро посмотрела на Бена. Прежде он об этом не упоминал.

— Возможно, вы и правы. Но это было год назад, а моя память уже не та.

Он хотел денег. Бен достал из кармана банкноту в сто евро и протянул ему. Холсбах жадно схватил деньги.

— Что вы втроем делали на том озере? — спросил Бен.

Холсбах пожал плечами.

— Хотели украсть лебедя, конечно.

— Для чего?

Холсбах взглянул через окно на свою ужасную лабораторию, и небольшая улыбка искривила уголок его рта.

— Лиам сказал, что они помогут нам разбогатеть. Те лебеди из Нойшванштайна и других замков Людвиг — необычные. Они волшебные.

— Волшебные? — недоверчиво переспросила я.

Холсбах одарил меня ледяным взглядом.

— Да, Fräulein, я понимаю, о чем вы. Но он сказал нам, что ночью они превращаются в прекрасных женщин — как в легенде о Лебедином озере. — Он посмотрел на Бена и

добавил: — Ваш брат, не производил впечатления идиота. И он так уверенно об этом рассказывал, поэтому я и заинтересовался.

— Заинтересовались? — повторил Бен, приподнимая бровь. — То есть вами двигала не жадность, а интерес?

— Всего понемногу. — Он пожал плечами. — Мы собирались принести сюда черного лебедя, вскрыть его и узнать, как ему удастся трансформироваться, а потом продать информацию тому, кто дороже заплатит. — В его глазках мелькнул алчный блеск. — Мы могли стать самыми богатыми людьми в мире.

— И, тем не менее, вы все еще здесь, с кроликами и косметикой, — заметил Бен. — Что случилось?

— Ваш брат... как это говорится по-английски... гмм, трепло! — с горечью сказал Холсбах. — Когда мы добрались до озера, то увидели совершенно обычных лебедей, спящих на берегу. Но Лиам уверял, что прежде они были прекрасными женщинами. Короче, они с Джексоном решили поймать одного. Схватили лебедя и попытались запихнуть его в мешок... и нечаянно, в пылу, сломали ему шею. — Холсбах пожал плечами. — Поэтому они попытались схватить другого...

— И? — спросил Бен.

— Ничего не вышло, мы вернулись домой. Все.

— Пожалуйста, не лгите, — тихо сказал Бен. — Я уже слышал эту историю от Джексона и знаю, что это не так.

— Джексон! — Холсбах презрительно усмехнулся. — Не верьте ни единому его слову. Правду из него нужно выбивать.

Взгляд его упал на руки Бена, и он улыбнулся, заметив ссадины и синяки на его костяшках.

— Просто расскажите, что случилось, — попросил Бен, пряча руки в карманы. — Мы позже разберемся, кто из вас говорит ту самую правду.

— Вы мне не поверите.

— Ну, это наши проблемы, не так ли? — сказал Бен. Он вынул из кармана еще сотню евро и протянул ученому, который взял бумажку на этот раз чуть менее рьяно.

— Что ж, раз Джексон вам уже все рассказал, тогда вы знаете, что как только они убили лебедя, на поверхности озера появился черный конь. С рыцарем в серебряных доспехах на спине. Мы... пытались скрыться в лесу, но это удалось только Джексону. Лиам и я... — Холсбах скрестил руки на груди, и, стараясь не встречаться с нами взглядом, продолжил невыразительным голосом: — рыцарь затащил нас в воду. Он был огромным — почти два метра ростом. Бороться с ним было бесполезно. Он удерживал нас под водой и чуть не убил. Но в последний момент он выдернул нас из воды и склонился, чтобы шепнуть что-то на ухо Лиаму. А потом бросил нас на мелководье и ускакал в лес. — Холсбах развел руками. — Вот она, правда.

— Предположу, что вы чуть с ума не сошли. Что рыцарь сказал Лиаму? — спросил Бен.

— Понятия не имею. Когда я потом его об этом спросил, он сказал, что не знает. Тогда я толкнул его, он разозлился и пробурчал, что был слишком занят тем, как бы не захлебнуться, потому и не слушал. У него был тот еще характер. После случившегося он был зол на всех и вся, сказал, что обязательно отомстит, но не уточнял кому. Не знаю, предпринял ли он еще одну попытку, ведь я отказался от дальнейшего участия в этом безумии. Если бы не рыцарь, я бы решил, что все эти разговоры о волшебных лебедях полный

бред. И это все, что мне известно. А теперь уходите и больше никогда сюда не возвращайтесь.

— Что за предмет он взял в Нойшванштайне? — спросила я. — Вы что-нибудь знаете об этом?

Холсбах нахмурился, и через какое-то мгновение произнес:

— Да, помню, Лиам что-то нашел в горах, и его находка подтвердила факт волшебности лебедей. Были планы продать тот предмет, но я уже в этом не участвовал, и потому даже не знаю о чем речь.

— Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Люк? — спросила я.

Он покачал головой.

— Люк?

— Боюсь, ничем не могу вам помочь, Fräulein, — сказал он, глядя на меня с презрительным выражением своих маленьких глазок, словно я была одним из его несчастных подопытных. — Как вы сказали вас зовут?

— Жасмин Грейси, — ответила я. — Я вдова Лиама.

— Вот так удивили, — сказал он.

— Почему это? — сухо поинтересовался Бен.

— Потому что Лиам был высокомерным придурком, который всегда хотел всего самого лучшего, — ответил Холсбах, мерзко скалясь.

Я покраснела до корней своих белых волос. У него получилось меня оскорбить. Люди иногда обращали на меня внимание на улице, но это было другое. Я словно вернулась в детство, на детскую площадку, когда дети издевались над моим альбинизмом. Но мой собственный стыд, затмил гнев, вызванный упоминанием Лиама.

Я не могла вынести, когда кто-то говорил гадости о нем. Я уже собиралась было огрызнуться в ответ, когда Бен спокойно сказал:

— Повтори?

Холсбах развернулся к нему и все с той же мерзкой улыбочкой начал повторять:

— Я сказал: Лиам был высокомерным придурком, который... — Он не договорил, потому что Бен ударил его в челюсть. Холсбах был не готов к подобному повороту, да и Бен вложил в удар больше силы, чем могло показаться, поэтому ученый врезался в стол у него за спиной и свалился на пол, держась рукой за окровавленный рот.

— Как бы там ни было, — спокойно сказал Бен без намека на гнев, — имей хоть немного уважения к покойному.

Холсбах вздрогнул, когда Бен подошел к нему, но тот лишь наклонился и подобрал с пола сотню евро, и вежливо сказал:

— Спасибо, что уделите нам время, герр Холсбах. Мы сами найдем выход.

Он отвернулся от перепуганного немца и, взяв меня под локоть, повел прочь из комнаты на парковку, где после духоты лаборатории было свежо и приятно.

— Ты должен был держать себя в руках, — укорила я его, когда мы сели в машину. — Хотя не могу сказать, что не получила удовлетворения, увидев, как Холсбах схлопотал кулаком по роже. Но мы оба знаем, что он может позвонить в полицию с жалобой на нас...

Бен посмотрел на меня.

— А я и держал себя в руках, — сказал он ровным голосом. — Ты же была там и видела, что случилось. Я просто хотел вернуть свои деньги и только-то.

Он завел мотор автомобиля, а я нахмурилась, пытаюсь разобраться в своем девере.

Теперь, когда я мысленно прокрутила нашу встречу с немцем, мне показалось, что он был прав, — он даже ни разу не повысил голос. Так что, скорее всего, он не разозлился за Лиама, как я. Возможно, он, как и сказал, просто хотел вернуть свои деньги, не более.

— А что, если он позвонит в полицию? — спросила я.

— Не позвонит. Поверь мне, он все оставит как есть.

Когда мы выехали со стоянки лаборатории, я заметила, что только что зажившие раны на костяшках Бена снова кровоточат, — хотя он, казалось, этого не замечал. Пожалуй, я бы предпочла, чтобы он вышел из себя, по крайней мере, тогда он бы больше напоминал человека, а не холодную расчетливую машину...

Бен, должно быть, заметил выражение моего лица, поэтому сказал:

— Слушай, мне жаль, если то, что я сделал, тебя расстроило. Просто воспринимай этот инцидент, как месть за кроликов — этот человек определенно заслужил удар в морду. А теперь давай сходим в какой-нибудь хороший ресторан, чтобы сгладить неприятные эмоции после посещения лаборатории герра Холсбаха. Что скажешь?

Погода в Мюнхене, в отличие от солнечной Калифорнии, не радовала. В Мюнхене было холодно, но, к счастью, у меня с собой имелось пальто, которое я прихватила из Англии. Мы припарковались в центре города и отправились напрямик на Мариенплац (главную площадь Мюнхена), уставленную сотней-другой рождественских лавок и палаток. Я сразу же её узнала, потому что была здесь два года назад с Лиамом на рождественских каникулах.

Рынок оказался таким же атмосферным, живым, праздничным и красочным, как в моих воспоминаниях. Помнится, мы с Лиамом провели целое утро, бродя между киосками, в которых продавали запеченные яблоки, жареный миндаль, рождественские украшения, марципан, игрушки, имбирные пряники, свечи и прочие авторские безделушки. Тогда мы стояли перед впечатляющим Нойес Ратхаус^[5], ели горячие сосиски и пили из кружек глинтвейн^[6].

Самыми любимыми у меня были ларьки с имбирными пряниками. В этих ларьках замороженные сердца «Лебкухен»^[7] свисали прямо с крыш, а под ними красовались традиционные пряничные ведьмовские домики из сказки «Гензель и Гретель», разных размеров и по привлекательной цене. Запах выпечки тут же потянул за собой болезненное воспоминание: Лиам купил мне одно из таких сердец «Лебкухен», когда мы гуляли как-то вечером. Воспоминание о том немецком прянике было прочно связано с ощущением беззаботного счастья и теперь, когда я снова их увидела, — опять приуныла. Я никогда не думала, что если мне и суждено будет однажды вернуться в Мюнхен, то я буду одна, без Лиама, который останется в Англии, в гробу на кладбище.

Я затолкала воспоминание куда подальше и решила сосредоточиться на том, чтобы не отстать от Бена, который шагал сквозь толпу, не желая тратить время на разглядывание красивых ларьков. Вместо этого он направился напрямик в кафе «Металлофон»^[8] на пятом этаже здания, прямо напротив ратуши. Так уж случайно вышло, что нас усадили за столиком у окна, прямо напротив часов, которые собирались отбивать полдень, и нам открывался прекрасный вид на механические фигурки курантов, собирающиеся вот-вот исполнить свой танец, к восхищению толпы туристов, собравшейся внизу на улице. Это было такое облегчение, оказаться в столь радостном и приятном месте, после ужасной лаборатории, что я почувствовала прилив теплоты по отношению к Бену. Какой же он молодец, что привел меня сюда.

— Неужели Джексон рассказал ту же версию?

— Более или менее. Только он утверждал, что это Эдриан и Лиам убили птицу. Я было подумал, что он все выдумал, но теперь, когда Эдриан подтвердил историю...

Еще несколько месяцев назад я бы ни за что не поверила в эту сумасшедшую историю, независимо от количества людей, способных её подтвердить. Но с тех пор я видела лебедепад на кладбище и галоп черного коня по палубе «Королевы Мэри», взявшегося из ниоткуда и растворившегося в воздухе.

— Может, это Эдриан с Джексоном убили лебедя, — сказала я.

Бен приподнял бровь.

— Вероятнее всего, это были Лиам и Эдриан, так как именно их утащили в озеро.

— Не могу поверить, что Лиам убил лебедя, пусть даже случайно.

Бен уставился на меня, а потом, спустя мгновение, невесело рассмеялся.

— Значит, в волшебных лебедей ты веришь, а то, что Лиам мог кого-то убить, никак не укладывается у тебя в голове?!

— Очевидно же, что мне трудно принять и волшебного лебедя, и рыцаря! — раздраженно сказала я. — Но Лиам любил животных — он бы никогда никому не причинил вреда!

— И все же, Эдриан Холсбах точно был там той ночью, — спокойно сказал Бен. — И как ты объяснишь присутствие Лиамы, если не веришь, что они вдвоем хотели изловить лебедя и препарировать его позже в немецкой лаборатории?

— Не знаю, но должно быть другое объяснение, — стояла я на своем. — Лиам никогда бы не связался ни во что подобное.

— Как же, — угрюмо хмыкнул Бен. — Что ж, может, ты и права. Может быть, они просто выдумали эту историю, и на озере не было ничего такого. Но ты ошибаешься насчет любви Лиамы к животным. Он их терпеть не мог. В детстве я много раз его ловил за тем, как он мучил насекомых в саду. Он ставил на них ловушки. Однажды даже кролика поймал. Его, похоже, завораживала их борьба за жизнь.

— Ах, не говори ерунды! — От такого наглого вранья меня аж передернуло. Я знала Лиаму с четырехлетнего возраста и всегда видела только его бережное отношение к животным. Я не понимала, зачем Бен выдумывает такое о Лиама. Чего он хочет этим добиться? Неужели он не понимает, что я никогда не поверю в это?

— Вы так и не завели животное, — холодно напомнил он.

— В смысле?

— После свадьбы. Если Лиам так любил зверюшек, то почему вы так и не завели домашнее животное?

Мне стало неудобно. Я нахмурилась. Мы купили собаку сразу, как только переехали в новый дом, только вот что странно, она тут же невзлюбила Лиаму. Он не мог даже приблизиться к животному — собака рычала на него и, в конце концов, мы были вынуждены найти псу другой дом. А еще я вспомнила, что Лиам вдруг с неохотой стал кататься на лошадях бабушки и дедушки, а прежде он очень любил эти прогулки... Но Бен не мог ничего этого знать, поэтому я просто ответила:

— Это было не самое подходящее время, чтобы заводить домашних животных.

Губы Бена дернулись, искривившись в полуулыбку, но он ничего не сказал. А тут и еда наша подоспела.

— Лиам был счастлив? — спросил Бен, как только официантка ушла.

— Что?

— Последний год — Лиам был счастлив?

— Да, мы оба были счастливы.

Пока мы ели, он задал мне еще несколько вопросов о Лиаме и нашей жизни, и я поняла, как мало он на самом деле о нас знал. Я подумала, что, видимо, это связано с их ссорой, после которой они почти не общались, и ему просто хотелось узнать побольше обо мне и Лиаме.

— Как это было?

— Ты о чем?

— Помолвка. Я всегда считал, что вы просто друзья.

— Так и было. Но он купил мне электроскрипку, — сказала я и рассмеялась. — Как можно было не влюбиться в него?

— Лиам купил тебе скрипку? — Бен приподнял бровь.

— Ну да, — ответила я. — Он знал, как сильно я хотела электронную скрипку, и вот, однажды удивил меня, подарив её.

— Классный инструмент, — сказал Бен и тише добавил: — Ты прекрасно играешь.

— Спасибо, — ответила я, приятно согретая его более добрым обращением со мной, чем он выказывал обычно.

— Значит, ты уже бывала в Мюнхене? — сменив тему, непринужденно спросил он.

— Один раз. Мы с Лиамом ездили два года назад отдыхать.

— Понятно. Понравилось?

— Очень, — ответила я, выглядывая в окно на Мариенплац, вспоминая, как мы прогуливались с Лиамом по этой площади.

— Жасмин, — сказал Бен, спустя мгновение. Я повернулась к нему. Его голос мне показался каким-то странным. И смотрел он на меня как-то чересчур пристально. — После свадьбы, — медленно проговорил он, — Лиам не изменился?

— Изменился? — Гм, я нахмурилась. — В смысле?

Бен сделал рукой какой-то неопределенный жест, а потом подался вперед.

— Ты знала его очень давно. И после свадьбы наверняка заметила какие-то перемены в нем. Может быть, в мелочах. Может быть, что-то изменилось на какое-то время, а потом опять вернулось в норму. Подумай! Должно быть хоть что-нибудь!

Я пристально вгляделась в Бена, стараясь, чтобы мое выражение лица не дрогнуло. Да, я заметила кое-какие изменения. Мелочи, и Бен не мог о них знать. В конце концов, Лиам был Лиамом, та же внешность, тот же голос... Сначала я обратила внимание на его привычку складывать использованные чайные пакетики в раковину, а не выбрасывать их в мусорное ведро. А потом он начал оставлять поднятой крышку унитаза. А потом — оставлять свою одежду брошенной на полу в кучу, вместо того, чтобы убирать её в шкаф или класть в стирку, как делал прежде. Я посчитала, что он просто начал лениться. Хотя стоило мне только сказать ему об этом, как он сразу же перестал так делать.

Но еще я заметила, что и целовать он стал меня по-другому. Не хуже, не лучше. По-другому.

Сначала я думала, это из-за его разбитой губы. Лиам подрался с пьяным гостем, когда ходил к автомату с кубиками льда. Это случилось во время нашего медового месяца на Карибах. Человеческая натура причудлива, подобные вещи кажутся просто чудовищными, если они совершаются преднамеренно, а не являются результатом несчастного случая. Для

нападения на Лиам не было никаких серьезных причин, наверное, просто пьяный гость специально искал неприятностей, но его в итоге спугнула шумная группа туристов. Лиам вернулся в номер с опухшим глазом и разбитой губой. Нанесенные ему травмы оказались несерьезными, ему даже не потребовалось накладывать швы, и все же, к моему удивлению, вся эта история меня ужасно расстроила. Лиам тогда немного выпил и, упав с лестницы, я бы, скорее всего, какое-то время беспощадно глумилась над ним. Но при мысли о том, что кто-то избил его, мне делалось дурно. На следующее утро глаз так распух, что он с трудом его приоткрыл.

Он сказал мне, что администрация отеля выгнала дебошира, и мне даже стало жаль, что я не видела этого, а то огрела бы того придурка чем-нибудь тяжелым. В общем, сначала я считала, что его поцелуи не такие как прежде, из-за разбитой губы. Но даже, после того, как она зажила, я все равно чувствовала — что-то изменилось. И теперь, когда я об этом думала, все больше убеждалась, что изменения произошло еще до Карибов. Возможно, удар в лицо вообще тут был ни при чем.

Безумные прыжки с парашютом определенно начались еще до нашей свадьбы. Помню, как прикалывалась над ним, что, мол, будь мы постарше лет эдак на десять-двадцать, то я списала бы это на кризис среднего возраста. И он больше не хотел заводить домашних животных и, как мне сейчас кажется, больше не стремился общаться с лошадьми...

Не знаю, об этом ли говорил Бен, но маловероятно — кроме внезапного интереса к экстремальным видам спорта — чтобы об этом знал кто-то еще, кроме близкого человека, который жил с ним рядом.

— Не знаю, — наконец ответила я. — Может быть, незначительные мелочи. А почему ты спрашиваешь?

— Просто подумал, что ты что-нибудь заметила, вот и все, — ответил он раздраженно. — В конце концов, пока вы были женаты, с ним много чего происходило в то время.

Похоже, Бен решительно настроился — бить по моим самым уязвимым местам, да еще и все время старался врезать посильнее. Чем же я могла ему так насолить. Но насколько я помнила, мы даже ни разу не поссорились. Не было причин.

— Что верно, то верно, но однажды ночью он постучал не в мою дверь, чтобы попросить о помощи, — огрызнулась я. Этот факт меня мало радовал, но может быть хоть он заставит Бена почувствовать себя чуть хуже. И я была рада увидеть, что мое замечание достигло своей цели. Вот именно, хватит уже искать соринку в чужих глазах, когда у самого навалом бревен.

— Расскажи, чем ты занимаешься, — сказала я, чтобы сменить тему, прежде чем он смог бы высказать еще один неприятный аргумент.

— Тебе будет скучно, — резко ответил он.

— Поживем-увидим, — выдавила я сквозь стиснутые зубы. Наверное, он считал, что у меня концентрация внимания, как у комара.

— Ну, я работаю. — Он пожал плечами. — Все.

— Ты можешь заниматься архитектурой где угодно, почему ты переехал в Германию?

Он на какое-то время замолчал, а потом ответил.

— Встретил кое-кого.

Я вдруг вспомнила женщину, которая взяла трубку, когда я звонила ему, пытаюсь застать дома.

— Женщину?

— Да.

— Это серьезно? — Не знаю, почему я задала этот вопрос, но, отвечая, Бен поднял руку, и я впервые заметила обручальное кольцо у него на пальце. Это была простая полоска белого золота, но меня поразила её красота.

— Ничего себе, — сказала я, по-настоящему радуясь за него. — Как её зовут?

— Хайди.

— Чем она занимается?

К моему удивлению, тон Бена внезапно стал ледяным:

— Я бы предпочел не обсуждать её с тобой!

А потом он поднял руку, чтобы подозвать официантку и попросить счет, прежде чем я успела еще что-нибудь спросить. Я была в шоке от того, как быстро менялось его настроение от дружелюбного до хамского. Когда он сказал, что не хочет говорить о своей невесте, какая-то... ожесточенность прозвучала в его голосе.

— Слушай, Бен, — сказала я, как только официант ушел, — я чем-то тебе насолила, поэтому ты так ко мне относишься?

Он посмотрел на меня с почти осязаемой неприязнью.

— Нет, — ответил он резким тоном. — Ничего ты мне не сделала. Я просто не хочу обсуждать свою личную жизнь с тобой. Понятно?

У меня так и чесались руки чем-нибудь в него запустить в ответ на холодность, но я сделала над собой очередное усилие и взяла себя в руки, а вскоре мы вышли на улицу, на морозный Мариенплац. Вся печаль в том, что мне нужен был Бен, если я хотела узнать, что случилось с Лиамом. А вот после, мне определенно не обязательно видеться с ним или его родителями. Нас больше ничего не связывало.

Странно, но мысль о том, что потом я могу больше не увидеть Бена, меня огорчала, что ли, и это раздражало еще сильнее. Этот мужчина внешне походил на Лиаму, но и только. Удачи его бедняжке-невесте — если судить по голосу, то она милая девушка, и я не понимала, какого черта она собралась замуж за Бена. Он же такой скучный и грубый. Лиам умер, а с ним и связь с его семьей, потому что детей у нас не было. Лиам отчаянно хотел, чтобы мы родили ребенка, но я предпочла подождать, пока мы не накопим побольше денег...

Как же горько я теперь сожалела об этом... Мы с родителями Лиамы могли бы отправлять друг другу рождественские открытки еще какое-то время, но потом... разве у нас оставались причины поддерживать общение? Мое присутствие наверняка ворошило бы в будущем болезненные воспоминания, и наоборот. Опять же, его мама уже ясно дала понять, какие чувства ко мне испытывает.

— И что теперь? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос не прозвучал раздраженным или напуганным.

— Я хочу съездить в Нойшванштайн, чтобы самому все осмотреть, — сказал Бен.

— Тогда поедем утром.

— Я встречу с тобой в отеле за завтраком. В восемь.

— Договорились, — ответила я. — Что собираешься делать сейчас?

— Еще не решил. — Он взглянул на меня. — Ты, наверное, могла бы пройтись по магазинам, чтобы купить себе одежды. Не знаю, сколько мы пробудем в Германии, но сомневаюсь, что здесь будет уместен твой гардероб из Калифорнии.

Я воспользовалась советом Бена и отправилась в торговый центр «Карштадт», чтобы купить там несколько вещей. Бен был прав. Я привезла с собой много одежды из

Калифорнии, но почти вся она не годилась для холодного европейского климата. Это была непростая задача. Во-первых, я не знала, сколько мы здесь пробудем, поэтому, конечно, остановилась на самом необходимом. А во-вторых, я и так уже переживала, что потратила приличную сумму денег. Я не была богатой, будучи замужем, а теперь, когда я осталась одна, тем более. А ведь на мне еще висела ипотека. Мне и Калифорния-то была не по карману, но перелет был уже оплачен, и я могла остановиться у подруги. А поездка в Германию — это совсем другое. Я знала, что, обратиться я к своей семье, они бы одолжили мне денег, но тогда пришлось бы им рассказать, зачем они мне, да и я не горела желанием начинать самостоятельную жизнь с долгов.

Когда я закончила делать покупки, у меня ужасно гудели ноги. И мне, естественно, захотелось передохнуть и остановиться в «Кодитории», чтобы выпить кофе по дороге к отелю. Но я уже порядком потратилась сегодня, и эти траты тяжким грузом давили на мой мозг, поэтому, когда я наткнулась на красивую витрину, а из-за двери донесся манящий аромат, то заставила себя пройти мимо, словно чары горького кофе и марципанового торта не были властны надо мной.

Нам с Беном достались смежные номера, поэтому, по возвращении в отель, я вошла к себе и постучала к нему в дверь, но ответа не последовало, и я решила, что он еще не вернулся. В целях дальнейшей экономии денежных средств, я купила немного еды в супермаркете «Каршадта» и соорудила себе на ужин бутерброд, чтобы не ходить в гостиничный ресторан. Я включила телевизор, нашла какой-то английский канал и растянулась на кровати, опершись на локти. Я жевала чипсы и старалась не думать об Эдриане Холсбахе и том, что он наговорил нам утром.

Я все еще не адаптировалась к десятичасовой разнице во времени между Германией и Калифорнией, поэтому спать легла рано. И опять мне приснился кошмар. Мне чудилось, что грезил я уже не один час, и в моем сне огромный, в блестящих доспехах рыцарь топил Лиам в большом серебристом озере. На берегу озера стояли Бен, Джексон и Эдриан наблюдали и смеялись — они думали, что рыцарь так шутит, что он совсем не собирается убивать Лиам прямо у них на глазах. Но я-то знала правду, а мне было не успеть. Я бежала по горной тропе. Я пыталась бежать, но это было сродни перемещению в патоке. Я кричала, но, кажется, не приблизилась ни на йоту к озеру. Я знала, что дорога каждая секунда, потому что видела, как жизнь утекает из моего мужа, прямо у меня на глазах.

Дважды ему удалось вынырнуть на поверхность, глотнуть воздуха и прокричать мое имя, а потом рыцарь безжалостно опять погружал его голову под воду. Его голос звенел у меня в голове:

— Жасмин! Жасмин!

— Я иду! — кричала я, отчаянно пытаюсь бежать, но все равно еле тащилась.

А потом я увидела, что руки Лиам, которыми он цеплялся за рыцаря, обмякли и с всплеском упали в воду. Наконец рыцарь отпустил его, но было слишком поздно. Лиам не поднял головы, я знала — он мертв. Утонул. Крича и плача, я проснулась и резко поднялась с кровати. А потом принялась искать, как включить свет.

Но тут я завопила, увидев Лиам, неподвижно стоявшего у подножия моей кровати. Он стоял лицом к стене. С его одежды и волос текла вода. Даже несмотря на то, что я не могла видеть его лица, я знала, что это он. Но вместо того, чтобы соскочить с кровати и обнять его, я обнаружила, что стараюсь отодвинуться подальше, не желая, чтобы он поворачивался. Я не хотела, чтобы он меня увидел.

И только я это осознала, как Лиам начал поворачиваться. Я натянула до подбородка простыни, судорожно сжимаемые обеими руками. А потом меня будто парализовало от ужаса. Когда он повернулся, я увидела, что его кожа очень бледна и похожа на воск. Я смотрела на лицо мертвого человека — трупа. Он уже даже начал подгнивать. И только его зеленые глаза остались прежними, но это не принесло мне утешения, потому что они были полны боли и страха. При жизни я никогда не видела такого страдальческого выражения у него на лице.

— Лиам, — неосознанно слетело с моих губ его имя.

Он открыл рот, и я вздрогнула, когда на ковер вылился поток воды. Я думала, он хотел произнести мое имя, но когда вода перестала литься, и он смог наконец говорить, с его губ слетело одно-единственное слово, которое он произнес хриплым шепотом:

— Лоэнгрин!

Он сделал неуклюжий шаг ко мне, слегка качнувшись, и я инстинктивно подняла руки, защищаясь. Но потом вдруг я поняла, что передо мной не Лиам, а Бен, с которого ручьями бежала вода — его волосы прилипли к лицу, как тогда, на похоронах, несколько месяцев назад. Сначала я подумала, что все еще сплю, а потом поняла, что из приоткрытой двери на кровать падает свет, а Бен одет в халат, а не в уличную одежду.

— В чем дело? — спросил он, встревоженно глядя на меня, сидя у подножия кровати. — В чем дело?

— Почему ты мокрый? — спросила я, пытаюсь сообразить сон это или реальность.

— Что? Я принимал душ.

— Ааа.

— Ты в порядке?

— Да. — Я сделала глубокий вдох и увереннее добавила: — Да. Извини. Просто.. кошмар. Вот и все.

Поколебавшись, он спросил:

— О Лиаме?

— Да. — Я попыталась улыбнуться. — Думаю, это из-за всего того, что сегодня наговорил Эдриан... что рыцарь почти утопил его.

Бен кивнул, а потом, окинув взглядом комнату, увидел то, что осталось от приготовленного мной ужина.

— Устраивала пикник? — поинтересовался он.

— Купила еду в «Каршгадте», чтобы поесть в номере.

— Зачем? — спросил он, слегка нахмурившись.

— Так дешевле.

— Понятно. С тобой сейчас все в порядке?

— Да. Извини, не хотела тебя беспокоить.

— Тогда увидимся утром. — Бен уже положил руку на ручку двери, чтобы выйти, но остановился, уставившись на прикроватный столик. — Это тот рыцарь, о котором ты говорила?

— Что? — Я повернула голову, чтобы проследить за его взглядом. — А, ну да. Это он.

Мне показалось, что уголок рта Бена дернулся. Может быть, всему виной были тусклый свет и игра моего воображения. А потом он посмотрел на меня, приподняв одну бровь, и сказал:

— Зачем ты его хранишь?

— Не знаю. Он случайно попал ко мне в чемодан, когда я собиралась в Калифорнию. Наверное, я просто привыкла уже видеть его возле своей кровати. Слушай, Бен, если мы не знаем, как выглядел предмет, который тогда выпал из саней, как же мы узнаем, что это именно он, когда его найдем?

— Я пойму, когда его увижу, — просто ответил Бен. — Я уверен в этом. Спокойной ночи, Жасмин.

И прежде чем я успела задать еще один вопрос, он уже скрылся в своей комнате, закрыв за собой дверь и погрузив меня опять во тьму.

Мы отправились в Нойшванштайн на следующее утро, но сначала позавтракали в отеле. Бен предлагал перекусить по дороге, но я настояла на том, чтобы позавтракать в отеле, потому что завтрак был включен в стоимость проживания. Если бы мы остановились где-то в придорожном кафе, то мне вновь пришлось бы платить. Бен — архитектор, он хорошо зарабатывает и, разумеется, может себе позволить подобные траты, но Лиам никогда не был богачом. В общем, мы спустились в маленький подвальный ресторанчик, где нам были предложены свежий хлеб с холодными сырами и салями, кофе и свежие фрукты.

Бен выглядел неважно. Под глазами у него пролегли синяки, будто он не спал ночь, а кожа побледнела. Я обнаружила, что беспокоюсь о нем. У меня появился новый страх, что и он вот так же неожиданно, как Лиам, может умереть.

— Ты как? В порядке? — спросила я. — Ты выглядишь слегка...

— В порядке. Просто спал не очень хорошо, — ответил он, беря кофейник и наливая черный кофе в чашки себе и мне.

— Тоже мучают кошмары? — спросила я.

Он с минуту поколебался, но ответил.

— Да, и это объяснимо, с учетом обстоятельств.

— А твои о чем? — спросила я.

— Да, наверное, о том же, что и твои. Лебеди, рыцари, кости. Бессмысленные кошмары.

— У меня был один такой прошлой ночью. Лиам сказал мне одно слово. Лоэнгрин. Знаешь, что это значит?

— Это легенда о лебединых рыцарях и название оперы-сказки Рихарда Вагнера, — ответил Бен. — Король Людвиг в честь легенды назвал и свой замок Нойшванштайном — название переводится как «Новый лебединый камень (утёс)». Скорее всего, тебе как-то доводилось слышать об этом, поэтому название и приснилось тебе. Думаю, повлияли еще и бесконечные разговоры о рыцарях да лебедях.

— Ну да, наверное, — согласилась я, изо всех сил стараясь поверить в это. — Следовало ожидать.

После завтрака мы собрали вещи и, сев в арендованный автомобиль, выехали с отельной стоянки. На дворе стояло солнечное морозное утро. Всякий, кто обращал внимание на нас, наверняка принимал за влюбленную пару, которая решила провести выходные в Баварских Альпах. И вновь мне пришлось бороться с таким знакомым тягостным чувством тоски, когда Бен взял чемодан у меня из рук и убрал его в багажник. У нас обоих оказались немаленькие поклажи, так что ему пришлось еще потрудиться, чтобы уместить оба чемодана в багажнике.

Я наблюдала за его затылком, пока он, бормоча ругательства себе под нос, возился в багажнике, и думала, как это несправедливо, что Лиам умер, а Бен жив. Ведь Лиам умел наслаждаться жизнью, не то, что Бен. У него не было этих морщин вокруг глаз.

Он больше улыбался и смеялся. И был на два года моложе. Так почему Бен жив, а Лиам мертв? Где справедливость?

— Не закрывается, — сказал Бен, оглядываясь. — Забери это в салон.

Меня бросило в жар от чувства вины, когда он посмотрел на меня. Надеюсь, он не

понял, о чем я думала, и мне вдруг самой стало страшно от этих мыслей. Бен, конечно, не был моим фаворитом, но он тоже был любим, как и Лиам. Ни для кого не секрет, что родители любили больше Бена — думаю, это оттого, что в отличие от Лиамы, он ко всему подходил очень ответственно и серьезно. Да и еще, его же ждет дома невеста.

— А что думает обо всем этом Хайди? — выпалила я, совершенно забыв, что в прошлый раз он запретил мне касаться этой темы.

— Что? — спросил он, наконец, захлопнув крышку багажника.

Поздно уже было идти на попятный, поэтому я сказала:

— Твоя невеста. Что она думает о твоей погоне по свету за каким-то мистическим предметом, который нашел твой ныне покойный брат? И это в компании с его вдовой?

— Не думаю, что она очень рада.

— Ты её любишь? — Этот вопрос и меня застал врасплох, потому что только после того, как он слетел с моих губ, я поняла, что меня это волнует.

— Я бы не стал жениться на ней, если бы не любил, — ответил Бен, прежде чем обошел машину и сел на место водителя.

Голос Бена был спокойным, но я решила больше не лезть в эту тему, чтобы она не переросла в спор. Мне еще повезло, что мы сразу не начали грызться. Дорога до Нойшванштайна заняла три часа. Два первых часа мы ехали в тишине — нам просто не о чем было разговаривать. Хотя изредка мне нравилось, когда Бен открывал рот, ведь его голос был так похож на голос Лиамы, и тогда я чувствовала себя ближе к нему.

Спустя два часа мы заехали на заправку, чтобы пополнить бак и, к моему удивлению, Бен предложил зайти внутрь, выпить чашечку кофе, прежде чем тронуться дальше в путь. Я обрадовалась возможности размять ноги, поэтому мы припарковались и вошли в здание, которое оказалось светлым и чистым и источало аромат горячего супа. Я уселась возле окна с видом на шоссе, пока Бен стоял в очереди за нашими напитками. Через несколько минут, он подошел и поставил на стол поднос.

— Благодарю, — сказала я, когда он протянул мне бумажный стаканчик с напитком.

— Я взял для нас и вот это, — сказал он, разжимая ладонь и ставя на стол между нами две бутылочки «Егермейстера»^[10].

Я почувствовала комок в горле при виде двух бутылочек со знакомой этикеткой оленя. Когда я приезжала в Германию с Лиамом, он купил нам по точно такой же бутылочке. Погода стояла отвратительная, и они помогли нам согреться.

— Подумал, это поможет тебе согреться, — сказал Бен.

Я кивнула и, быстро поблагодарив, убрала свою бутылочку в карман, уже решив, что не буду её открывать. Я не хотела беречь рану ароматом напитка, ведь с ним было связано столько счастливых воспоминаний, а теперь осталась только горечь, потому что мой любимый мужчина, с которым я их делила, мертв. И вновь боль утраты сжала мне сердце, и я отвернулась к окну, зная, что рано или поздно она отпустит.

И тут меня удивил Бен, сказав:

— Извини меня, я вел себя как идиот. Неважно, что я чувствую, тебе наверняка в разы хуже. В общем, если я еще раз тебе нагрублю, скажи, чтобы я отвалил. И я... попробую вести себя получше.

Я оторвала взгляд от окна и посмотрела на него, чтобы понять, насколько он искренен, почти ожидая, что это такая завуалированная издевка, скрытое презрение. Но он и правда был искренен, и даже встревожен, боясь, что я приму в штыки его попытку наладить наши

отношения. И прежде, чем я что-либо успела сказать, он продолжил:

— Порой мне кажется невозможным вернуть былые отношения между нами... и мне невыносима эта мысль. Вот, почему я срываюсь на тебя, на родителей, на всех. Просто не могу сдержаться. И смириться не могу. Это слишком сложно. Поэтому, Жасмин, если по моей вине тебе еще тяжелее, то мне очень жаль. Прости меня.

— Спасибо, Бен, — ответила я. — Но думаю, мы оба хороши.

Он кивнул с видимым облегчением. Я тут же сменила тему, чтобы не ляпнуть чего лишнего и опять все не испортить:

— Расскажи мне о легенде Лоэнгрин.

— Это немецкая средневековая романтическая история, — ответил Бен. Теперь он выглядел более расслабленным. Сняв крышечку со своей чашки кофе, он продолжил: — Вагнер не первым изложил свою собственную версию этой истории, но основная завязка сюжета та же: появляется лодка с рыцарем, которую тянет лебедь. Рыцарь приходит на выручку деве, ложно обвиненной в убийстве собственного брата. Он предлагает ей помочь, но с одним условием — она никогда не должна спрашивать его имя. И еще оказывается, что её брат жив, но превращен в лебедя злым колдуном. Дева и рыцарь позже влюбляются и женятся, но в итоге, конечно, она задает запретный вопрос. Он говорит ей свое имя — Лоэнгрин, но как только она его узнает, рыцарь должен навсегда покинуть её. Она умирает с разбитым сердцем, когда он уплывает прочь. Это типичная опера — много смертей и ненужной тоски.

— А почему она не должна была знать его имя? — спросила я.

— Потому что рыцари-лебеди владеют некими волшебными силами, которые они черпают из Святого Грааля, но владеют они ими, пока никто не знает об их истинной природе. Поэтому, сказав свое имя, он раскрыл себя, что он — рыцарь Грааля, и тем самым раскрыл источник своей силы.

— И король Людвиг любил эту историю?

— Скорее был одержим. Похоже, он был очарован этой историей еще до того, как услышал оперу Вагнера. Проектируя Нойшванштайн, он думал о Лоэнгрине, украсив стены сценами из легенды. Кроме того, почти в каждой комнате есть лебеди. Ему хотелось, чтобы лебеди жили и на озере, и в гроте Хоэншвангау^[11].

— И черные лебеди на самом деле живут в этих замках?

— Нет.

— У тебя есть хоть какая-нибудь теория, почему они попадали мертвые с неба на похоронах Лиама?

— Нет, — снова сказал он. — Понятия не имею. Может быть, это просто какое-то странное природное явление, как все считают. Сложно поверить, что это происшествие имеет отношение ко всей истории.

— Ну да, наверное, — ответила я. — А ты уже бывал в Нойшванштайне?

— Я бывал в этой части Германии, — ответил Бен, — и видел замок в горах, но... внутри побывать не довелось... — Он дернул рукой и поднес её к голове. Его лицо перекошилось от боли.

— В чем дело?

— Ни в чем. Просто мигрень.

— Мигрень? — взвизгнула я. Одного этого слова было достаточно, чтобы напугать меня до чертиков.

— Жасмин, это всего лишь головная боль, — пробормотал Бен. — Мигрени у меня всегда были. Не о чем волноваться. Пошли, пора в дорогу.

Мы покинули заправку, сели в машину и продолжили наш путь уже не в такой тягостной тишине. Когда в поле зрения показались оба замка, Бен остановил машину на придорожной площадке, и мы вышли, чтобы осмотреть их. Шлосс^[12] Хоэншвангау стоял справа — приземистые, громоздкие крепости, окрашенные в желтый цвет, в окружении зеленых, заснеженных сосен на фоне горных вершин Альп. И шлосс Нойшванштайн слева от нас — высокие, белые шпили и башенки, упирающиеся в синее небо — завершённый сказочный дворец в истинном понимании этого слова, на фоне тех же альпийских красот. Отсюда мы не могли рассмотреть детали их декора, все-таки они находились слишком высоко. И, тем не менее, зрелище было поразительным.

— Нойшванштайн появляется в фильме «Пиф-паф, ой-ой-ой»^[13], — Бен прислонился к дверце машины, пока мы смотрели на замки. — И именно он вдохновил Уолта Диснея на его мультипликационные сказочные замки.

Неудивительно, что он напомнил мне иллюстрации Диснея.

— А где то самое озеро? — спросила я.

— За Хоэншвангау. Отсюда его не видно.

Он сел обратно в машину, и я последовала его примеру, ожидая, что мы двинемся дальше в путь. Но Бен просто сидел в тишине, вцепившись в руль.

— Так куда мы направляемся? — взяла я на себя инициативу.

— Нужно найти место, где можно переночевать, — сказал Бен. И голос его почему-то прозвучал как-то странно. — Можешь сесть за руль вместо меня?

— А что такое? — разволновалась я. Я никогда не водила машину в чужой стране. Автомобиль, конечно, застрахован, но от этого было не легче.

— Похоже, меня сейчас стошнит, — ответил Бен, рывком расстегивая ремень безопасности и шаря рукой по дверце, чтобы выскочить на улицу.

Я отстегнула ремень и, обойдя машину, встала перед ним.

— Ты случайно не болен? На тебе весь день лица нет. Что с тобой?

— Ничего страшного, — пробормотал Бен, не поднимая головы, продолжая стоять согнувшись. — Я не заразен.

— Тогда что с тобой? — я смутно осознавала, что страх заставляет мой голос звучать выше и злее, потому что на какое-то мгновение уже было приготовилась услышать его признание: «Я болен и скоро умру».

— Едой отравился, — ответил он, оперевшись на капот машины.

— Отравился едой?

— Да. Я прошлым вечером ходил в сосисочную... заметил одну... они были слегка недожаренными, но я все равно съел одну.

— Какого черта ты это сделал?

Он пожал плечами.

— Я был голоден.

— Как же это глупо.

Непонятно с чего вдруг, но я почувствовала раздражение по отношению к нему. Возможно, это было от того, что я, так или иначе, переживала за него, а возможно, от того, что мы теряли время, а может, меня выбесило, что он жрал в каком-то ресторане сосиски, в то время как сама я давилась в номере чипсами. Но что теперь поделать...

— Слушай, если бы это было отравление, то оно уже бы давно дало о себе знать, — хмуро констатировала я.

— Господи, да откуда мне знать! — раздраженно сказал он. — Может быть это вирус. Мне плевать, что конкретно вызвало мое состояние!

— Ладно, ладно! Голову только мне не отрывай! Как думаешь, сможешь вернуться в машину? Тебя не вырвет?

— Да, — пробормотал он, одаривая меня мрачным взглядом. — Но будь готова остановиться, как только я попрошу.

Уверенности его слова мне не прибавили, но выхода не было. Пока мы ехали, я выискивала глазами придорожную гостиницу. От Бена, сгорбившегося на пассажирском сиденье, проку никакого не было. Он уперся локтем в окно и подпирал ладонью голову, будто солнечный свет резал ему глаза. К счастью, скоро нам попалась маленькая гостиница с идеально выкрашенным фасадом и безукоризненно ухоженными цветочными горшками, которыми были заставлены все окна. Мы вошли внутрь, сняли два номера и поднялись наверх. И прежде чем Бен успел исчезнуть за дверью своего номера, я сказала:

— Я думаю сходить в Хоэншвангау.

Я была уверена, что он будет возражать, скажет, чтобы я подождала его выздоровления, и мы бы сходили туда вместе, но к моему удивлению, он только пожал плечами и ответил:

— Хорошо.

— Значит, ты не возражаешь? Тебе что-нибудь принести?

— Нет, спасибо.

А потом он исчез в комнате и закрыл за собой дверь. Его реакция озадачила меня. Мне казалось, что он очень хотел сюда попасть, словно ожидал что-то найти в одном из замков или на озере. Но теперь ему, похоже, было все равно, что я иду туда одна, наверное, он считал мой поход бессмысленным. Хотя, с другой стороны, может быть, он просто был очень болен. Как бы там ни было, я очень хотела увидеть эти замки и озеро без постороннего присутствия. На оба замка у меня сегодня времени не хватило бы, день клонился к закату, поэтому мне пришлось выбрать какой-то один. Я уже было развернулась, чтобы отправиться на прогулку, как услышала, что в комнате Бена что-то упало и разбилось.

— У тебя там все в порядке? — крикнула я ему из-за двери.

Какое-то время ответом мне была тишина, но потом Бен все же ответил сдавленным голосом:

— Сказал же, со мной все отлично. Оставь меня в покое.

— Да пожалуйста, — сказала я, вскидывая руки вверх и гадая, с чего я вообще за него переживаю, и зашагала вниз по коридору.

Глава 10

Хоэншвангау

Я припарковала машину на автостоянке, а затем поднялась на холм к замку. Издалека Хоэншвангау очень сильно проигрывал Нойшванштайну. Он не мог конкурировать своей приземистой архитектурой с высоким и стройным строением. Но при ближайшем рассмотрении, Хоэншвангау оказался очень красивым, к тому же замок находился в совершенно уникальной обстановке.

Экскурсовод объяснил, что Людвиг жил здесь во время строительства Нойшванштайна — наблюдая за прогрессом с другой стороны горы и с нетерпением ожидая того дня, когда он сможет, наконец, въехать. Поговаривали, что он обанкротил страну этими замками, но на самом деле он заплатил за них из собственного кармана. И ирония заключалась в том, что сейчас они привлекали больше денег, чем любая другая достопримечательность в Баварии.

Строительные работы по возведению Нойшванштайна начались, когда Людвигу исполнилось двадцать четыре, но въехать в замок мечты он смог только спустя пятнадцать лет. Хотя и тогда его еще не достроили. В возрасте тридцати девяти лет он полностью отдалился от политики и уехал из Мюнхена, разочаровавшись в его убогости, чтобы провести отведенные ему два года жизни в своих любимых замках в горах, где стены покрывали картины из немецких мифов и легенд, а в обстановке присутствовали только величественные и прекрасные вещи, отвечавшие его вкусу. В то же время усугубились его политические проблемы, а также и его застенчивость, поэтому он путешествовал только под покровом ночи в своих санях. Это эксцентричное поведение легко позволило баварскому правительству объявить его безумным, когда они решили избавиться от него. Была создана медицинская комиссия, которая однажды ночью вломилась в Нойшванштайн и забрала его в шлосс Берг^[14]. Людвиг больше никогда не увидел свой замок, потому что следующим вечером был найден мертвым на озере Штарнберг вместе со своим доктором.

Крепость была богато украшена внутри, хотя некоторые комнаты, против моих ожиданий, оказались меньше и уютнее. В них присутствовали семейные фотографии Людвига, а также его родителей и брата.

Стены были расписаны многочисленными сценами из легенд и немецких сказок — особенно мне понравились Зал Рыцаря-Лебедя и Зал Героев. Добавьте к этому красивейшие пейзажи, которые можно было увидеть из каждого окна, снег, покрывающий сосны, и белые горные шапки на фоне синего неба — и можно без труда представить всю сюрреалистичность жизни здесь. Меня не покидало чувство, что я очутилась в сказке.

Даже воздух другой. Чистый, свежий, сладкий. Я таким никогда не дышала. Я всегда предпочитала сельскую местность городам, потому симпатизировала Людвигу в его желании остаться здесь, в этом невероятном месте, где царили тишина, покой и умиротворение, в отличие от Мюнхенского двора. Как человек, который также жаждал иногда уединения, я понимала, почему это место так притягивало молодого короля — застенчивого мечтателя, не любившего притворного заискивания и мелкой политической грызни в столице. Да я бы сама умоляла всех и каждого ехать в Баварию, чтобы полюбоваться Хоэншвангау и Нойшванштайном в Альпах, нельзя лишать себя такой красоты. Как по мне — безумием было бы желание короля остаться в Мюнхене вместо этих

замков, а не наоборот.

К тому времени, как экскурсия по замку закончилась, уже стемнело, поэтому озеро я решила оставить на другой день. Тропа, ведущая вниз, была не очень хорошо освещена... и я почувствовала себя неуютно без Бена. Сейчас было не время идти на то место, где с Эдрианом случилось то, о чем он рассказал. Поэтому я вернулась в гостиницу.

Я поужинала в ресторане в одиночестве, потому что Бену все еще нездоровилось, и он остался у себя. Когда я вернулась в номер, было относительно рано — десять вечера — поэтому я воткнула наушники в скрипку и пару часов играла. Вскоре мне стало жарко, от быстрой игры всегда бросает в жар, поэтому я открыла окно, чтобы проветрить комнату. На самом деле мне очень хотелось выйти на улицу и поиграть там, но, я подумала, что это выглядело бы очень странно, поэтому осталась в номере.

Наконец, я отложила скрипку, убрала её в футляр и легла спать. Мы не договаривались с Беном, во сколько встретимся утром, но я поставила будильник на восемь, так что если он проснется раньше, то просто постучит в дверь.

Я улеглась спать около полуночи и проснулась три часа спустя, потому что замерзла. Я любила спать при открытых окнах, но на улице было слишком холодно, чтобы оставлять окно открытым на всю ночь, поэтому я выбралась из постели, чтобы закрыть его. Окна номера выходили на стоянку, и я обратила внимание, что она вся в снегу. Должно быть, он шел уже не первый час, потому что на машинах появились небольшие снежные шапки.

Я отвернулась, собравшись было вернуться в теплую кровать, но у меня перед глазами все еще стоял образ парковки. Я снова повернулась к окну. В свете фонаря мне были видны пять машин.

Машины Бена среди них не было.

Я отчетливо помнила, что припарковалась рядом с фонарным столбом, когда вернулась из Хоэншвангау этим вечером, но сейчас машины на месте не было. Машина исчезла, и её следы уже припорошил снег. Я стояла и пялилась на стоянку, слабо веря в то, что машину кто-то угнал. Я напрягла мозг, соображая, не забыла ли я её запереть, но тщетно. Так и не вспомнила. Я хотела уже пойти будить Бена, но потом передумала. Машина и утром будет угнанной, так что незачем его сейчас беспокоить. Пусть начнет беситься завтра с утра по этому поводу. Хорошо еще, что мы забрали из неё наш багаж, а то весело бы нам пришлось, лишись мы паспортов и денег.

Я вздохнула и собралась уж было лечь, как к гостинице подъехала машина. Я была очень удивлена этому факту, все-таки часы показывали всего три утра.

А потом я поняла, что эта машина уж больно похожа на ту, что мы взяли напрокат, и на долю секунды мне показалось, что угонщик, накатавшись, просто решил её вернуть. Но, когда она встала на то место, куда ставила её я еще несколько часов назад, я отмела эту мысль. Водитель выключил фары, заглушил двигатель и вышел из машины. Это был Бен.

Я изумленно наблюдала, как он зашел в гостиницу. Конечно, я знала, что у него были ключи от машины, но мне просто не приходило в голову, что Бен, который весь день плохо себя чувствовал, мог сорваться куда-нибудь вот так, посреди ночи.

Я раздумывала над мыслью, не подняться ли мне к нему в номер и не поинтересоваться ли, куда это он ездил, но потом отказалась от этой идеи. Наверняка этому было какое-то разумное объяснение. Возможно, он просто пошел подышать воздухом... Да и в коридоре было холодно и темно, а я устала. Уже поздно, а новая загадка может подождать до утра.

Когда в половине девятого утра Бен постучал в мою дверь, я уже встала и оделась.

— Жасмин, я иду завтракать, — сказал он.

Я подошла к двери и открыла ее, но он уже шагнул прочь по коридору, и мне пришлось поторопиться, чтобы догнать его.

— Что за спешка?

— Я голоден, — бросил он. — Я почти ничего не ел вчера.

— Сегодня ты выглядишь лучше.

На самом деле, я была озадачена тем, насколько лучше он выглядел по сравнению со своим вчерашним состоянием. Он не казался ни уставшим, ни измученным. Хотя это было странно для человека, который проболел весь день и, скорее всего, полночи накануне.

Когда мы уселись за столик с тарелками, полными хлеба, салатами и сыра, я ждала, что Бен расскажет, куда он ездил ночью, но он лишь спросил:

— Как твой визит в Хоэншвангау?

Я опешила и, хмуро посмотрев на него, сказала:

— Довольно интересно, но не особо продуктивно.

Он рассеянно кивнул, похоже, едва слушая меня, сооружая бутерброды и поглощая их. Через несколько минут он поднял глаза и увидел, что я таращусь на него.

— Что? — спросил он.

— Ничего, — ответила я, взяв ломтик хлеба и намазывая на него сыр, что дало мне время подумать. — Хорошо поспал?

— Да. Очень удобная кровать, согласна?

— Не то слово, — ответила я, сощурившись, понимая, что он больше ничего не собирается мне говорить о том, где был прошлой ночью, усилив тем самым мои подозрения.

— Снег ночью шел, да? — подтолкнула я его, давая последний шанс, рассказать, куда он ездил в три часа ночи.

— Серьезно? — спросил он, наливая себе еще кофе. — Не заметил.

И тогда я поняла, что Бен не просто избегает говорить мне правду — он мне нагло врет. Он точно знал, что шел снег, потому что выходил на улицу.

— Ну, хорошо. — Я оттолкнула тарелку. — Куда ты ездил ночью?

— Что? — спросил Бен, даже не соизволив поднять глаза и продолжая пялиться на свой бутерброд на тарелке.

— Я проснулась посреди ночи и встала, чтобы закрыть окно. Нашей машины не оказалось на месте.

— Что значит, не оказалось на месте? — спросил Бен, хмуря брови.

— То и значит. Я подумала, что её угнали.

— Да тебе, наверное, приснилось просто, — небрежно возразил Бен. — Машина на месте.

— Я знаю, что она сейчас на месте! — рявкнула я. — Я видела, как ты приехал на ней.

Бен медленно опустил свой бутерброд на тарелку, и на какое-то мгновение я подумала, что сейчас он начнет все отрицать, но вместо этого он покачал головой и произнес:

— Ну, хорошо. Я и правда ночью брал машину.

— И куда ты ездил? — требовательно спросила я. Тот факт, что он соврал, да еще так нагло, вывел меня из себя, кроме того, это означало, что мне совершенно точно не понравится то, где он был.

— Я... ездил до Нойшванштайна, — неохотно сознался Бен, передернув плечами, словно капризный ребенок, которого застали за проказой. — Думал, может, сани появятся.

Успокоилась?

— А зачем надо было красться посреди ночи? И почему ты не сказал мне, что собираешься туда съездить?

— Решил, что ты, как всякий нормальный человек, будешь уже спать. И никуда я не крался.

— Но какого черта ты соврал об этом сегодня утром? — упорствовала я.

Бен промолчал, и я практически видела, как извилины его мозга сочиняли объяснение.

— Потому что знал, ты выйдешь из себя! — рявкнул он наконец.

У меня засосало под ложечкой. Еще вчера я думала, что Бен потеплел по отношению ко мне, но сегодня стало понятно, что Бен знал больше, но намеренно не стал рассказывать все.

— Я думала, мы решили быть честными друг с другом! — гневно воскликнула я. — Но ты продолжаешь что-то скрывать от меня, ведь так, ублюдок?

Понимание этого наполнило меня гневом, не говоря уже о страхе. Сколько ждет меня еще новостей и неприглядной правды? Да я просто тупо завидую другим вдовам, которые могут сосредоточиться на трауре, скорби и исцелении. Мне теперь это кажется недостижимой роскошью. И впервые я была зла не только на Бена, но и на Лиаму. Ведь вся эта ситуация сложилась по его вине, это именно он хранил от меня секреты, прятал какие-то вещи и лгал. Конечно, он не знал, что умрет, и поэтому не мог предвидеть — во что мне придется погрязнуть. Но теперь из всех людей на планете я зависела именно от Бена, который располагал информацией и ответами на вопросы о моем муже — человеке, которого я знала как никто. Это было невыносимо.

Бен, определенно, тоже считал ситуацию неприятной и очевидно негодовал, что был пойман на лжи.

— Жасмин, пойми, я в безвыходной ситуации. Ты была его женой и есть вещи, которые я просто не могу тебе рассказать о нем, — раздраженно сказал он.

— Какие, например? — Его слова меня очень удивили. — Почему так имеет значение то, что я была его женой?

— Потому что ты видела его в ином свете, в отличие от всех остальных! Ты любила его, как никто другой! И я не хочу говорить ничего, что могло бы... могло бы тебя ранить.

— Не смей меня! От твоих слов он не станет мертвее. Я хочу, чтобы ты рассказал мне все, что утаил, и немедленно!

Как бы мне хотелось и самой иметь козырной туз на руках, но у меня не было никаких рычагов давления на Бена. И он это знал. Если он не хотел мне ничего рассказывать, то и мне его было не заставить.

— Я даже не уверен, правда ли это, — сказал он угрюмо и поднял правую руку, чтобы помассировать левое плечо, будто оно саднило. — Это слова Джексона про Лиаму.

— Ну так расскажи мне, и я решу, правда это или нет.

Бен неохотно встретился со мною взглядом.

— Не думаю.

— Рассказывай, — сказала я сквозь зубы.

— Ладно, как скажешь, — сказал он, разводя руками. — Но не говори потом, что я не пыталась этого избежать. Джексон сказал мне... что у Лиама была другая женщина, где-то здесь, недалеко от Нойшванштайна.

Я молча таращилась на Бена какое-то время, а потом разразилась смехом. На самом деле я испытала облегчение — Бен знал о моем муже не больше моего. Я помотала головой.

— У Лиамы не было женщины ни здесь, в Германии, ни где-либо еще.

Бен вздохнул.

— Почему ты так уверена? — задал он вопрос тихим голосом, неловко теребя бутерброд на тарелке.

Я улыбнулась.

— Лиам бы никогда не обманул меня, и что бы ты мне ни сказал, это не поколеблет мою веру в него, никогда.

— Но дело в том, что ты можешь просто не знать этого. Вы половину вашей совместной жизни провели в разных странах.

— Слушай, если кто-то скажет, что Хайди неверна тебе, ты в это поверишь?

Бен посмотрел на меня.

— Может быть. Она изменяла и раньше.

Я покраснела.

— Ой, прости. Но... тогда... почему ты все еще хочешь жениться на ней?

Бен, чтобы не смотреть мне в глаза, отвернулся к окну.

— Я не виню её за то, что было, — сказал он бесцветным тоном. — Кроме того, наверное, и я был не до конца верен ей.

Я вздохнула и сказала:

— Что ж... мне жаль. Но... мы с Лиамом не такие. Я знаю, что он любил меня. И если он врал мне, то на это наверняка была причина.

— Пожалуй, ты права, — сказал Бен. — Но признай, что наличие женщины кое-что проясняет. Это может объяснить, почему он тайком от тебя летал в Германию и почему лгал о том, где был.

— Но это не объясняет его поездку в Париж, — заметила я. — Или у него и там была любовница?

Бен пожал плечами.

— Может, он возил туда свою немку.

— Нет. Роман на стороне ничего не объясняет. В интрижке нет ничего сверхъестественного. Она не объясняет, почему на его похоронах с неба попадали мертвые птицы, и ту лошадь на «Королеве Мэри», или кости и розу... — я осеклась, подбирая выражение. — Это так типично, заподозрить кого-то в измене, при этом, не имея ни единого доказательства.

Бен опять пожал плечами.

— Я считаю, что у Лиамы была, по крайней мере, одна любовница, по той простой причине, что он был из тех, кто всегда хотел того, чего не мог иметь.

Я недоверчиво уставилась на него.

— Он же был твоим братом. Как такое возможно, что ты настолько плохо его знал?

— Если есть женщина, — продолжал Бен упрямо, — тогда мы должны найти ее. Она может знать больше о том, что Лиам здесь делал. Он доверял ей. Когда он бывал в Эплау, то останавливался в гостинице неподалеку отсюда, всего в нескольких минутах езды на машине. Здешние гостиницы маленькие и, как правило, являются семейным бизнесом, так что они, скорее всего, помнят его, особенно, если он не раз останавливался у них. И они скажут нам, была ли с ним женщина или...

Он не договорил, потому что я наградила его пощечиной. Предполагать наличие любовницы — это одно, но говорить так, будто она действительно существовала... Я была

слишком зла, чтобы продолжать выслушивать этот бред.

— Не говори о нем так, как будто... как будто он был ничем не лучше... чем...

— Чем я? — предположил Бен, прикладывая ладонь к покрасневшей щеке.

— Да! — огрызнулась я. — Прости за резкость, но это правда. Он был куда лучше тебя, Бен! Не знаю, что за проблемы у тебя там с невестой, но Лиам и я были всецело верны друг другу с самого начала.

— Ну, как бы то ни было, — сказал Бен спокойно, — теперь ты понимаешь, почему я не могу говорить об этих вещах с тобой. Если в мой коварный мозг прокрадется еще какая-нибудь подозрительная мысль, я просто оставлю её при себе, договорились?

Я хотела, чтобы Бен поделился всем, что знал, пусть это и всего лишь подозрения, но если они были подобного толка, тогда пускай и правда держит их при себе. Знай он своего брата, никогда бы не заподозрил его в измене. Печально все это. Но Бен не видел и даже не разговаривал с ним целых десять месяцев.

Так по какому праву он мог судить о нашей совместной жизни, и о том, как мы её строили?

— Ты его не знал, — зло сказала я.

— Один из нас точно его не знал, — спокойно ответил он и пожал плечами.

— И я того же мнения. Вот, значит, как ты собираешься провести сегодняшний день, в поисках мифической любовницы? — ледяным тоном спросила я.

— Именно, а ночью я хочу съездить в Нойшванштайн, так что если ты хочешь поехать сегодня со мной, то будь в одиннадцать в гостинице.

И не дожидаясь моего ответа, он резко отодвинул стул и вылетел из ресторана. Я вернулась в свою комнату, схватила сумку и пальто, а затем поднялась наверх, но замерла возле двери Бена, стоило мне к ней подойти. Я собиралась спросить, как нам быть с машиной. У нас у обоих были ключи, но очевидно, что день мы планировали провести в разных местах. Я занесла руку, чтобы постучать, но засомневалась. Он же архитектор, не бедствует. И это именно он загнал наши отношения в тупик. Так почему я должна просить его одолжить мне машину? Тем более, что у меня есть ключи.

Я опустила руку и отвернулась от двери, решив, кто успел, тот и съел. Я была одета и готова идти, а Бен, похоже, в дурном настроении разносил свой номер на куски.

Поэтому я пошла прямо к машине и уехала в сторону Нойшванштайна, прежде чем Бен смог меня опередить. А бродить по ближайшим гостиницам он мог и на своих двоих. Удачи.

Глава 11

Лукас

Замок находился всего в десяти минутах езды от отеля. Я припарковала машину на стоянке, на полпути вверх на гору и встала перед выбором: пешком или в конном экипаже добираться до вершины. Я решила прогуляться, так как утро было холодным, а мне хотелось согреться. Кроме того, я не могла себе позволить такую роскошь, как карета.

Нойшванштайн был столь же прекрасен вблизи, как и издали. Он и правда очень походил на сказочный замок, с этими его высокими шпилями и белой кладкой стен, в окружении сосен, одетых в белые снежные шапки.

Я присоединилась к экскурсии на английском языке, которая только началась, и мы прошли по богато обставленным комнатам, слушая гида, который рассказывал о Людвиге и его жизни. Как и говорил Бен, лебединые мотивы встречались в замке повсюду. Я заметила птиц в картинах, тканях, скульптурах и даже на вазах с цветами.

Одной из многих великих тайн жизни Людвига был вопрос о том, почему он так и не женился, превратившись в нелюдимого холостяка. Однажды он был близок с девушкой, рассказывал нам экскурсовод, когда мы остановились в спальне Людвига, выполненной в неоготическом стиле, с мебелью, вырезанной из ценной породы дуба. Стены изобиловали картинами, а потолок украшала золотая люстра.

Гид обратила наше внимание на фотографию Людвига вместе с его кузиной, принцессой Софи Шарлоттой Баварской, с которой он обручился, когда ему исполнился двадцать один год. Была назначена дата свадьбы, монетный двор специально по этому случаю отчеканил золотые монеты, когда Людвиг неожиданно, без объявления каких-либо причин просто отменил свадьбу. Больше он никогда не заговаривал о браке, и никто так и не узнал, чем была вызвана перемена его сердца. Его решение явно не было связано с Софи. Принцесса была необыкновенно красива, и именно это привело к слухам о том, что Людвиг был геем, и что именно поэтому он никогда не был женат. Один американский турист рядом со мной очень авторитетно заявил, что Людвиг определенно был геем, внезапно, это скандальное предположение мне показалось довольно вульгарным.

Гид подлила масла в огонь, сказав, что именно в этой комнате короля объявили сумасшедшим и сместили с трона, хотя не было еще никакого медицинского освидетельствования. Приближенные любили своего короля — некоторые пытались защитить его и предотвратить отречение от престола. Но он сказал, что готов уступить свое место и уехать туда, куда скажет комиссия. Даже сегодня, по словам гида, короля в Баварии ласково именовали Кини... Я опешила, услышав это имя. Впервые я слышала его в конюшне бабушки и дедушки. Так звали коня Люка.

Гид рассказала нам, что Нойшванштайн остался именно таким, каким Людвиг видел его в последний раз, сказав одному из доверенных слуг напоследок: «Пожалуйста, храните эти комнаты для меня, как святыню. Не позволяйте им быть оскверненными любопытством, потому что мне пришлось пережить самые горькие часы моей жизни здесь!»

А потом она добавила с улыбкой, что каждый год этот замок посещает не одна тысяча туристов. Все рассмеялись, но я почувствовала себя неуютно, когда мы продолжили наш путь по залам — словно вторгаясь в чужой дом, который был когда-то дорог чьему-то сердцу.

Так грустно было думать о том, что Людвигу удалось так мало пожить в Нойшванштайне, прежде чем его насильственно увезли в Брегг, в озере которого он и погиб. За много миль от любимого дома. Гид рассказала нам, что, даже будучи подростком, Людвиг относился к своим королевским обязательствам очень серьезно, но быстро понял, что идеала монархии, к которому он стремился, в девятнадцатом веке в Германии просто не существовало. Что он не более, чем марионетка, у которой нет никаких прав на себя. Именно поэтому он удалился в свои замки в горах, чтобы его оставили наконец в покое.

Когда экскурсия закончилась, я с радостью вышла на свежий горный воздух. Я стояла на веранде и смотрела в направлении горизонта на Тирольские горы^[15], под которыми раскинулось озеро Альпзее, в конце короткой дорожки с рассадником милых домиков. Возможно, мои проблемы сделали меня чрезмерно чувствительной к подобным вещам, но мне не нравились спекуляции, а уж тем более слухи, основывающиеся только на том, что человек, которого вы даже не знали, просто любил одиночество. Возможно, истина была в том, что он просто не встретил подходящего человека, и именно поэтому остался в одиночестве. Я раздумывала, что хуже: жить абсолютно уединенной жизнью, как Людвиг, или встретить кого-то действительно особенного, кто не смог остаться с вами...

Дальше откладывать было некуда, я решила отправиться к озеру. Гравий хрустел под моими ногами, когда я шагала вниз, вдыхая вкусный свежий воздух, облачка пара моего дыхания парили передо мной. Не знаю почему, но я ощущала какой-то дискомфорт, словно чувствовала, что увижу что-то из ряда вон. Я, конечно, не ожидала, что встречу заколдованных лебедей, или вдруг рыцари начнут расхаживать по водной глади... И все же, и все же... меня не покидало чувство страха...

Я заставила себя не тянуть резину и отправиться, не сбавляя темпа, к озеру. Спустившись к нему, я остановилась на берегу, наблюдая за гладкой, неподвижной поверхностью воды. Озеро окружали высокие сосны и горы, укутанные снегом. Справа от меня высился Хоэншвангау. Казалось, на озере нет никаких лебедей, и мне вдруг подумалось, что Лиам вообще не был в этом месте, не говоря уже о том, что они с Эдрианом Холсбахом, пробрались сюда под покровом ночи, и с ними произошли все те события, которые он описал. Я вообще не чувствовала здесь близости к Лиаму. Я не могла представить, как он рыскал тут по берегу в поисках волшебных лебедей.

Я вдруг почувствовала, что если бы он меня видел и знал, почему я здесь, то посмеялся бы над абсурдностью происходящего и рассказами Бена, и что я в них поверила... Хотя, может, он и не стал бы смеяться, а рассердился бы на меня за то, что я послушалась Бена — человека, с которым по неизвестной причине он порвал отношения почти год назад...

Тут я заметила белые силуэты на воде и узнала в них пару лебедей, плывших по озеру. Они были прекрасны и величественны, как и всякий лебедь, которого я когда-либо видела. Но они совсем не производили впечатление волшебных, и само предположение этого сейчас казалось абсурдным. Я шагнула к кромке воды и присела, чтобы окунуть пальцы в озеро. Через мгновение я выпрямилась, отдернув руку, так и не замочив её. Когда я посмотрела на лебедей, то осознала, что последний раз видела лебедей в день смерти Лиамы. От воспоминания мне стало нехорошо, и я вдруг обнаружила, что хочу уйти отсюда.

Я отвернулась, но замерла на месте, потому что увидела в конце дороги человека. Он преграждал мне путь. И вновь, на что я обратила внимание в первую очередь, — Люк был очень высоким. Лиам был высоким, как и Бен, но Люк так, вообще, казался каланчой. Мне было не понятно, как я могла его не слышать. Как бы осторожно он ни шагал, дорожка была

из гравия, и я бы все равно услышала хоть какое-то движение. А еще я осознала тот факт, что кроме нас двоих тут больше никого нет.

— Тебе правда не стоит трогать воду, ты же не знаешь, что там, — сказал он, наконец нарушив тишину.

— Кто ты? — требовательно спросила я, обретя дар речи и сосредоточившись на том, чтобы не сделать произвольного шага назад и не показать тем самым, что мне страшно.

— А ты разве меня не помнишь? — спросил он, улыбаясь одним уголком рта. — Мы же встречались совсем недавно.

— Я знаю, что ты не конюх! — прорычала я. — Может тебя и зовут не Люк?

— Почти. Лукас. Извини за вранье. Я только хотел познакомиться с тобой, и все. Я не хотел причинять беспокойства ни тебе, ни твоим бабушке с дедушкой.

— Как ты меня нашел? — с напором спросила я, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Он знал, где живут мои бабушка и дедушка.

— Кини подсказал мне, где ты, — весело ответил Лукас, пряча руки в карманах. — Он хорош в поиске людей.

— Зачем ты здесь? — спросила я, внутренне сжавшись, испугавшись, что он следовал за мной по всей Германии.

— Ты только не бойся, — быстро сказал он. — Я пришел, чтобы рассказать тебе кое-что о... о Лиаме и предмете, который он взял.

— Ты знал Лиаму?

— Да, я знал его, — ответил Лукас. — Не могу сказать, что очень ему симпатизировал, но сочувствую твоей утрате.

— Откуда ты его знал? — спросила я резким голосом. Я не знала, да и мне, в общем-то, было все равно, почему этому, незнакомому мне человеку не нравился Лиама, к тому же я была склонна считать, что дело было в характере самого Лукаса, а Лиама, как таковой, был тут не причем.

— Я познакомился с ним здесь, конечно, — сказал Лукас, неопределенно махнув рукой, чтобы охватить Нойшванштайн и окрестности. — Боюсь, у нас возникло... некоторое недопонимание. Мелочь. Но сейчас это неважно. Все, что меня волнует — это предмет, который он забрал.

— И ты его ищешь?

— Не то чтобы... но хочу его отыскать. Прежде, чем это сделает Джексон.

— Зачем тебе... — сказала я и осеклась.

— Извини, но сейчас и правда не время. Я должен тебе кое-что сказать.

Я ожидала, что он скажет что-то про Лиаму или Джексона, ну, может, Бена, или про загадочный предмет, который забрал мой муж, поэтому не на шутку удивилась, когда услышала:

— Знаешь, почему король Людвиг отменил свадьбу с принцессой Софи в последний момент?

Вопрос казался настолько нелепым и несвоевременным, что мне потребовалось время, чтобы сообразить, о чем он говорит и, подняв на него взгляд, пожать плечами.

— Он был влюблен в другого человека, — ответил Лукас.

— В мужчину? — спросила я, вспоминая слова гида о том, что Людвиг, скорее всего, был геем.

— Нет. В лебедя. Заколдованного. Ты же, наверняка, видела «Лебединое озеро». Лебеди

днем — женщина ночью. Людвиг никогда бы не узнал, если бы не любил спускаться к озеру посреди ночи. И потому увидел их в человеческом обличье. Но проблема заключалась в том, что лебедям и людям не позволено влюбляться друг в друга. Это одно из Древних Правил и рыцари по-прежнему ему следуют, даже сейчас. Видишь ли, они рьяные сторонники правил, и неважно, есть ли в них смысл, или нет. Посему Людвигу не дозволялось быть вместе с его «царевной-лебедью». Он пытался жениться на человеческой женщине, но отменил свадьбу, потому что, будучи романтиком, считал, что брак должен заключаться по любви. Рыцари запрещали им видаться друг с другом, но она пела, чтобы он знал, где ее найти. Поэтому они отняли у неё голос и сделали немой. Лебединая песня обладает сильными чарами. Вот что вывалилось из саней. Вот что нашел твой муж.

— Разве можно найти голос лебедя? — спросила я. — К голосу ведь даже нельзя прикоснуться!

— Но это был именно голос, — ответил Лукас. — Он может принять любую форму, какую захочешь. Я слышал, что когда он нашел голос, тот выглядел как тиара, но Лиам мог изменить этот облик. Теперь голос может выглядеть как угодно. Ты понимаешь, почему столько людей ищут его? Он вроде волшебной палочки или посоха колдуна. Лебединой песней можно зачаровать кого угодно. Вот почему она так опасна. Вот почему она никогда не должна попасть не в те руки.

Я повернула голову, чтобы взглянуть на двух лебедей на озере, но мой разум просто не мог принять, что ночью они становились чем-то иным, нежели обычные птицы.

— Ты мне не веришь, да? — спросил Лукас.

— Я тебя не знаю, — ответила я. — Я не знаю, кто ты есть и откуда ты взялся, и как ты связан с этим делом. Поэтому я буду просто идиоткой, если приму твои слова за чистую монету, без доказательств.

— Джексон знает, что это такое — он знает уже давно и тоже ищет. Ты должна найти её раньше него. И тебе нужно держаться поближе к Бену. Джексон вернется, если ему придет в голову, будто ты знаешь, где лебединая песня, — если он уже не здесь.

— Я совершенно не представляю, где может находиться эта песня, или как там эта штука называется, — сказала я, выйдя из себя. — Не понимаю, почему люди вокруг продолжают утверждать, что это не так. Лиам ничего мне не рассказывал, и я последний человек, кто сможет найти её.

— А вот это неправда, — спокойно возразил Лукас. — На самом деле, это полная противоположность правде. Возможно, только ты и сможешь найти лебединую песню теперь, когда Лиам мертв.

— Если бы он хотел что-то спрятать, — заметила я, — он бы отнес это на хранение в банк. Разве это не очевидно?

— Она не в банке, — уверенно сказал Лукас.

— Откуда тебе знать?

— Ну, во-первых, Лиам не хотел, чтобы еще кто-нибудь видел лебединую песню, и неважно, воплощением чего та была. Он был параноиком и боялся, что её выкрадут. Но, что важнее, он наверняка спрятал её там, где точно по ночам не будет ни одной души.

— Почему?

— Потому что лебединая песня просыпается и звучит. Не всегда, но иногда такое случается. И если кто-то её услышит, то сможет найти.

— Ну, тогда, скорее всего, она где-то в горах, и тогда я точно её не найду!

— О нет, я уверен, что он спрятал её где-то в доступном месте. На случай, если она ему понадобится, чтобы он мог быстро её оттуда забрать. Может быть, она не в Англии — на самом деле, скорее всего, она не там — но не думаю, что где-то далеко. И до неё не сложно добраться.

— Тут что-то не сходится, она должна быть довольно далеко, чтобы её никто не слышал по ночам, но при этом ты говоришь, что она где-то недалеко, — заметила я.

— Да, я понимаю, почему ты так подумала, — сказал Лукас вкрадчиво, блеснув глазами. — Но твой муж был умным в этом смысле. Я не сомневаюсь, что он нашел идеальный тайник. Если ты хочешь добраться до лебединой песни раньше Джексона — и поверь мне, ты этого хочешь — то с наступлением темноты тебе нужно вернуться в Нойшванштайн. — Он махнул рукой через плечо, в сторону белых шпилей замка. — У меня есть сильное подозрение, что эта поездка окажется очень полезной. И не откладывай — приходи сегодня. Ты себе пока просто не представляешь, насколько важно, чтобы ты первая добралась до лебединой песни. Если ты не веришь тому, что я рассказал тебе про короля Людвига — и не надо, но поверь мне, если ты первая не найдешь как можно раньше лебединую песню, то еще кого-то потеряешь.

— Кого? — испугалась я.

— Я не знаю, где она спрятана... но, если ты вернешься сюда вечером, то, наверное, у тебя возникнет какая-то дельная мысль...

— Кого еще я могу потерять? — снова спросила я. Я, конечно, не придавала значения всему тому, что он сказал, но если он хотел меня напугать, то преуспел в этом. Со смертью было сложнее иметь дело, чем я себе представляла. Потому что она была окончательной и бесповоротной, и мне совершенно не хотелось в столь молодом возрасте столкнуться с ней еще раз... Единственное, что утешало: мой любимый уже умер — случившись раз, такое не повторится.

Но у меня осталось еще много близких людей...

Я тряхнула головой, чтобы собраться с мыслями. В словах Лукаса не было никакого смысла. У моей семьи все хорошо, она в добром здравии в Англии. Кроме того, я вообще не представляла как это возможно — украсть лебединую песню и, скорее всего, наговорил он мне это бред, чтобы напугать меня...

— Это правда, — сказал Лукас. Он почему-то вдруг разволновался, и выражение его лица заставило меня нервничать. Он сделал шаг вперед и тем самым загнал меня в ловушку, сделай я шаг назад — окажусь в воде. — Слушай, — сказал он тихо, беря меня под локоть, чтобы я не дала деру. — Я не хочу говорить слишком много. Ты не поверишь мне. Но... что-то поистине... — он умолк, подбирая слова, а потом тряхнул головой и продолжил: — Что-то поистине злое произошло здесь. Что-то такое, чего ты не сможешь осознать. Ты думаешь, что тебе сейчас больно, ты вдова со всеми вытекающими, но, поверь мне, ты даже половины не знаешь. Это хуже, гораздо хуже, чем ты думаешь...

Я выдернула локоть. У меня и так был мороз по коже от того, как он на меня смотрел, не говоря уже о том, что он говорил.

— Тебе явно не приходилось терять любовь своей жизни, — ледяным тоном сказала я. — Нет ничего больнее этого.

Я прошла мимо него к тропинке, которая вела обратно к замку. Мне было неудобно, еще до того, как он схватил меня за руку, но теперь мне совсем стало не по себе, от осознания того факта, что здесь, на озере я была один на один с человеком, который последовал за

мной из Англии в Германию. Нужно как можно скорее вернуться к другим людям. Это будет разумно.

Но Лукас вдруг сказал мне нечто, что заставило меня остановиться.

— Ты уже потеряла кое-что. То, о чем и не подозреваешь.

Мой разум тут же очнулся от грез о лебедях, чтобы испытать это странное, необъяснимое чувство потери. И эта потеря была связана не с Лиамом. Словно я что-то потеряла, но не могла вспомнить, что именно...

— Ты же чувствуешь это, не правда ли? — сказал Лукас, когда я обернулась. Он все понял по выражению моего лица.

— Что еще я потеряла? — сорвался вопрос с моих губ. Я слышала страх в своем голосе и отчаянно пыталась выяснить, что это, и избавиться от ужасного ощущения. Это было сродни тому, словно ты забыл сделать что-то очень важное, но не имеешь ни малейшего представления, что это такое. — Что это? — снова спросила я, но Лукас не ответил, а лишь стоял и смотрел на меня со странным выражением на лице. — Ты знаешь?

— Если ты хочешь это узнать, — сказал наконец Лукас, — найди лебединую песню. Это все, что я могу сказать, и если ты найдешь её достаточно быстро, то вновь обретешь то, что потеряла. На это у тебя осталось не так уж много времени, Жасмин. Если же ты её не найдешь... или Джексон доберется до неё первым, дальше будет еще хуже, чем есть сейчас.

— Откуда ты все это знаешь? — спросила я, но он не стал утруждать себя ответом.

— Взгляни на часы, — сказал он с внезапной улыбкой. — Я лучше пойду. Кини будет рядом, приглядывать за тобой. И нет нужды читать мне нотацию о заплутавших лошадях. Он, знаешь ли, необычный конь.

И, не сказав больше ни слова, он повернулся и пошел прочь вниз по дорожке, огибающей озеро. Поколебавшись несколько секунд, я поспешила за ним. Но когда я добралась до её начала, то не обнаружила никаких признаков ни Лукаса, ни кого-то еще. Я посмотрела вниз на темные, пестрые дорожки, простирающиеся далеко от меня. Он не мог скрыться так быстро — это было невозможно. Но это могло означать, что он скрылся среди деревьев, возможно, надеясь, что я последую за ним и найду, где он может... Господи, да пусть он делает, что хочет. В нем же два метра роста... И хотя я инстинктивно хотела бежать за ним вслед и настаивать на ответах и объяснениях, все же, посмотрев за свою жизнь достаточное количество фильмов ужасов, я прекрасно понимала, что ни в коем случае нельзя идти в одиночку по темным и безлюдным дорожкам в лесу. Поэтому я развернулась и пошла к машине, чувствуя всю дорогу, как мне в затылок смотрят чьи-то глаза.

Глава 12

Дорожные шахматы

Вернувшись к автомобилю, я позвонила Бену, чтобы попросить его встретить меня в гостинице. Наш разговор был кратким, состоял из рубленых фраз. Он обещал вернуться, как можно скорее, но так как ему придется ждать такси — на это уйдет какое-то время. Тон его намекал на то, чтобы я приехала и забрала его, но я решила, если бы хотел, то мог бы просто попросить — вежливость творит чудеса. Но так как он не мог заставить себя это сделать, я просто ответила:

— Не переживай, спешки нет, — и повесила трубку.

Когда я приехала в гостиницу, Бен все еще отсутствовал, поэтому я ушла к себе в номер. Когда Бен вернется, он поймет, что я здесь, потому что увидит машину. Так что, скорее всего, он стукнет мне в дверь, когда появится. Я же пока решила снять пальто и взглянуть на свою скрипку. Я переживала из-за того, что оставила её, хотя вряд ли бы её кто-нибудь украл. С другой стороны, она, конечно, застрахована. Но это не главное. Я любила её. Любила её за звучание, за красоту ее внешнего вида, от которого захватывало дух, но больше всего я любила её из-за того, как она появилась в моей жизни. Я любила её за то, что Лиам сумел купить её мне; за то, что он выбрал цвет и дизайн. Я любила её за то, что она была со мной на похоронах и теперь. Я любила её как старого друга — драгоценную реликвию из моей прошлой жизни, когда я была счастлива, и все было хорошо.

Я достала скрипку из футляра и принялась укачивать её на коленях, сидя по-турецки на полу, наслаждаясь знакомым ощущением. Потом я открыла отсек в футляре и вынула золотой камешек канифоли. Провела пальцами по его гладкой поверхности, вдыхая знакомый запах, — мой любимый запах на свете, любимее запахов лошади и седельного мыла.

Я потянулась к смычку, все еще лежащему в футляре, чтобы раз-другой провести по нему канифолью. Но моя рука замерла на полпути... в моем футляре лежало что-то еще.

Что-то, чего раньше там не было.

Между смычком и бархатной обивкой была зажата черная роза с шипами. Я медленно вынула смычок и отложила его в сторону, а затем, стараясь не коснуться шипов, осторожно взялась за стебель большим и указательным пальцами. Роза оказалась близняшкой той, что я видела на палубе «Королевы Мэри», когда я подняла её к лицу и вдохнула тот же сладкий аромат...

— Где ты это взяла? — раздался резкий голос из дверного проема.

Я подскочила от неожиданности и чуть не выронила розу. Видимо, я увлеклась настолько, что не заметила, как открылась дверь, и вошел Бен, с подозрением уставившийся на цветок.

— В футляре скрипки.

— В футляре? — повторил он, сощурившись еще сильнее.

— Ну да, за смычком.

— Дай посмотреть, — потребовал он, шагнув в комнату.

Но прежде чем он успел до неё добраться, роза рассыпалась у меня в руках, как и в прошлый раз... Ну, не совсем, как в прошлый раз. На «Королеве Мэри» сначала все лепестки опали, затем уже их унес ветер, и только после стебель рассыпался в пыль. На этот раз

лепестки осыпались мне на колени, а стебель рассыпался в прах, как и в прошлый раз, но, когда я опустила взгляд, то вместо лепестков увидела перья.

— Эти розы, похоже, ищут тебя и находят, — сказал Бен почти обвинительным тоном.

— Ммм... — Я посмотрела вниз на перья, гадая, что бы это значило.

— Ты мне поэтому звонила?

— Нет, — сказала я, сбрасывая перья, чтобы убрать скрипку в футляр. — Я хотела поговорить с тобой о Лукасе. Я снова с ним встретила. В замке. Это его я видела в Англии на конюшне у бабушки с дедушкой. И тот черный конь — его.

— Он здесь, в Германии? Что он хотел?

Я рассказала Бену все, что сказал Лукас о Людвиге, волшебных лебедях и зачаровывающей лебединой песне.

Он слушал, не перебивая.

— Ну? Ты уже слышал о чем-нибудь таком? — спросила я.

Он пожал плечами.

— Я уже слышал о мифах, что заколдованные лебеди могут зачаровывать людей своей песней, но никогда не слышал, чтобы их голоса кто-то крал. Если это правда, то она совпадает с тем, что рассказал мне Лиам. Он сказал, что тот предмет, который он нашел, является доказательством того, что лебеди заколдованные.

— Лукас сказал, что если я не найду лебединую песню, то потеряю еще кого-то.

— Вот как? — ровным голосом спросил Бен, приподнимая бровь.

— Думаешь, он подразумевал, что кто-то умрет?

— Понятия не имею, — ответил Бен. — Но независимо от того, правду он говорил или нет, в одном я с ним согласен — нам нужно найти эту лебединую песню, или как там это называется, и побыстрее. Потому что нет гарантий, что Джексон первый до неё не доберется и не продаст.

Я рассказала Бену, что Лукас также настоятельно советовал вернуться в Нойшванштайн после наступления темноты. Я радовалась, что Бен будет со мной, и мне не придется переживать из-за того, что вернувшись в замок в одиночестве, я могу попасть в ловушку. Разумеется, я не знала наверняка ни о каких ловушках, и Бен не гарант того, что мне не о чем беспокоиться. И все же сама мысль о возвращении теперь была менее пугающей, раз он будет рядом. Я вспомнила, что он сам предлагал поездку в Нойшванштайн после наступления темноты:

— А почему ты хотел туда съездить ночью?

Он пожал плечами.

— Ну, очевидно же, что нужно туда съездить, — сказал он тихо и добавил, — ночью Нойшванштайн не такой, как днем, если рассказы очевидцев не врут. Кроме того, сейчас мы можем только проследить путь Лиамы.

После недолгих раздумий, я решила рассказать ему об остальном, что поведал мне Лукас, о потере чего-то, мне неизвестного. Я уже была на грани того, чтобы довериться ему и рассказать о том тревожном чувстве, которое меня не отпускало, когда Бен холодно произнес:

— А ты не хочешь спросить, чем я занимался все утро?

— Знаю я, чем ты занимался, — огрызнулась я, — попросту тратил время.

— То есть тебе даже не интересно, нашел ли я ту самую любовницу или нет?

— Нет, потому что знаю, что не нашел ты никого.

— Как, должно быть здорово, когда кто-то целиком и полностью тебе доверяет, — проворчал он.

По тону его голоса можно было с уверенностью сказать, что он считает меня идиоткой. Поэтому я плюнула на его замечание, сделав вид, что оно меня не задело, и холодно сказала:

— Я собираюсь на обед.

И тут только до меня дошло, когда я прошла мимо Бена и вышла за дверь, что любовницы он никакой не нашел, но мог узнать какую-то информацию. Он мог найти какого-нибудь администратора или официантку, которые узнали Лиам, и могли что-то рассказать о том, чем он занимался, когда останавливался здесь. Нельзя было так реагировать, не подумав. Может, он нашел нечто ценное. Теперь, когда я сообщила ему, что это мне было не интересно, спросить опять — означало, выглядеть полной идиоткой в его глазах...

А потом я одернула себя. Это же касалось Лиам — какая разница, буду я выглядеть идиоткой или нет. Разве я могу сейчас себе позволить заикливаться на мелочности и тщеславии? Нельзя позволять им влиять на меня. Я остановилась в коридоре и развернулась. Бен последовал за мной и как раз закрывал за собой дверь.

— Ну так и что ты узнал сегодня утром? — спросила я.

Похоже, этот вопрос доставил ему злорадное наслаждение, и он соизволил сказать:

— А мне-то казалось, что вы с Лиамом с самого начала безоговорочно доверяли друг другу?!

Я хмуро уставилась на него, почувствовав внезапный прилив неприязни. Такое чувство, что если возможно усложнить для меня ситуацию, то он никогда не упустит случая.

— Самодовольный мерзавец! — рявкнула я, отчаянно желая, чтобы я перестала в нем нуждаться и могла с чистой совестью послать его ко всем чертям. — Я ни на секунду не поверю, что ты нашел ту самую эфемерную любовницу, но, может быть, ты нашел человека, который что-то знает. Кроме того, даже если бы я не доверяла Лиаму, то знала бы, что ты не нашел никакой другой женщины, в противном случае, ты бы мне уже все уши о ней прожужжал, как только меня увидел!

— Твоя правда, — сказал Бен, и в это мгновение он совсем не походил на своего брата. Он выглядел холодным и жестоким, так что я больше не могла видеть в нем своего мужа. Это был незнакомец... человек, которого я едва знала...

«Будь очень осторожна с Беном... — предупреждал меня Лиам. — Иногда он делает такие вещи... сам того не желая...»

Я, конечно, могу себе позволить некое чувство безопасности рядом с ним, но не должна забывать, что Лиам не доверял своему брату, он не хотел, чтобы Бен присутствовал в нашей жизни, бывал у нас дома. И на то должна быть веская причина...

— Думаю, самое время сказать, из-за чего вы оба поругались, — сказала я резко, внезапно отчаявшись разобраться во всем раз и навсегда. — Мне нужно это знать, чтобы начать тебе доверять.

К моему удивлению, Бен разразился смехом. Казалось, он рассмеялся против своей воли. Но он смеялся и смеялся, плечи его тряслись, а из глаз брызнули слезы. Я обеспокоенно таращилась на него. Если он в ближайшее время не успокоится, то задохнется. Смерть от смеха... мда...

Наконец, он судорожно вздохнул, оперевшись одной рукой о стену, чтобы вытереть слезы и взять себя в руки. Затем его глаза встретились с моими, и я вздрогнула при взгляде

на его лицо — это была жуткая смесь гнева, презрения и горечи.

— По крайней мере, теперь мы квиты! — огрызнулся он. — Потому что я тоже тебе не доверяю! Ни в чем!

— И по какой же причине ты мне не доверяешь? — выкрикнула я, абсолютно не заботясь о том, что мы с ним стоим в коридоре, и нас может кто-то услышать.

— Ты... — сказал Бен, но осекся и только качнул головой. — Неважно. Забудь. Я доверяю тебе. Более или менее. Пора что-нибудь перекусить.

После этих слов, он прошел мимо меня и спустился вниз, будто ничего и не было. Я сначала хотела было не ходить за ним, но, поразмыслив, решила, что сделаю этим хуже только себе. Если мы поедим вместе, пусть и в молчании — это поможет сгладить разногласия между нами. В общем, я спустилась в ресторан вместе с ним и, как ожидалось, Бен весь обед сначала мрачно пялился в меню, потом так же мрачно в свою тарелку или в окно, но не на меня. Когда я еще раз спросила, узнал ли он что-нибудь полезное утром, он ответил, что в гостинице вниз по дороге помнят Лиама, но там не сообщили ничего маломальски интересного. Поэтому я решила, что он расстроился, понапрасну растратив утро, в поисках несуществующих доказательств измены Лиама. Ну и поделом его самодовольству.

Мне же все-таки очень хотелось узнать, из-за чего они с Лиамом так поругались в прошлом году. Меня снедало любопытство, оно давило на разум. Когда Лиам был жив, это не имело большого значения, потому что мы никогда не виделись с Беном. Но теперь я здесь, с ним, и мне нужно было знать, не предаю ли я каким-то образом память Лиама. Они могли поругаться из-за чего угодно, но это точно было что-то очень важное, раз они столько не общались друг с другом и оба отказывались об этом рассказывать. Чем больше я думала об этом, тем более странным мне казалось, что Лиам сам не захотел мне все рассказать. Я могла понять, почему этого не делал Бен, так как была уверена, что ссора произошла по его вине. Но если Лиаму не в чем было себя винить, тогда странно, что он ничего не рассказывал о ссоре. И чем дальше я размышляла, тем сильнее меня охватывало чувство дискомфорта: быть может, Лиам не был таким уж агнцем...

Я выглянула в окно, чтобы отвлечь себя от этих безрадостных мыслей и заметила небольшую группу всадников на лошадях, проезжающих мимо гостиницы. Наверное, они держали путь обратно в конюшни, что я видела неподалеку от нас. Начался небольшой снегопад.

— Вы же нанимали небольшой конный экипаж на вашу свадьбу? — неожиданно брякнул Бен.

— Да, — ответила я, мысленно сразу же вернувшись в тот волшебный день. Две серых лошади, в их гривы вплетены ленты, сбруя украшена цветами...

— Как тебе удалось его уговорить?

— Что? — озадаченно спросила я.

— Лиама, — сказал Бен, глядя на меня исподлобья. — Как удалось его уговорить на лошадей?

— Мне не нужно было его уговаривать. Это была его идея.

— Но он терпеть не мог лошадей.

Я уставилась на Бена. Он будто совсем не знал своего брата. Может, это от того, что они почти год не виделись. Может, он просто что-то забыл. Но Лиам обожал лошадей, с самого детства он проводил все летние каникулы в поместье у моих бабушки с дедушкой.

Бен непременно должен помнить это. Мне вдруг пришло в голову, что Бен не настолько

вменяем, каким казался.

— Он же приезжал и гостил у моих деда с бабушкой, — сказала я. — Дед учил его ездить верхом.

— Ах, ну да, — сказал Бен, качая головой, словно разозлившись на самого себя. — Теперь вспомнил.

Ну, это было двадцать с лишним лет назад. Возможно, это было не так уж странно, что Бен не помнил, где Лиам проводил каникулы.

— Конечно, если бы ты пришел на свадьбу, то знал бы, что он любил лошадей, — сказала я, не в силах сдержаться, чтобы не произнести эти слова несколько холодно. Я знала, что Лиам был расстроен отсутствием брата.

— Может быть, как-нибудь ты покажешь ваш альбом со свадебными фотографиями, — ответил Бен в тон мне, словно скорее предпочел бы оказаться утопленным на дне озера.

— Я просила мою маму, переслать тебе несколько фотографий, — сказала я. — Она ответила, что выполнила мою просьбу.

— Наверное, фотографии затерялись по дороге.

— Ну, значит, если найдешь их, я предпочла бы, чтобы ты их вернул. А то с моими... что-то... не так.

— Я не видел никаких фотографий, — сказал резко Бен, массируя себе левое плечо правой рукой.

— Твоя мама тебе так и не... — Он внезапно оборвал меня, подняв руку и тихо спросив: — Что ты сейчас сказала?

— Я сказала... если найдешь те фотографии, верни их мне.

— Потому что с твоими что-то не так? — продолжил он со странным нетерпением в голосе.

— Ну да, — подтвердила я, уже жалея, что упомянула об этом.

— А что с ними? — Он по-прежнему говорил тихо, но меня поразили неожиданное нетерпение в его голосе и блеск в глазах.

Я подумала было солгать, например, что пролила на них кофе, или вроде того... Но по тому, как Бен смотрел на меня, я поняла, что он на это не купится.

— Женщина на фотографии, — неохотно созналась я, — это не я.

— В смысле?

— Она... не улыбается. С её лицом что-то не так. А я помню, что весь день не переставала улыбаться. Я вот думаю, может, Джексон с ними что-то сделал, ну, с фотографиями. Это единственное объяснение, которое я могу придумать.

К моему удивлению, Бен издал смешок, будто не верил моим словам, а потом улыбнулся мне, и его лицо преобразилось. Его карие глаза излучали тепло. Впервые за все время.

— То же самое случилось с моими фотографиями. — Он просиял.

— О, — ответила я тупо, не в состоянии придумать что-то потолковее в ответ. Его реакция озадачила меня. Едва ли здесь было чему радоваться. Если подумать, то вряд ли Джексон вломился бы и к Бену в квартиру. — И что это может означать?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Не думаю, что это Джексон. Я думаю, дело в другом. Но я рад, что не одинок в этой ситуации, а ты?

— Наверное. Я просто хотела бы узнать, почему это вообще происходит. — Как бы мне хотелось, чтобы Бен не говорил мне, что с его фотографиями произошло то же самое, тогда я

могла бы обвинить во всем Джексона. Я отвернулась к окну и опешила от того, как усилился снегопад. — Ничего себе снег пошел.

— Ага, — согласился Бен. — Лучше нам никуда не выходить какое-то время. У нас нет цепей для автомобиля, если что. Как бы не пришлось его вытягивать. На дороге слишком опасно. Надеюсь, к вечеру дороги почистят, и тогда мы сможем съездить в Нойшванштайн. Поедем после ужина.

— Хорошо, — сказала я, гадая, чем буду заниматься все это время ожидания. Если бы я была не с Беном, а с кем-то другим, то предложила бы сходить в бар, выпить, чтобы попытаться расслабиться и отвлечься. Но в сложившихся обстоятельствах, предлагать это казалось бессмысленным, поэтому, когда мы встали из-за стола, я рассталась с Беном на площадке второго этажа. Он поднялся к себе, а я пошла в свою комнату, сказав, что мы встретимся снова за ужином. Бен обычно производил впечатление, что ему со мной скучно, и он с радостью останется наедине с собой. Меня это не очень обижало, потому что я знала — он нелюдим, и скорее всего, вел бы себя так же с любым человеком.

Как только я оказалась в номере, сразу же пошла к своей скрипке. На этот раз в футляре меня не ждала никакая роза, только красивый инструмент. Конечно, у меня была и обычная скрипка, но это совсем другое. Я бы никогда не решилась играть на ней посреди ночи, боясь разбудить Лиам или потревожить соседей. И уж точно не стала бы играть на ней в гостинице. А еще, моя электроскрипка была так прекрасна: её голубая с серебром дека и ненавязчивое, приятное звучание, все в ней было идеально — это была улучшенная версия обычной скрипки.

Может, я была слегка параноиком, раз упаковала с собой два набора струн. Но мысль о том, что струны порвутся, пока я буду за границей, приводила меня в ужас. В этом я напоминала заядлого курильщика, внезапно оставшегося без сигарет. Но сегодня мне не очень хотелось играть. Мне хотелось компании.

Я уже подумывала о том, чтобы взять книгу и спуститься в бар, как в мою дверь постучали. Это был Бен, на лице которого отражалась неуверенность.

— Я... подумал, может, ты захочешь скоротать время за шахматами. Но... если ты хочешь побыть одна... — Его взгляд упал на мой раскрытый футляр, и он сказал. — Не бери в голову, дурацкая идея. Наверное, ты хочешь поиграть на скрипке.

И, не дождавшись моего ответа, он собрался было уже уходить.

— Постой, у тебя есть с собой шахматы?

— Дорожные, — ответил Бен.

— А ты хорошо играешь? — спросила я с улыбкой.

— Довольно неплохо, чтобы скоротать часок другой, — заверил он.

— А ты не будешь плакать, как девочка, если я выиграю?

Бен помолчал, раздумывая, а потом сказал:

— Хайди как-то сказала мне, что я честно признаю поражение, но также умею радоваться победе.

Я улыбнулась. Именно таким был Лиам — он не расстраивался, если проигрывал, но вот если выигрывал, то его раздражало от самодовольства. Это определенно шло из семьи.

— Ну, тогда я очень постараюсь не оставить от тебя камня на камне.

Мы вернулись в мой номер и уселись за журнальный столик, поставив шахматную доску между собой.

— Она умная? — спросила я, решив, что благодаря хорошему настроению Бена, могу

побаловать свое любопытство.

— Невероятно, — ответил Бен, расставляя фигуры на доске.

Мне было трудно представить, девушку по имени Хайди умной, но скорее всего, виной тому было то, что в школе надо мной нещадно глумилась как раз девочка по имени Хайди. Поэтому, при упоминании этого имени, я представляла себе дуру с длинным языком.

— Черными или белыми? — спросил Бен.

— Что? Ааа. — И я уставилась на доску, прикидывая, насколько хорош он был в шахматах.

— Черными, — решила я. Меня охватил внезапный азарт, но победить я хотела, не имея изначально никакого преимущества.

Он развернул доску, черными фигурами ко мне.

— Она хорошенькая? — спросила я.

— Самая красивая женщина на свете, — ответил Бен.

— Ну надо же, и умница, и красавица, — сказала я с улыбкой. — Интересно, что она в тебе нашла.

Я было подумала, что он может обидеться на шутку, но он посмотрел на меня с теплотой и ответил:

— Полагаю, это одна из величайших загадок в мире.

— Итак, ты пригласишь меня на свадьбу? — спросила я. Внезапно мысль о свадьбе показалась мне невероятно привлекательной. Как было бы здорово, сгладить смерть Лиама версией «и жили они долго и счастливо».

— Конечно, — сказал Бен. — Если будешь держаться от моей мамы подальше. Ты же знаешь, она тебя ненавидит.

— Я в курсе, — сказала я. На самом деле, меня порадовало, что хоть кто-то признал очевидное отношение его матери ко мне, а не пытался уверить, что это всего лишь плод моего воображения. — А ты знаешь, почему?

— Знаю.

— И почему же? — спросила я, когда он не стал развивать эту мысль.

— Она не хотела, чтобы ты выходила замуж за Лиама.

Я знала, что он прав. Но должна была существовать более конкретная причина. Я помнила, что она меня очень любила, но за две недели до свадьбы резко изменила свое отношение ко мне.

— Это потому что я альбинос? — сорвался вопрос с моих губ.

— Что? — удивился Бен.

— Она не хотела, чтобы я выходила за Лиама замуж из-за моей внешности?

Он уставился на меня, и я прокляла себя за свой вид. Даже не оглядывая себя, я помнила, во что была одета и как выглядела... Синие джинсы и бледно-голубой топ. Ничего особенного, одежда как одежда. Но вот мои волосы были распущенными... Надо было собрать их на затылке или спрятать под шляпу. Сделать что-нибудь, чтобы они не выглядели такими отталкивающими.

Я вспомнила инцидент, который имел место во время моего последнего года в младшей школе. Я не могла вспомнить, как это началось, но, так или иначе, банда хулиганов — Хайди среди них — которая меня постоянно мучила, решила узнать, есть ли у меня кровь и настоящая ли она. Словно они и правда считали меня каким-то потусторонним существом. Это было во время урока физкультуры: несколько человек, включая меня, стояли по одну

сторону с клюшками наготове. Мы ждали начала игры.

Разумеется, учительница там тоже была, но она судила игру и не особо обращала внимания на драки. Обычно рядом со мной всегда находился Лиам. Но так как это был урок физкультуры, он играл в футбол с мальчиками. Лиам бегал неподалеку, но недостаточно близко, чтобы слышать мои крики, если что. Кроме того, мне претила мысль звать на помощь. Я же не настолько беспомощная жертва. Я должна уметь постоять за себя. Но их было пятеро против меня одной. Они повалили меня на землю, и Хайди, усевшись сверху, впиалась в мое плечо ногтями, чтобы расцарапать его до крови.

Не знаю, как он узнал о том, что происходит, вокруг было слишком много шума, чтобы Лиам что-то слышал, но в Хайди неожиданно что-то врезалось и повалило её на землю. Она визжала как резаная, когда он таскал её за косы по влажной траве, пока не подросла учительница, чтобы оттащить его. Лиам сурово наказали. Его посадили в изолятор временного содержания за то, что он таскал Хайди за волосы, а потом еще раз отправили посидеть там за то, что отказался извиняться перед ней.

Так оно всегда и было — для него Снежная принцесса, а для остального мира — уродина. Да-да, моя семья любила меня, несмотря на мой внешний вид. Но Лиаму, будто на самом деле нравились мои белые волосы, бледная кожа и голубые глаза. И он бы не стал ничего менять во мне, если бы получил такую возможность...

Как бы мне теперь хотелось, чтобы я не поднимала этот вопрос, потому что мне совсем не понравилось, как Бен посмотрел на меня.

Наконец он произнес:

— Не думаю, что моей матери ты не нравишься из-за своей необычной внешности. Ты не лишена привлекательности. Лиам мог все испортить.

Он опустил взгляд на доску и сделал ход первой пешкой. Я подавила вздох.

— Не лишена привлекательности.

Наверное, это лучшее, на что я могла рассчитывать. Было бы здорово, если бы меня это не волновало.

Это казалось тщеславным и глупым. Но мне это было важно, и я не могла ничего с этим поделать.

Глава 13

Белая дама

Большую часть времени до ужина, мы провели за игрой в шахматы. Мы мало разговаривали, потому что очень сосредоточились на том, как победить соперника. Бен выиграл первую партию, я вторую.

— Ты почти так же хорош, как Лиам, — сказала я, когда мы убрали шахматы.

— Лиам? — повторил Бен, приподняв бровь. — Не знал, что он умел играть в шахматы. Я всегда считал, что он больше по шашкам.

Его голос источал презрение. И это немедленно меня вывело из себя.

— Вот зачем ты так? — требовательно спросила я.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Как?

— Используешь любую возможность, чтобы отпустить какое-нибудь ехидное замечание о нем. Мы сегодня замечательно провели время, а ты намеренно пытаешься все испортить?

— Ты права. Я приношу свои искренние извинения, — сказал он, после недолгой паузы.

Но Бен не был искренним. На самом деле, извинения он произносил иронично. С другой стороны, это уже было хоть что-то, поэтому я решила не подливать масла в огонь.

Бен захлопнул крышку коробки с шахматами, а потом занес руку, чтобы помассировать левое плечо. Я сегодня уже не раз ловила его за этим занятием, поэтому спросила — не болит ли оно. Он тут же опустил руку, словно сообразив, чем занимался, и ответил, что за столиком пришлось сидеть в неудобной позе, потому и затекла мышца. Только и всего.

Вскоре мы спустились вниз на ужин, а в одиннадцать, одевшись потеплее, сели в машину и поехали в Нойшванштайн. Я находила нашу поездку необычайно захватывающей... поездка в замок, посреди ночи. Ну разве не волнительно? За несколько часов выпало много снега, но дорожные службы уже успели посыпать дороги солью, так что ехать было не страшно. Издалека, в холодной и хрустящей тишине, Нойшванштайн выглядел голубым и призрачным на фоне темной горы. Бен наплевал на знаки, запрещающие въезд, и заехал так высоко в горы, насколько сумел, чтобы нам пришлось как можно меньше идти пешком.

— Как думаешь, Лукас явится? — спросила я, понижая голос до шепота, хотя вряд ли нас кто-нибудь мог подслушать.

— С чего бы вдруг? — спросил Бен. — Если он говорил тебе правду, то не станет мешать.

— Не понимаю, почему он хотел, чтобы мы сюда приехали. Ты думал, что он озеро подразумевал. Может, нам потом туда нужно спуститься.

— Не думаю, что это хорошая мысль, — ответил Бен.

— Почему? — удивилась я. — Ты же сам сказал, что нужно проследить путь Лиамы, — а озеро — самое важное место из всех, что нам известны. И если там на самом деле обитают царевны-лебеди, то я хочу сама их увидеть. А ты?

Бен пожал плечами и сказал:

— Не имею ничего против резвящихся нагишом на берегу озера царевен-лебедей, но если они настоящие, то вероятнее всего, так же реальны и рыцари-лебеди, которые, как мы знаем, очень ревностно относятся к охране своей территории. Думаю, нам нужно проявить больше здравого смысла и сдержанности, чем проявил Лиам, и выработать план, прежде чем

окунуться в омут с головой, как считаешь?

Как бы мне не хотелось этого признавать, но Бен был прав. Однако, мы же не собирались красть лебедя. Мы же только хотим взглянуть на озеро, не поднимая шума. Не хотелось бы упустить момент.

Мы остановились в тени великолепного замка, нависшего над нами. Белые кирпичи в широкой полоске света от прожектора казались синими, и замок, словно превратился в призрак и почему-то... казался одиноким... как человек, выстроивший его в этих горах, давно умерший и здесь похороненный.

Как же было волшебным находиться там среди ночи, когда вокруг ни души. Время словно замерло. Куда ни глянь только снег, сосны, горы и звезды, ничего не изменилось за сотню лет. Тишина и горный воздух.

Мы стояли там какое-то время и просто смотрели на замок. Он и днем был величественным, но ночью — мог заткнуть любой сказочный замок за пояс. Я вспомнила слова Бена про Уолта Диснея, вдохновившегося им. Как странно, настоящий замок вдохновил на сказку, а не наоборот. Было очень сложно поверить, что он настоящий, выстроен реальными людьми, а мы не в сказочной стране. Нойшванштайн был идеален — каждая его деталь совершенна. Ничего нельзя было ни убавить, ни прибавить.

Неожиданно идея о царевнах-лебедях, одиноких королях, зачарованных голосах и агрессивно настроенных рыцарях не показалась такой уж нелепой, как при свете дня... Я оторвалась от созерцания замка и оглядела окружающий нас пролесок, выступавший из темноты. Когда ветви вдруг зашелестели, я резко повернула голову, и вправду искренне ожидая увидеть огромные, богато украшенные сани, выскочившие из ниоткуда, запряженные гнедыми и сопровождаемые лебедями... Но ничего. Через мгновение нас вновь окутала тишина.

Видя его таким, мне ни за что не хотелось оставлять замок. Магия, буквально гроздьями висела на нем, словно гирлянда на новогодней елке. Он был прекрасен, безмолвен и одинок, и я понимала, почему Людвиг его так любил, больше других своих замков. Нойшванштайн и днем был прекрасен, правда, тогда на него глазели толпы туристов, чего Людвиг не хотел бы, а сейчас, когда было тихо и пустынно, появилась возможность увидеть его глазами человека, создавшего этот шедевр. Именно сейчас, когда замок получил краткую передышку перед появлением очередной партии праздных туристов, галдящих и сующих везде свои любопытные носы.

И вот, когда я подумала, что волшебнее быть уже некуда, с неба западали снежинки, превращаясь в свете прожекторов в синие искорки, которые укрыли собой шпили и крыши башен, сотворив невозможное — явив сказку. Все, чего мне хотелось, это стоять и смотреть, стоять и смотреть, а остальное могло подождать... ответы на вопросы, таинственный предмет... Но потом я вспомнила слова Лукаса и очнулась. Если он рассказал правду, тогда ждать нельзя. Нужно действовать. Если мы не найдем тот, предмет, что оказался в руках Лиамы, то кто-то может умереть. А я так хотела навсегда забыть, что такое чувство потери.

— Мы должны спуститься к озеру, — скрепя сердце, сказала я. — Здесь нет ничего.

— В замке кто-то есть, — откликнулся Бен.

Я взглянула на него, а потом проследила за его взглядом до окна одной из башенок — резко выделяющегося на фоне остальных темных окон.

— Возможно, они оставили свет включенным на ночь... — начала было я, но умолкла, увидев в окне женщину. У женщины были длинные белые волосы и почти прозрачная кожа.

Это была я.

Глава 14

Царевна-лебедь

В следующую секунду она исчезла. Растворилась, словно призрак. У меня сердце чуть не вырвалось из груди. Я просто стояла и смотрела вверх, на замок.

— Видела? — спросил Бен таким тоном, будто заметил только что оленя между деревьями, а не женщину в окне.

— Я её видела, — охнула я, посмотрев на него. Мне было ужасно страшно снова взглянуть на то окно.

Недавнее чувство очарования исчезло, его заменил страх.

Вдруг я не на шутку испугалась, что Бен бросит меня здесь, поэтому схватила его за руку, чтобы, на всякий случай, не дать ему это сделать.

— Что это могло бы значить? — прохрипела я.

Бен нахмурился, будто его разочаровал мой страх.

— Успокойся... — начал было он, но я перебила его.

— Вот только не надо говорить мне, чтобы я успокоилась! — прошипела я. — Я только что видела себя в том окне! У меня есть чертовое право испытывать всю гамму чувств, кроме гребаного спокойствия!

Я сильнее впились ногтями в его руку и пробуравила его взглядом, но он лишь непонимающе таращился на меня:

— О чем ты говоришь? — спросил он.

— Ты... ты же её видел?! — Мой гнев куда-то исчез, и я пролепетала свой вопрос почти умоляющим, жалобным тоном. Мне вдруг стала невыносима мысль, что Бен примет меня за чокнутую, потому что ничего не видел. Но, к моему облегчению, он сказал:

— Ну, разумеется, я её видел. Но это была не ты, ненормальная!

Я все еще держалась за его руку, но ничего не сказала, пока пыталась вспомнить, как она выглядела. Женщина показалась в окне лишь на краткий миг, но у неё определенно были длинные белые волосы и бледная кожа...

— Думаешь, тут есть еще одна альбиноска? — спросила я, отчаянно надеясь, что так оно и было, понимая, что вероятность этого ничтожно мала, если вообще существовала.

— Не думаю, что она альбинос, — ответил Бен. — Сходи и постучи в дверь. А я здесь подожду.

— Что? — Я посмотрела на него. Он шутит, что ли, но нет, Бен был очень серьезен. Внезапно я почувствовала себя ребенком, пробравшимся в замок на спор, играя в «правду или желание». — Почему бы тебе самому не сходить и не постучать в дверь, а я здесь подожду? — спросила я. — Там белая тетка! У тебя разве мороз по коже не пробежал, когда ты её увидел? Ты что, из железа, что ли?

— Слушай, ты же мне о ней сказала, — ответил Бен. — И именно тебе Лукас велел прийти сюда. Не думаю, что она откроет мне дверь. Конечно, ты можешь ничего не делать, если не хочешь. Мы можем вернуться в гостиницу, если хочешь. Если это будет означать, что позже случится нечто плохое, что ж, что может быть хуже смерти Лиамы? Так? В общем, не хочешь, как хочешь. Пошли назад.

Он сделал шаг к машине, схватив меня за запястье, и потянул следом за собой, словно непослушного ребенка. Не на шутку разозлившись, я стряхнула его руку и, развернувшись на

пятках, вне себя от злости, направилась к двери. А потом постучала в неё, да так, что горы отозвались эхом. Ничего. Я посмотрела через плечо на Бена, который стоял у меня за спиной и наблюдал за замком. Он явно намеревался спровоцировать меня на стук в дверь, и меня взбесило, что ему так мастерски удалось нажать на мои болевые точки. Но тут мое внимание привлек скрип щеколды по другую сторону двери, и, спустя секунды, дверь распахнулась. Я с воплями отпрянула, когда прямо на меня вылетел белый лебедь, сумевший таки сбить меня с ног и повалить на спину в снег. Из его клюва вывалилось что-то черное и с тяжелым стуком упало на землю рядом, а потом птица улетела во тьму — растворившись бледным пятном в черном небе.

Я перекатилась и подползла поближе к предмету. Им оказалась фигурка черного коня, вырезанного из мрамора. Я смогла рассмотреть даже проступающие золотые жилки. Вещица была прекрасна каждой своей мелкой деталью, словно кто-то потратил много времени, чтобы вырезать такую красоту... Грива ниспадала на плечи, туловище и хвост лоснились от блеска... Волшебная, очаровательная вещица, ничем не уступающая белому единорогу...

И почти сразу же, как я подняла фигурку, моя ладонь ощутила тепло, исходящее от неё — такое золотистое, прекрасное тепло, которое проникло в мою руку и спустя мгновение добралось до грудной клетки, уменьшая боль, сковавшую мое сердце, сменяя её светом, надеждой...

Эта фигурка настолько поглотила мое внимание, что я почти забыла о Бене, но неожиданно его пальцы впились мне в плечо, и он упал рядом со мной на колени.

— Что она тебе бросила?

Тепло исчезло так же быстро, как и появилось, словно оно мне померещилось. Я протянула фигурку ему. Он вытянул руку, чтобы взять её, но внезапно, сама того не желая, я отдернула руку. Я не хотела, чтобы он её касался. Я не хотела, чтобы фигурки вообще кто-нибудь касался. Она была моей, и мне вдруг стало страшно, а что, если... её заберут у меня. Я не могла этого допустить.

Я почему-то ощущала, как важна эта фигурка, — словно вся моя жизнь зависела от того, сумею ли я её уберечь...

— Я только взгляну, — сказал Бен, и голос его прозвучал так, будто ему сделали больно.

Неохотно, но все же я заставила себя отдать фигурку ему. Он поднял её так, чтобы на неё упала синяя полоска света, и гладкая мраморная поверхность заискрилась.

— Что скажешь? — нетерпеливо спросила я, надеясь, что Бен сейчас скажет, что делать дальше. — Что это?

— Маленькая декоративная лошадь, — ответил он, сердясь и практически кидая мне её обратно в руки. — Возможно, она спятила, просидев столько в одиночестве.

— Она? — переспросила я, сжимая крошечную лошадку и таращась на него. — Ты думаешь, что лебедь... была Людвига...? — я не сумела закончить вопрос, потому что Бен, по какой-то причине, вдруг стал раздраженным.

— Мне-то откуда знать? — сказал он, впившись взглядом в лошадь у меня руках. — Я знаю не больше твоего.

— Может быть, это лебединая песня? — спросила я. Фигурка мне казалась более чем волшебной.

Но Бен покачал головой.

— Нет, мы бы поняли. Да и она не поет. Давай вернемся в гостиницу. Может, при свет дня станет понятнее... не знаю... появится надпись на лошади или типа того. И она обретет

больше смысла, чем сейчас.

Но, когда я встала, снова обратила внимание на дверь. Она была закрыта. Однако я не слышала хлопка. Бен толкнул её, но та оказалась заперта, поэтому мы вернулись в машину.

Мы воспользовались ключами, чтобы тихонечко пробраться к себе. Потому что на дворе уже было за полночь, и все постояльцы давно спали, а бар и ресторан были закрыты.

Мы пошли ко мне. Мой номер располагался на втором этаже, вторая дверь от входа. Я открыла ее, вошла внутрь и повернулась, чтобы включить свет, и тут у меня под ногой раздался мерзкий хруст. Я на что-то наступила и сломала это. Я торопливо включила свет, и перед нами предстала повергающая в ужас картина.

Весь номер был завален человеческими костями. Они валялись повсюду: на ковре, на журнальном столике, на кровати. Прямо как тогда, на «Королеве Мэри». Кости пожелтели от времени и на многих виднелись сколы и трещины. У черепа на подушке не хватало огромного фрагмента между глаз. Тот еще был вид, в разы хуже, чем на «Королеве Мэри». Может быть, так показалось от того, что кости лежали в моем номере, в моем личном пространстве, не на палубе корабля. Это было гораздо больше, чем вторжение... Я сидела на тех стульях, спала в той кровати, лежала головой на той подушке. Какое счастье, что когда они появились, пусть даже из воздуха, я не находилась в постели. Я содрогнулась при одной только мысли о пробуждении с черепом, запутанным в моих волосах, и грязных костях, ломающихся подо мной...

Через несколько секунд кости превратились в пыль, точь-в-точь как на «Королеве Мэри». Но так как сейчас мы с Беном находились не на свежем воздухе, труха и пыль никуда не делись. Они остались лежать, покрывая ровным слоем всю комнату.

Бен рядом со мной вздохнул.

— Ну что ж, хочешь переночевать у меня? — спросил он.

— Что?

— Или хочешь здесь прибраться?

— Ой, нет, — ответила я, меня аж покорило от мысли снова лечь в эту постель. Мы, конечно, могли стряхнуть пыль с простыней, но мне не хотелось соприкасаться головой с подушкой, на которой только что лежал череп. — Я не смогу здесь спать.

— Хорошо. Я лягу на диване.

— Нет, это я лягу на диване. Все-таки это твой номер.

— Мне все равно, — мягко сказал Бен. — Только вот почему ты не можешь спокойно принять то, что тебе предлагают?

Я порылась в чемодане, оставленном мною в ванной, который, к счастью, был закрыт, и в него не попала костяная труха, так что вещи остались чистыми. Еще я прихватила с собой скрипку и поднялась на третий этаж в номер к Бену, который мог оказаться в таком же состоянии, что и моя комната. Но к моему облегчению, когда он открыл дверь и включил свет, никаких костей видно не было.

Его номер был опрятным и чистым — не то, что моя комната. Кровать заправлена, чемодан в углу, из личных вещей только дорожные шахматы на кофейном столике.

Мы сели на диван; я вынула из кармана крошечную лошадку и подняла её, чтобы мы могли получше её рассмотреть. Мы осмотрели её со всей тщательностью, но никаких надписей не нашли. Эта лошадка была обыкновенным ювелирным украшением. Ни надписей, ни символов, никаких подсказок, даже намек на то, что это и как эта фигурка поможет нам найти лебединую песню, которую забрал себе Лиам.

Теперь я все больше и больше сомневалась в мотивах поступка Лиамы, благодаря тому, что узнала в Нойшванштайне. Если песня и правда была такая волшебная-разволшебная, то тогда понятно, почему Джексон с Лукасом за ней охотились. Но мотивов Лиамы я никак не могла понять. Зачем она ему? Бен ошибался — им двигала не жадность. Мы не были богачами, но и не так уж отчаянно нуждались в деньгах. И хотя парашютный спорт — дорогое увлечение, других больших трат у нас не было. Мы были счастливы и довольствовались тем, что имели. Значит, должна быть другая причина...

— Это не просто украшение, — сказала я наконец.

— Почему ты так решила? — спросил Бен.

— Не знаю. Но посмотри на нее. Она... — Я помедлила, прежде чем заставить себя произнести: — Волшебная. Она похожа на волшебную. Ну, как единорог, что ли.

Я уже приготовилась выслушать, как Бен меня высмеет, но он лишь сказал:

— Гмм, в этом что-то есть.

Я была совершенно уверена, что это не просто украшение. Я чувствовала себя подобно ребенку, очарованному новой игрушкой. Я хотела постоянно прикасаться к ней и смотреть на нее.

— Итак, выходит, нам надо хорошенько поразмыслить, что делать завтра, — сказал Бен.

Его голос прозвучал неожиданно усталым, и его разочарование было почти осязаемым, что было немного странным, если учесть, как легко мы проникли на территорию замка, правда, мы все так же продолжали бродить впотьмах. Может, он как и Лукас считал, что событий будет больше. Я спросила об этом Бена, когда тот поднялся с дивана, но он отвернулся и ответил ровным голосом:

— Нет, с чего бы?

Я пожалала плечами и посмотрела на фигурку.

— Уверена, что это важно. Не знаю почему, но когда я смотрю на неё, то меня не покидает уверенность, что она к чему-то приведет нас.

— Надеюсь, ты права, — ответил Бен.

Было уже поздно, и мы оба понимали, что нужно немного поспать. Пока Бен принимал душ, я порылась в своих вещах, которые забрала из номера, чтобы достать рыцаря и фото Лиамы в рамке. Пусть я здесь всего на одну ночь, но мне бы не хватало этих вещей, не забирай их с собой.

Я поставила их на кофейный столик, расположив так, чтобы мне было видно их с дивана, на котором я собиралась спать. Рыцарство, это, конечно, прекрасно, но номер был его, да и я ниже ростом, мне на диване будет удобнее. Когда Бен вышел из ванной, я только-только поставила фотографию и рыцаря.

И тут мы оба заметили, что рыцарь и конь идеально подходят друг другу. Они были парой — словно предназначены друг для друга, несмотря на то, что сделаны из разных материалов.

— Ну-ка повтори, где ты его нашла? — спросил Бен, указывая на рыцаря.

— В... кармане Лиамы. В день смерти.

— Но прежде ты его никогда не видела?

— Неа, я думала, что это игрушка какого-то ребенка, а Лиам просто подобрал его.

— Вполне возможно, вполне возможно.

Но не думаю, что он в это верил, впрочем, как и я. Теперь, при ближайшем рассмотрении, сложно было представить, что это обыкновенная игрушка. Рыцарь был сделан

из металла, а не из пластика, он был тяжелым, и, мне кажется, дорого стоил. И нигде не стояло клеймо «Сделано в Китае».

В общем, я усадила рыцаря на коня и отправилась в ванную, чтобы переодеться и почистить зубы, потому что Морфей уже раскрыл свои объятия, и неважно, ждали меня удобная кровать или диван.

Когда я вернулась в спальню, Бен переместил рыцаря, коня и фото на прикроватный столик, а сам уже устроился с одеялом и подушкой на диване. Сколько я ни пыталась, мне так и не удалось заставить его перелечь на кровать. Короче, в итоге я сдалась и заняла кровать, испытывая вину и теплоту по отношению к Бену.

Но прежде чем улечься, я села на край матраца и расчесала волосы. Они у меня были такими длинными, что за ночь обязательно спутались бы, если их не расчесать перед сном. Мне нравился этот ритуал, он меня успокаивал — взмах гребня, скольжение вниз...

Я резко прекратила свое занятие, когда заметила, что Бен наблюдает за мной с дивана. Мои белые волосы нравились Лиаму, но я не должна была забывать, какое впечатление они производили на окружающих. Поэтому я тут же положила расческу на стол, но вышло у меня это шумно. Все от того, что я очень стеснялась себя, потому и действовала неловко.

А вот то, что случилось дальше, можно назвать только капризом судьбы, не иначе. Обычно я оставляю расческу на столике, рядом с кроватью, чтобы утром могла сразу её взять. Но так как я чувствовала себя смущенной и все такое, мои руки сами собой начали искать, куда бы спрятать расческу. Я нащупала колечко, потянула за него и с трудом и скрипом открыла ящик.

Ящик был совершенно пуст, если не считать изящного золотого кольца, которое я уже видела на пальце Бена. Сначала я подумала, что это его кольцо и непроизвольно бросила на Бена взгляд. Он, замерев, сидел на диване и неотрывно смотрел на открытый ящик. Его лицо побелело. В руке он держал книгу, и мне было видно, что его кольцо на месте.

То колечко в ящике принадлежало кому-то другому.

— Бен... — начала было я, когда он поднялся с дивана, книга упала на пол, и он подошел к кровати. Он остановился перед столиком и схватил кольцо. Мне показалось, что его слегка потряхивало.

— Мне жаль, — сорвалось с моих губ. Он выглядел таким несчастным, и я подумала, что сделала что-то не то, открыв ящик. Он ничего не говорил, но я почувствовала, будто вторглась на его территорию, будто я рылась в его вещах и нашла что-то очень личное. — Бен... мне очень жаль, — повторила я.

— Я тебе не лгал, — сказал он тихо, — просто не мог сказать правду.

— Что случилось?

Он сделал глубокий вдох и сказал:

— Она больна.

— Очень серьезно? — спросила я, и мое сердце оборвалось.

Он закрыл глаза и с губ его сорвалось.

— Да.

— О, Бен, мне так жаль.

Он присел рядом со мной на кровать.

— Я никому не говорил, кто еще не знал, потому что от этого... все казалось еще реальнее, — сказал он.

Я кивнула. Мне это было знакомо. Каждый раз, когда я говорила кому-нибудь о смерти

Лиама, мне вновь и вновь приходилось проходить через эти ужас и горе, и ситуация становилась еще невыносимее. Может, именно по этой причине Бен раздумывал, приезжать ему на похороны или нет. Как же я виновата перед ним за то, что злилась на него. Получается, что ему необходимо было вернуться в Германию как можно скорее.

— А... что с ней?

— Не хочу вдаваться в подробности, — устало ответил Бен. — Какая разница? Она больна, и если в ближайшее время ничего не изменится, то я потеряю её навсегда.

Что я могла сказать, это было не мое дело. Но все же ничего не могла с собой поделать, перед глазами так и стоял образ бедной больной невесты Бена, которая умирала у себя дома, и поэтому я сказала:

— А почему ты не с ней?

— Я ей не нужен. — Он поднял обручальное кольцо и сказал: — Она меня отослала. Мы будем с ней вместе, если она станет прежней.

— Вот зачем ты ищешь лебединую песню? Думаешь, если ты продашь её, то тебе хватит денег, чтобы помочь ей?

— Вроде того, — ответил Бен.

У него сорвался голос, и, взглянув на него, я увидела, что в глазах его стояли слезы, а на лице отразилась боль, которую он всегда скрывал.

— Бен, обещаю, я сделаю все, чтобы помочь тебе, — сказала я.

— Спасибо. — Рука, держащая кольцо, напряглась, а плечи еще сильнее ссутулились. — Я даже не знаю, получится ли. Может, уже слишком поздно. Может, время уже безнадежно упущено. Однажды между нами что-то было... но теперь, после всего... может быть, уже слишком поздно, чтобы все вернуть.

— У тебя хотя бы есть шанс, — возразила я. — Я бы все отдала ради этого.

Он посмотрел на меня покрасневшими, запавшими глазами и спросил:

— Уверена?

— Ну конечно! Если была бы хоть крошечная возможность вернуть Лиама, я бы боролась за неё насмерть! Ничего не кончено, пока не кончено, Бен!

Я положила ладонь на его руку, чтобы как-то утешить, ожидая, что он, скорее всего, дернется, отстраняясь, но вместо этого, он почти сразу же притянул меня к своей груди и крепко обнял. Я немало удивилась, но обняла его в ответ, надеясь, что он меня не задушит в объятиях и ему станет хоть немного легче.

Хотелось бы, чтобы он не обнимал меня так крепко. Не люблю, когда меня трогают. Оправданно или нет, я всегда чувствовала, что люди должны бежать от моей холодной белой кожи, как от огня. Но я не смогла его оттолкнуть и постаралась изо всех сил ничем не выдать своего дискомфорта.

Его лоб покоился у меня на плече, когда я почувствовала, что мне на руку капнула его слеза и медленно потекла вниз. Он не то чтобы плакал, нет, но его слегка трясло. Я ему очень сочувствовала. Потеря Лиама была ужасной — но это, по крайней мере, произошло быстро. Я не мучилась в агонии, живя, как он.

Мой взгляд упал на темную шевелюру Бена, и я поразилась, насколько цвет его волос был похож на волосы Лиама... почти черные, с медным оттенком, если свет падал под нужным углом... Я видела нас в зеркале, висевшем напротив кровати. Его лица не было видно, поэтому Бена сейчас можно было легко принять за младшего брата. В течение нескольких мгновений, я как зачарованная видела вместо Бена только своего мужа. И мне

очень захотелось сказки — я прикоснулась щекой к его волосам и крепко обняла...

Но потом Бен заговорил и разрушил иллюзию.

— Сначала... Хайди, а потом эта история с Лиамом... не могу вспомнить, когда я был счастлив. — Он отстранился. — А ты? Как думаешь, ты еще будешь счастливой?

— Наверное, однажды, — я замолчала, мне вдруг показалась до смешного наивной надежда на истинное счастье, учитывая тучу, зависшую надо мной. Такое не вычеркнешь из жизни. Казалось невозможным, что боль когда-нибудь утихнет, и я была уверена, что, если счастье замаячит в будущем, то, вспомнив о Лиаме, я вновь впаду в глубокое отчаяние. Так и буду двигаться по спирали, переживая ужас потери раз за разом...

— Извини, — тихо сказал Бен, пытаясь улыбнуться. — Не хотел тебя расстраивать. Ты из-за меня приуныла, да?

— Чуть-чуть, — ответила я, тоже попытавшись улыбнуться. — Как было бы здорово, если бы мы искали волшебную палочку, а не лебединую песню. Тогда бы потом мы могли взмахнуть ею, и все вернуть, как прежде.

— Иногда невозможно вернуться к былому, — ответил бесцветным голосом Бен. — Сколько ни старайся. — Он взглянул на свои часы и добавил: — Уже очень поздно, давай спать.

Когда он наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку, мои глаза смотрели в зеркало, и я притворилась, что женщину, отражающуюся в зеркале, целует мужчина, которого она любит больше жизни.

Но в следующую секунду Бен встал и вернулся на диван, бросив через плечо:

— Спокойной ночи, Жасмин, — а потом лег и выключил настольную лампу.

Я легла в кровать и сделала то же самое, погрузив комнату во тьму.

Глава 15

Татуировка «Лебедь»

Той ночью мне приснилась маленькая черная лошадка. Она ожила, спрыгнула со столика на кровать и поскакала ко мне. Она наступила мне на руку одним холодным копытом, потом другим, в общем, пока вся не оказалась на моей ладони. А потом лошадка легла на бок и прижалась головой к моей коже, словно к чему-то прислушивалась.

Но потом лошадку сменил другой образ — волшебный лес под темным небом, заполненным мерцающими звездами.

На снегу лежали черепа и черные розы, здесь же была и та лошадка. Она проскакала между костями и цветами, найдя дорогу ко мне, и снова оказалась у меня в руке.

Я проснулась. Пальцы жгло от ощущения, что конь сидел у меня на ладони. Но нет. Когда я включила свет, то увидела, что фигурка стояла на столе, рядом с рыцарем, там же, где я их и оставила. Я оглядела комнату, как будто бы ничего не изменилось, все было в порядке, единственный звук исходил от Бена, который храпел на диване. Я выключила свет и легла, странный сон все не покидал моего сознания.

Мне потребовалось какое-то время, чтобы вновь уснуть, храп Бена мешал. Но в то же время, мне показалось неразумным идти и толкать его, когда он был столь великодушен и уступил мне кровать. Наконец я уснула и проснулась, когда в окно проник солнечный свет. Диван пустовал, а в ванной лилась вода. Я повернула голову, чтобы взглянуть на прикроватный столик. Рыцарь с фотографией стояли на месте, а вот фигурка коня отсутствовала.

Я откинула одеяло, чтобы проверить, вдруг она упала на пол. Потом я пошарила под кроватью и на кровати, но нигде не смогла её найти. В приступе паники, я уж было подумала, что её кто-то украл, и практически бросилась к двери ванной, чтобы позвать Бена.

Но шум воды прекратился и Бен, мокрый и взволнованный, вышел из ванной, в одном полотенце, обернутом вокруг бедер.

— Лошадь пропала! — выпалила я, не дав ему открыть рта. — Или она у тебя? — Я поднялась на цыпочки и вытянула шею, чтобы заглянуть ему через плечо, надеясь увидеть её на раковине рядом с нашими зубными щетками.

— Ну, разумеется, её там нет! — Старый добрый раздраженный Бен — будто и не было ничего вчера вечером. — Она на кофейном столике, — сказал он. — Когда я проснулся, то видел её там.

Я обернулась, и действительно, как он и сказал, лошадка стояла на столике, в целости и сохранности.

— Извини, — сказала я, поворачиваясь. — Я думала... её кто-то украл.

— Никто не знает, что она здесь, у нас, — заметил Бен.

Он хотел было вернуться в ванную, но я вцепилась в дверную ручку и не дала двери закрыться.

— Поймай! А что у тебя на плече?

Когда он развернулся, я заметила на плече какой-то подозрительно знакомый силуэт...

— Ах, это — всего лишь татуировка, — небрежно сказал Бен.

Он все еще пытался закрыть дверь, но я просунула ногу в щель, тем самым не давая ему этого сделать.

— Дай, посмотреть, — настаивала я.

Он нехотя повернулся так, чтобы я смогла разглядеть татуировку как следует. Это был черный лебедь — прямо на его плече!

— Где ты её набил? — спросила я тихо. При виде неё, у меня мурашки по коже забегали.

— Да я просто... проснулся с ней, — ответил Бен, после недолгого раздумья. — Где-то полгода назад. Понятия не имею, как она там оказалась.

— То есть, ты говоришь, что она просто... появилась?

— Ну да, просто появилась.

— Болит? — спросила я, вспоминая, что он то и дело массировал себе плечо.

— Иногда.

— И что бы это значило?

— Просто не представляю, — сказал он.

— Слушай, ну не может быть, чтобы тебе ничего не пришло в голову? Чем ты занимался в тот день?

— Да ничем. Ничем особенным. Я просто с ней проснулся.

— Но, Бен...

— Слушай, татуировка у меня уже не один месяц, и кроме того, что она время от времени болит, больше ничего, так может, мы закроем эту тему?

— Ладно, как скажешь, — сказала я, поднимая руки, дескать, сдаюсь, испугавшись его агрессивного тона.

К концу дня у меня будут другие заботы, о которых стоит волноваться и татуировка Бена в них не входила. Но все же тот факт, что она вот так запросто появилась, не позволял мне отмахнуться от него.

— Я хочу одеться, — сообщил Бен и скрылся за дверью.

Я подошла к дивану и села. Руки автоматически подобрали лошадку со столика.

И она вновь ожила в моих руках.

Мрамор треснул и раскололся пополам, как яичная скорлупа, явив крошечную черную лошадку, настоящую во всех смыслах. Лошадка-Дюймовочка. Я вскрикнула, мои руки дернулись, и я неумышленно выронила её. Лошадка-Дюймовочка приземлилась на ковер с глухим стуком, и на краткий миг я испугалась, что из-за моей неуклюжести она могла пострадать. Но через секунду она уже поднялась на копыта и отряхнулась, здоровая и невредимая, а потом помчалась мимо дивана.

Она двигалась как настоящая, да она и была настоящей... шерсть на ощупь приятная, шелковистые грива и хвост. Она подбежала к моему футляру со скрипкой, заскочила на него и принялась вышагивать по крышке, стуча копытами по поверхности.

Наполовину одетый Бен услышал мой крик и открыл дверь ванной.

— Что случилось?

Не смея произнести ни слова, я ткнула пальцем на прохаживающуюся по моему футляру лошадку. Бен посмотрел в направлении, которое я указала, и я заметила, как он разволновался, когда увидел лошадку. Мы оба, молча, таращились на неё. Сначала я думала, что она просто так ходит там, дергая головой и фыркая крошечными ноздрями. Но потом я обратила внимание на крошечные следы, оставляемые ею на костяной пыли, которой после вчерашнего был покрыт мой футляр.

Удивительными были не столько следы, сколько слова, которые они образовали, вернее

имя: Анри Роль-Танги.

А потом лошадка спрыгнула и поскакала обратно к дивану. Прискакала и уткнулась мне в лодыжку. Я взяла её в ладони, стараясь держать, как можно аккуратнее.

Несмотря на обстоятельства, я не могла отделаться от чувства восторга, наблюдая за этой лошадкой у себя на ладони. Она прошагала до кончиков пальцев, заглянула через край, а потом, развернувшись, вернулась на середину ладони и посмотрела на меня. Если бы не её размеры, то она была бы вылитым Кини. Те же прекрасные черты, лоснящаяся шерсть и карие глаза — крошечная, идеальная сказочная лошадка. Она целиком и полностью пленила меня.

Бена же, похоже, больше заинтересовало имя на футляре.

— Анри Роль-Танги, — взволнованно пробормотал он. — Знаешь его?

— Нет, — ответила я. — А ты?

Он не ответил, развернулся к футляру, и еще раз произнес про себя имя, словно сам мог вот-вот вспомнить — кто это. Но потом тряхнул головой и сказал:

— Не помню, чтобы вообще слышал это имя.

А следом он вскинул голову, взглянул на лошадь и сказал:

— Нам пора идти. Бери её с собой.

— Зачем?

— Затем, что снежно, — сказал он, натягивая рубашку и торопливо застегивая пуговицы. — Может, она на снегу еще какую-нибудь подсказку копытами вытопчет.

Я бросила взгляд на футляр и заметила, что это имя занимало почти всю его поверхность, так что возможно, ей и правда не хватало места, чтобы «написать» что-то еще.

— Дай её мне, — приказал Бен, поднимаясь на ноги и протягивая руку.

— Мы же не можем вот так запросто разгуливать с ней по гостинице, — возразила я. — Кто-то может заметить.

Бен оглядел комнату и его взгляд упал на коробку с дорожными шахматами. Он взял её и вынул все фигуры, а потом протянул её мне.

— Вот, возьми.

Я аккуратно поместила туда лошадку, а потом мы вышли из гостиницы на улицу. Вокруг не было ни души, поэтому мы присели за нашей машиной, чтобы нас не было видно из окон ресторана, и выпустили «Дюймовочку». Похоже, лошадку несколько не смутило путешествие, и когда Бен протянул руку и поставил ее на снег, она осталась невозмутимой, а мы, затаив дыхание, уставились на неё. Она подняла голову и огляделась, приняв себя, а потом восторженно поскакала по снегу. Еще немного погодя, она повалилась на спину, и каталась по земле, задрав копыта. Я не смогла сдержать улыбки, наблюдая, как же она радуется, но с другой стороны, похоже, она больше не собиралась нам помогать.

— Не думаю, что она еще что-нибудь «напишет», — высказал вслух мои подозрения Бен и убрал лошадку обратно в коробку. — Так что давай сосредоточимся на том, что у нас уже есть.

Мы пропустили завтрак и отправились напрямик в комнату Бена, вбили в поисковик Google имя, но без особого успеха. Был такой известный французский коммунист по имени Анри Роль-Танги, и хотя мы много чего о нем прочли, так и не нашли связи между ним, Лиамом или Нойшванштайном. Кроме того, оказалось, что он уже умер. Несколько лет назад.

Мы блуждали с сайта на сайт, и чем дальше, тем недовольнее Бен поглядывал на

лошадку, которая, не обращая на него внимания, радостно скакала по комнате.

— Может быть, мы зря теряем время, — сказал Бен наконец. — Может, эта лошадь вытоптала свое чертово имя.

Мысль была настолько глупой, что я не смогла удержаться от смеха — однако, быстро превратила его в кашель, взглянув на лицо Бена.

— Не верю, что это её имя, — сказала я, стараясь придать своему голосу серьезности.

— Хочу сходить в твой номер и прибраться там, — сообщил Бен. — Мы же не хотим, чтобы горничная увидела тот бардак. А ты продолжай искать, пока я не приду. Это имя должно что-то означать. Возможно, оно относится к другому человеку — еще живому — и он знает о том, где Лиам спрятал лебединую песню.

— Хорошо, — сказала я.

Лошадка перестала скакать по комнате и остановилась возле дивана, рядом с моими ногами. Вряд ли она собиралась куда-то убежать, но я все равно подняла её, когда Бен пошел к двери. Последнее, что нам было нужно — это скачущий по коридору конек с ноготок, где его мог увидеть кто-то из гостей и впасть в панику, со всеми вытекающими последствиями.

Когда я поднялась с дивана, мои глаза автоматически посмотрели в сторону окна, на парковку за ним, и я застыла, как вкопанная.

— Бен! — выкрикнула я.

— Что? — спросил он, оборачиваясь.

— Там кровь на снегу! Следы ведут к нашей машине, а потом обрываются.

Мы немедленно вышли на парковку, оставив лошадку наверху в номере. На улице никого не было, но мы прекрасно понимали, что не застрахованы от того, что в любую секунду это может измениться. След тянулся от машины, но начинался где-то ниже по дороге. Брызги так контрастировали с белым снегом, что меня аж пробрала дрожь.

Естественно было предположить, что эти следы оставило какое-нибудь израненное животное, но почему-то мне казалось, что это не так. Поэтому я почти удивилась, когда опустилась на колени рядом с Беном и увидела черного лебедя под нашей машиной.

Сначала я подумала, что птица мертва. Клюв покрыла изморозь, а перья на раненом крыле склеились от крови, да и лежал он на снегу неподвижно. Мы находились недалеко от дороги, может, его сбила машина — обычный несчастный случай... Но мне все равно было неприятно на него смотреть, последний раз я видела мертвых лебедей на похоронах Лиамы. И вот теперь, видеть еще одного... Это вызвало во мне почти рефлекс Павлова — грусть и брезгливый ужас. И я не могла отделаться от ощущения, что его появление должно было что-то означать — и скорее всего, ничего хорошего. Но продолжала твердить себе — это мертвая птица, мертвая птица, только и всего...

Уже через секунду Бен выругался и полез под машину, доставать лебедя.

Когда он поднял его с земли, некоторые перья остались на снегу, примороженные к земле кровью. В объятьях Бена, с локтя которого свисала безжизненно болтающаяся, длинная лебединая шея, птица казалась невероятно большой.

— Э... что ты делаешь? — спросила я, когда Бен встал.

— Дай мне свой жакет, — велел он тоном, не терпящим возражений.

— Зачем?

— Чтобы спрятать его. Не хочу рисковать, когда внесу его в гостиницу, вдруг кто-то увидит.

— В гостиницу? Бен, нельзя тащить мертвую птицу туда!

— Он еще жив!

Я была поражена тоном его голоса и тем, что Бен сказал «он». Как будто, как бы смешно это не звучало, он лично был знаком с этим лебедем...

Бен встретился со мной взглядом и понял, что выдал себя.

— Это не просто лебедь, — признал он неохотно. — Теперь дай мне свой жакет.

Все еще сомневаясь в правдивости слов Бена, я, тем не менее, сорвала с себя жакет. Его размера не хватило, чтобы прикрыть такую здоровую птицу, но как бы там ни было, я набросила его сверху, и Бен помчался к себе в номер. Поднявшись, он сразу же бросился в ванную и велел мне включить воду.

— Что ты хочешь делать? — спросила я, выполняя то, что он велел.

— Он замерзает. Я хочу его согреть.

— Но это же черный лебедь! — возразила я.

— Черный лебедь рядом с Нойшванштайном, — прорычал он.

Когда ванна наполнилась горячей водой уже наполовину, Бен опустился на колени, все еще держа лебедя на руках.

Потом он повернул ко мне голову.

— Отойди, — велел он. — На всякий случай. На самом деле, может, тебе вообще лучше выйти из ванной.

Я сделала шаг назад и встала в узком проеме. Но не собиралась покидать ванную. Я смотрела, как Бен развел руки, и птица с плеском упала в воду. Мне сложно сказать наверняка, что произошло дальше, так как с моего места не все было видно, да и Бен загораживал обзор. Но было много брызг, а потом из ванной показалась человеческая рука, которая схватилась за её край, и все это сопровождалось звуками, как будто кого-то душили. Через секунду я уже стояла возле Бена и заглядывала ему через плечо. От черного лебедя осталось только несколько черных перьев, плавающих на поверхности воды, а на его месте появился мужчина, которого я сразу узнала.

Высокий, обнаженный, грязный, в синяках и крови — это был Лукас.

Глава 16

Разбитая скрипка

Кто-то выругался, и, скорее всего, это была я, потому что Лукас был занят тем, как бы не утонуть в ванной, попутно обливая Бена розовой водой. Похоже, он потерял много крови, и на некоторые раны, определенно, нужно было наложить швы. Его мокрый кашель говорил о том, что он наглотался воды, когда был бесцеремонно сброшен в ванную. Губы у него посинели от холода, а на волосах все еще болтались сосульки.

Я видела Лукаса дважды — на конюшне у дедушки с бабушкой и на озере Альпзее. Бен же утверждал, что не знает его, поэтому я немало удивилась, когда он, убрав с лица мокрые волосы, сказал:

— Я же сказал тебе, идиот, не возвращаться сюда! Почему ты никогда меня не слушаешь?

— Я просто не думал... что они могут узнать... — начал было оправдываться Лукас, стуча зубами, но Бен прервал его.

— Ну конечно они узнали! Ты не можешь хранить секреты от них! Уж ты-то это знаешь, как никто!

— Тебе нужна моя помощь, — Лукас упрямо продолжал твердить свое.

Бен вздохнул и сказал:

— Надо защитить тебе руку. Меч, да?

— Булава, — ответил Лукас. Похоже, он был горд собой. — Всего лишь царапина. Я был настолько быстр, что она едва меня чиркнула.

— Ну да, — хмыкнул Бен. — В ином случае, ты лишился бы руки. Жасмин, можешь принести мне... — Он не договорил предложение, когда повернулся ко мне, и его взгляд встретился с ошарашенным моим. Словно он знал о моем присутствии, но до сего момента ему даже не приходило в голову, что это означало. Его рот открылся, и он долю секунды тупо смотрел на меня, а потом все-таки произнес обессиленным голосом: — Гмм, что ж. Ты уже знакома с Лукасом.

Он неопределенным жестом махнул в сторону человека в ванной, который улыбнулся мне и сказал:

— Привет, Жасмин.

— Здравствуй, — ответила я. Мой голос прозвучал до нелепого жестко и формально, учитывая обстоятельства.

А учитывая оттенок розового в ванной, меня немало удивило, что Лукас так легко отделался. Конечно, сейчас над ним не нависала никакая угроза, но, думаю, это было не по-людски, оставить обнаженного мужчину продолжать истекать кровью в ванной. Поэтому я отчеканила самым ледяным голосом, на который была способна:

— Я пошла за аптечкой. И пока я буду ходить, может, вы сумеете придумать внятное объяснение тому факту, что вы, похоже, неплохо знаете друг друга, при том, что ты мне врал в лицо, будто не знаком ни с каким Лукасом.

Я так разозлилась на Бена, что мне хотелось вцепиться ему в плечи и трясти, трясти, пока из него не посыпались бы зубы. У этого человека не было ничего святого?! Он лгал мне, не прекращая. Лиам не раз говорил мне, что Бен эгоистичен и эгоцентричен. Но я вдруг поняла, что в первую очередь, я злюсь на себя — потому что вновь и вновь доверяла ему.

Только потому, что Бен был братом Лиамы, а он держал меня за идиотку. Сама виновата. Но от осознания этого мне стало еще хуже.

— Идиотка, идиотка! — проклинала я себя, ища аптечку трясущимися руками. И почему я все еще доверяла людям? Что за дебильный инстинкт? Почему, ну почему, я верю словам Бена? Нужно быть жестче. Нарастить панцирь. Надо учиться на своих ошибках. Но я же, как та глупая обезьяна в научном эксперименте: продолжаю нажимать на кнопку, и меня продолжает бить током, пока не убьет совсем.

— Жасмин, это не то, что ты думаешь, — сказал Бен, появившись у меня за спиной.

— Да неужели? — сказала я, радуясь про себя тому, как жестко прозвучал мой голос. — Потому что я думаю, что ты мне солгал про Лукаса. Как лгал обо всем.

— Это... Нет. Я солгал, потому что... — Он умолк, покачал головой, затем сказал: — Уверю тебя, на то была веская причина!

— Потрясающе! Что за причина, расскажи, тогда я не буду злиться!

Бен посмотрел на меня. Его рубашка была заляпана кровью черного лебедя-Лукаса, а волосы все еще не высохли. Секунды тянулись, а он все молчал. Это было невыносимо и так выводило из себя...

— Просто брось мне нитку с иглой, — крикнул из ванной Лукас, — и я сделаю все сам.

— Что он такое? — прошипела я, тыча пальцем в сторону ванной.

— Он... рыцарь, — тихо ответил Бен. — Лебединый рыцарь. Бродяга. Его изгнали.

— За что?

— За нарушение одного из правил. Но он на нашей стороне.

— Бен, а мы с тобой на одной стороне? — спросила я, когда из ванной послышался всплеск воды.

Он помолчал, его плечи поникли, и он устало пробормотал:

— Жасмин, теперь я даже не знаю.

Он оглянулся на Лукаса, который тем временем появился в дверях. Мокрый и совершенно голый.

— Не мог бы ты чем-нибудь прикрыться, а? — огрызнулся Бен.

— Ах, да, — небрежно ответил Лукас, хватая ближайшее полотенце, — забыл, что людям не нравится нагота.

— Ну, мы же здесь не одни с тобой, — многозначительно сказал Бен, когда Лукас обернул полотенце вокруг бедер.

— Ой, на мой счет можно не переживать, — сказала я холодно. — Чего я там не видела. Он может гулять хоть голышом, мне все равно. — Я протянула аптечку Бену и с прищуром посмотрела на Лукаса. — Быстро ты согрелся, если учесть, что еще недавно валялся полумороженным лебединым полуфабрикатом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Нас сложно убить, — объяснил Лукас. Он посмотрел на Бена, который включил чайник. — Я с удовольствием выпью чаю, если нальете.

— Я не собираюсь чай гонять! — сердито сказал Бен. — Нужно простерилизовать иглу.

— О. Понятно, — сказал Лукас, усаживаясь на край кровати. — Не злись на Бена, — сказал он мне. — Я не должен был с тобой разговаривать.

— Откуда вы друг друга знаете? — холодно спросила я.

— Мы познакомились с ним здесь, в Нойшванштайне, — ответил Бен.

— Значит, ты уже бывал здесь? — спросила я, отмечая про себя, что и об этом он мне солгал.

— Я бывал здесь много-много раз! Я начал поиски лебединой песни задолго до смерти Лиамы. С тех пор, как он её спрятал.

— Но... твоя мама сказала мне, что ты работал в Германии...

Бен прервал меня гневным жестом.

— Ну, я вряд ли бы ей об этом сказал, как считаешь? Вряд ли её обрадовало бы, расскажи я ей, что не работал почти год, что потерял свою репутацию, сбережения, невесту... черт возьми, да я все потерял — из-за твоего гребаного мужа!

— Бен, — пробормотал Лукас, судя по всему, предупреждая его.

— Так что да, я знаю, кто он такой, — зло сказал Бен, взмахнув рукой в сторону Лукаса. — Я был в курсе про Рыцарей-лебедей, короля Людвига и лебединую песню с самого начала.

— Тогда почему не сказал? — Я была просто вне себя от злости. — Какого черта мы тратили время на этого Эдриана Холсбаха, замки и озеро, если ты и так уже все знал?

— А, ну конечно же, тут же все очевидно?! Не правда ли? — буравя меня глазами, гневно ответил Бен. — Отвожу я тебя на похороны в сторонку и говорю такой: «О, кстати, Жасмин, а ты в курсе, что твой благоверный спер волшебный голос лебедя и припрятал где-то, и теперь некие люди пытаются его найти, а лебединые рыцари, так вообще из лат выпрыгивают, так они недовольны его пропажей, и теперь еще пуще бдят за волшебными лебедями, а мы с тобой, значит, должны будем пойти к той несчастной, немой возлюбленной Людвига — к изгнаннице царевне-лебедь, вдруг она чем поможет, иначе случится неизвестно что, и никому мало не покажется, а мы будем еще несчастнее, чем есть...». Скажи я тебе все это, как думаешь, каким было бы твое следующее действие? Ты бы подумала, что я сбрендил. Поэтому я и хотел, чтобы ты слышала все то же самое от других и сложила кусочек за кусочком в единую картину, как это сделал я. Я подумал, что так тебе будет легче это принять. Но, похоже, я в очередной раз ошибся. Чтобы я, ни сделал, все, черт побери, будет не так, да?!

— Ты... ты... — От гнева я начала заикаться. Не уверена, что смогла бы выразить словами, насколько я была в ярости от его слов. Мне даже пришлось побороть желание схватить все, что попадется под руки и бросить в его наглую башку. — Да как ты смеешь так со мной разговаривать! — проорала я, наконец, обретя дар речи. — Ты беспринципный, холодный, бездушный, самодовольный, эгоистичный мерзавец! Ты со мной обращался как с грязью с тех пор, как все это началось! Ты лгал мне, орал на меня, грубил! Был бесчувственным и жестоким! Ни грамма такта! Ты только усложнял, а не упрощал! Лиам был прав — ты чертов эгоист!

Бен поднес руку к голове и тихо-тихо проговорил:

— Не знаю, как я смогу продолжать все это. Это слишком тяжело.

— Бен, ты сам в этом виноват! Так не должно было быть. Мы оба хотели одного и того же. Мы оба любили одного и того же человека...

— Любили? — переспросил Бен и посмотрел на меня с таким выражением лица, что я даже непроизвольно отступила назад. — Любили? Да не любил я Лиам!

Лукас поднялся с кровати, но я едва слышала его слова о том, что нам всем нужно успокоиться. В следующую секунду Бен пересек комнату, схватил меня за руки и навис надо мной. Мне были видны и пульсирующая жилка на его виске, и то, как в его глазах пылал гнев. Его пальцы больно врезались мне в кожу, и он даже встряхнул меня слегка, когда

прокричал мне в лицо:

— Я ненавидел Лиама, Жасмин! Просто охренеть, как я его ненавидел! Я был рад узнать, что он сдох! Если бы не исчезновение лебединой песни, я бы плакал от счастья на его похоронах! Понимаешь? А? Я ненавидел этого человека! Жаль, что он раньше не подох!

Я просто не верила своим ушам. Это был совершенно не тот человек, который открылся мне прошлой ночью. Я задрожала от страха и гнева. Наверное, Бен это почувствовал и резко отпустил меня, словно его ударило электрическим током.

Он попятился назад... я впервые видела, чтобы он так вышел из себя и не отдавал отчета своим действиям.

— Жасмин, — почти шепотом сказал он. — Прости, прости. Я не в силах больше себя сдерживать. Я теряю контроль.

В неожиданно наступившей тишине слышно было только неровное дыхание Бена. А потом я произнесла жестким, незнакомым голосом, который будто и не принадлежал мне:

— С меня хватит, я выхожу из игры.

Я развернулась на пятках и вышла из номера, желая поскорее оказаться от Бена как можно дальше. Но мне пришлось вернуться в его номер, чтобы забрать свои вещи. Я старалась делать все как можно быстрее, на случай, если он решит пойти за мной и попытается уговорить не уезжать, ведь здесь и сейчас мне хотелось только одного — быть подальше от него.

Когда я открыла дверь, маленькая лошадка, испугавшись, спряталась под кофейный столик, но, видимо, узнав меня, она вылезла из своего укрытия и радостно помчалась ко мне. Я схватила сумку, а следом и коробку из-под шахмат Бена, чтобы поместить в неё лошадку.

Никем не преследуемая, я выбралась из гостиницы и дошла до машины. Но быстро ехать, увы, не получалось. Мне вообще пришлось ехать вслепую, поэтому я просто как можно чаще поворачивала, съезжая с главной дороги, в надежде, что тогда у Бена не будет шансов меня найти, даже, если он отыщет еще одну машину, чтобы пуститься за мной в погоню.

Когда, наконец, я почувствовала себя в безопасности, оказавшись на безлюдном участке дороги, я выключила двигатель. Я дрожала от отвращения, и сердитые слезы заполнили мои глаза. Как же я ненавидела Бена! Как он мог такое говорить о Лиаме?! Как он посмел?! О собственном брате?! До этого разговора я думала, что его настроение было связано с тем, как он расстался с Лиамом. Но теперь было совершенно очевидно, что он не испытывал никаких угрызений совести — даже толику печали по поводу смерти своего брата! Как же так можно? Не оплакивать потерю родного брата? Я пыталась уговорить себя, что Бен наговорил все это в горячке — он просто был зол на Лиама за то, что тот спрятал лебединую песню или умер...

Но в глубине души я знала, знала, что с Беном было что-то не так. Это было внутри него, и Лиам всегда об этом знал — именно по этой причине он не хотел, чтобы Бен приходил к нам в дом, участвовал в нашей жизни, именно по этой причине он и не хотел искать пути примирения с ним.

Вот каким Бен был внутри — мерзким, жестоким и практически бесчеловечным в своей холодности...

Я сидела в машине и думала, что же делать дальше. После его выходки, я понимала, что не хочу с ним иметь ничего общего. И уж точно я не желала помогать ему в поисках лебединой песни. Но ему была нужна лебединая песня для Хайди, и я чувствовала, что

должна продолжить пытаться искать то место, где Лиам её спрятал, если не ради Бена, то ради неё. Правда, мне пришло в голову, что он вполне мог выдумать эту душещипательную историю про болезнь, чтобы обмануть. Но нет. Я не смогла себя в этом убедить. Он был так искренен, так убедителен... Он может быть черствым, бессердечным ублюдком, но по тому, как он говорил о ней, было понятно, что там действительно с Хайди творилось что-то неладное, и, что Бен любил ее. Так что, какой у меня был выбор, кроме как попытаться помочь ему?

Заставив свое тело двигаться, я вышла из машины и сделала несколько глубоких вдохов морозного горного воздуха, расправила плечи и взяла себя в руки. Вся суть была в том, что чем раньше мы найдем песню, тем раньше я смогу оказаться подальше от Бена и больше никогда с ним не встречаться. Этот ночной кошмар закончится, и я смогу вернуться домой, в свою безопасную обитель, в круг своей семьи, к любимой еде и сну в мягкой постели.

Снедаемая тоской по дому, я уселась обратно в машину и, развернувшись, поехала обратно к гостинице, надеясь, что смогу без проблем отыскать туда дорогу, если учесть, что уехала я, куда глаза глядели.

К счастью, я довольно легко и просто нашла дорогу обратно. Я припарковалась на гостиничной стоянке, а потом заставила себя выйти из машины и войти внутрь. Только-только мы начали ладить с Беном, и он все разрушил. Как же я негодовала. Я могла только надеяться, что ему тоже удалось успокоиться, хоть немного, чтобы между нами вновь не началась гражданская война. Я уповала на то, что мы еще способны были на вежливое общение, но не слишком обольщалась.

Я взяла коробку из-под шахмат и пошла к себе в номер, ожидая, что Бен и Лукас там. Теперь, когда я знала кто такой этот Лукас на самом деле, мне очень хотелось с ним еще раз побеседовать. Может, имя Анри Роль-Танги ему что-то скажет, может, он знает больше о том, что произошло на озере в ночь, когда там были Эдриан, Джексон и Лиам. Лукас вообще мог находиться там. Во всяком случае, его история подтвердит или опровергнет рассказы остальных участников.

Но когда я открыла дверь в свой номер, то никого там не обнаружила. Зато номер был чистым, ни единого следа костяной трухи. Окровавленная игла и нитки лежали там, где я их оставила, чтобы Бен зашил Лукасу руку, но оба они исчезли. Потом я вспомнила, что Лукасу нечего было надеть, и решила, что они поднялись к Бену, чтобы подобрать Лукасу одежду. Правда, вряд ли бы эта затея увенчалась бы успехом, потому что Лукас был прилично выше Бена.

Я поднялась на третий этаж. У меня был ключ от комнаты Бена, поэтому я без труда отперла дверь и вошла, не постучавшись. Лукаса нигде не было видно. Но Бен был там. И он держал в руках мою электронную скрипку.

У меня сжалось сердце — он держал мой любимый инструмент, открытый футляр валялся на полу, а по его вельвету были разбросаны черные розы. Во мне немедленно вспыхнул гнев. Никто не имел право брать мою скрипку. Никто. Она была слишком ценна, и значила для меня слишком много, чтобы позволять другим людям прикасаться к ней. Кроме того, не умеющие играть на скрипке, очень часто обращаются с ней не должным образом, неуважительно. Они не понимают, как легко она может расстроиться. И вот Бен стоял посреди комнаты и держал в своих лапах мое сокровище. Этот человек не имел никакого права касаться её, особенно, когда меня здесь не было.

— Что, черт тебя дери, ты делаешь? — отчеканила я.

Он посмотрел на меня, и на его лице появилось странное выражение.

— Это ведь для тебя самая дорогая вещь на свете, не так ли? — спросил он голосом, напроочь лишенным эмоций.

— Да, — ответила я настороженно. У меня появилось очень плохое предчувствие. — А что?

Он отвернулся, чтобы полюбоваться на мою красавицу. И мне не понравилось то, как он это сделал.

— Положи! — приказала я. — Немедленно! У тебя нет прав прикасаться к ней!

Он оглянулся, его лицо ничего не выражало, но слова, которые он произнес, наполнили меня ужасом:

— Прости, Жасмин.

И я уже откуда-то знала, что он собирался сделать. Я ринулась вперед, переполняемая страхом, когда он занес скрипку над головой, и повалила его на кровать всей массой своего тела. Скрипка вывалилась из его рук и ударилась об пол с глухим стуком, от которого мне стало нехорошо. Все еще лежа на нем, я вытянула шею, чтобы оценить масштабы катастрофы. Струны, конечно, придется вновь настраивать, но в остальном вроде бы все было в порядке. Скрипка не пострадала.

— Да что с тобой не так? — проорала я Бену в лицо.

Не говоря ни слова, он грубо сбросил меня на кровать. Я попыталась схватить его за рубашку на спине, чтобы не дать ему встать, но не успела. Мои пальцы оказались недостаточно быстрыми. Время, будто остановилось, и это мгновение навсегда отпечаталось в моей памяти: моя изящная серебристо-голубая скрипка лежит на ковре, к ней приближается Бен и заносит свой ботинок над ней, с моих губ срывается умоляющий вопль не делать этого, но он не обращает никакого внимания, и его нога со всей силы обрушивается на инструмент. Я закрываю глаза, но слышу треск древесины, пластмассы и визг металлических струн, когда ботинок Бена растирает их по полу.

Ни одна скрипка не смогла бы пережить подобного, но я не могла принять случившееся, поэтому, когда открыла глаза, бросилась на Бена, стала бить его и царапать. Мне удалось один раз хорошенько ударить его по лицу, оставив на коже след от обручального кольца. Но потом у него получилось схватить меня за руку, и он грубо бросил меня на кровать с такой силой, что я распласталась на ней.

Его поведение можно было объяснить только тем, что он окончательно свихнулся. Я приняла вертикальное положение и умоляюще окликнула его:

— Бен!

К моему удивлению, он остановился и взглянул на меня. Я не ждала, что он внемлет мне, и когда он обратил на меня внимание, я не знала, что сказать. Какие слова помогли бы? Как можно было заставить его понять, что эта скрипка значила для меня? Я любила все свои скрипки, но эта была особенной — другой такой у меня уже не будет. Её нельзя было заменить. Ведь Лиам лично выбирал цвет и дизайн; он заплатил за неё, держал её в руках. Он слушал множество раз, как я играла на ней. Я вспоминала его и чувствовала себя ближе к нему, благодаря скрипке. Даже фотографии и домашнее видео не обладали такой силой, как она... Нужно было как-то заставить Бена понять её значение для меня, пока не стало слишком поздно. Он ударил по ней всего один раз, и, возможно, навсегда испортил её звучание. А может, её еще можно было спасти и отремонтировать... Меня душили эмоции, слезы ручьем лились из глаз, и я прохрипела испуганным голосом:

— Пожалуйста, прошу тебя, Бен. Ты не понимаешь, что эта скрипка значит для меня... Она... очень важна... — Я умолкла, больше не в силах говорить, потому что видела, что мои слова ничего не изменили. Я никогда ни у кого не видела такой решимости в глазах.

Я не увидела ни проблеска тепла, ни сочувствия на его лице. Только злость и горечь. Я смотрела на него и не узнавала. Бен будто стал мне совсем чужим.

Не произнося ни слова, он отвернулся и еще раз наступил на то, что осталось от моей скрипки. На этот раз я не смогла оторвать взгляда. Я смотрела, как трещит древесина, рассыпаясь на мелкие щепки, как скручиваются сиротливо струны поверх осколков.

Теперь в этой грудке обломков едва ли можно было узнать скрипку. Как же у меня болело сердце, оно готово было разорваться в груди. Я опустилась на пол, чтобы собрать остатки своей драгоценности — прекрасно понимая, что мне её не спасти. Но я просто хотела еще раз к ней прикоснуться. А Бен взял еще и мой смычок и сломал его об колено, бросив два обломка на пол.

Он постоял какое-то время, глядя на меня сверху вниз, а потом медленно произнес:

— Сработало?

Я онемела точно так же, как тогда, когда доктор сообщил мне о смерти Лиамы. Как такое могло произойти? Я с трудом сосредоточила взгляд на Бене, а потом с усилием выдавила немного невнятно:

— Что... сработало?

Он не ответил, развернулся к двери и зашагал прочь. Я подскочила на ноги и произнесла, резко и отчетливо:

— Бен!

Он повернулся, положив руку на дверную ручку и, клянусь, на мгновение его лицо преисполнилось надеждой, словно я собиралась сказать, что убийство моей скрипки ничего не значит, и он прощен. Но вместо этого я сказала:

— Я не знаю, как и когда, но клянусь Богом, я найду способ отомстить тебе за содеянное. Ты будешь страдать, как никто и никогда, — пообещала я.

Я никогда никому не говорила таких, полных ненависти, слов.

Он одарил меня тяжелым взглядом и пробормотал:

— Не сомневаюсь, Жасмин, не сомневаюсь.

Потом он открыл дверь и был таков. Я опять рухнула на колени, словно кто-то мне врезал по ногам, и собрала обломки себе на колени, просидев так не один час, оплакивая их. Я рыдала, пока не выплакала все глаза, пока едва смогла держать их открытыми от боли. Я все никак не могла смириться с мыслью, что моей замечательной электронной скрипки больше нет. А эти кусочки на моих коленях — все, что от неё осталось. Лучше бы я вообще не умела играть, и Лиям никогда мне её не дарил.

За что? За что? Почему Бен сделал то, что сделал? Должно быть, он был просто в отчаянии, раз то и дело причинял мне боль. И все же, какой в этом смысл? Подобное случается лишь в ночных кошмарах. Да, он с самого начала не симпатизировал мне, вел себя холодно, но я даже в страшном сне не могла представить, чтобы он вот так себя поведет. Я ведь совершенно не знала его. Совсем. Неудивительно, что Лиям не хотел иметь ничего общего с ним. Ну почему, почему я его не послушала? Почему я сразу же начала ему доверять?

Внезапно мне отчаянно захотелось услышать голос Лияма. Я дрожащими руками достала сотовый из кармана, позвонила домой и зарыдала еще сильнее, когда услышала

запись автоответчика: «Вы дозвонились до Лиамы и Жасмин. Извините, но сейчас мы не можем подойти к телефону, оставьте свое сообщение, и мы перезвоним вам сразу же, как только сможем»...

Я звонила и звонила на свой домашний, пока не кончились деньги на SIM-карте. После я отшвырнула мобильник подальше и свернулась калачиком на полу, вокруг своей разбитой скрипки. Мой разум переполняли воспоминания о Лиаме: первый день в школе — когда он на площадке назвал меня Снежной принцессой; все те случаи, когда он защищал меня в школе, будучи моим рыцарем в сияющих доспехах, без страха и упрека; день — когда он подарил мне скрипку; когда мы ездили в Мюнхен и ели «Лебкухен», запивая его пряным глинтвейном, и все это под снегопадом; день нашей свадьбы и день его смерти у озера, когда от него не осталось ничего, кроме пустой оболочки, которая и была доставлена в больницу. Какой во всем этом был смысл? Я ненавидела его за то, что он умер и оставил меня разбираться во всем самой. Ну почему он не мог войти сейчас в номер, взять меня на руки, убаюкать и сказать, что все будет хорошо?

Я свернулась на полу, накрыла голову руками и забылась беспокойным сном на час-другой. Когда я проснулась и увидела ковер, то немедленно пожалела о том, что не могла сбежать обратно в сон и небытие. Уже наступило утро, но я не чувствовала, что отдохнула от событий, произошедших накануне. Поэтому я лежала еще какое-то время на полу. Я не выспалась и думала, что снова усну, но безрезультатно. Мне просто хотелось больше никогда не шевелиться.

Но какое-то время спустя, мою печаль постепенно сменил гнев, и я преисполнилась холодной решимости. О чем я только думала? Лежала здесь и жалела себя. Я резко села, убрала со лба спутанные волосы. Я больше не буду беспомощной жертвой. Скрипка уничтожена. Что сделано, то сделано. Словами её не вернешь. Придется просто научиться жить без неё, как я научилась жить без Лиамы.

Мне слабо верилось, что Бен ищет лебединую песню ради Хайди. Мне вдруг подумалось, что я совершенно не могу представить Бена, способного на все ради любви.

Она, скорее всего, бросила его, вот откуда у него её кольцо. Ну и поделом ему! История, которую он мне рассказал, наверняка, продуманная уловка, хитрость, чтобы я нашла лебединую песню и вручила ему прямо в руки. Ну что ж, найти я её найду, но не отдам Бену.

Глава 17

Затерянная в горах

Первое, что мне нужно было сделать, это убраться подальше от Бена. Теперь мы будем искать лебединую песню порознь. Он определенно будет не в своей тарелке после содеянного, и я боялась его. Недостаточно, чтобы помешать в попытке обойти его в поисках песни, но довольно, чтобы мне хотелось бежать от него, куда глаза глядят. Я не могла теперь без содрогания вспоминать, как мы сидели на этой кровати, один на один, и он прижимался ко мне как ребенок.

Может быть, вдруг пришло мне на ум, именно поэтому его мать была так резка со мной, когда я сказала, что хочу поддерживать с ним связь. Возможно, она знала, на что способен её сын, и хотела, чтобы я, ради своей же безопасности, держалась от него подальше. Возможно, она просто не хотела обнародовать тот факт, что ее сын психически неуравновешен, что он хотел причинить мне боль — любыми способами. Именно поэтому он сломал мою скрипку. Но единственное, чего он добился — разозлил меня. Жажда мести — уродливое чувство, но, по крайней мере, оно придавало сил.

Как же мне хотелось заставить его заплатить. Ну, ничего-ничего, я ударю еще сильнее.

Я заставила себя спуститься на второй этаж, в свой номер, немного нервничая, вдруг он был там.

Но мне повезло, его здесь не было, поэтому я быстро собрала вещи — включая каждый кусочек скрипки — и вышла к машине. Но той не оказалось на месте. Её забрал Бен. Когда я вернулась в его номер, то обнаружила, что все его вещи исчезли. Должно быть, он пришел и собрался, как только я покинула его комнату. Судя по всему, он изначально собирался уехать после того, как сломал скрипку.

Не осталось даже зубной щетки, так что, не думаю, что он вернется. Поэтому я заплатила по счетам, вызвала такси и переехала в другую гостиницу. Я не хотела, чтобы он знал о моем местонахождении. Мне нужно было затаиться, пока я не решу, что делать дальше. Я понятия не имела, куда делся Бен, оставалось только гадать. Может, теперь он с Лукасом искал лебединую песню, а может, и один. Все, что я знала — Лукас мог сообщить ему, кто такой Анри Роль-Танги, и они могли отправиться искать его вместе.

Когда я вошла в свой новый номер в другой гостинице, тут же поставила чемодан у двери. Номер оказался точно таким же, как мой прежний, разве что чуть меньше. И темнее. И он куда больше меня удручал, потому что на этот раз я была совершенно одна и не знала, что делать дальше. Я уже сходила в замки и на озеро. В каких еще местах бывал Лиам, и что мне нужно посетить?

Озеро. Я же еще не успела сходить на него ночью, когда, предположительно, оно изменялось. Бен почему-то не очень-то хотел туда идти, но, если подумать, оно было самым важным местом. Меня передернуло при мысли, что придется ехать туда после наступления темноты. Ехать к замку-то было жутковато, но тогда со мной был Бен, и я еще не знала, что он чокнутый.

И все же, навестить озеро было необходимо. Раз некому со мной идти, придется идти одной. Подожду до темноты и пойду, спрячусь в деревьях и постараюсь, чтобы меня никто не увидел.

Но как мне было добраться туда, машина-то осталась у Бена. Я прокляла все на свете,

понимая, что сейчас мне придется найти новое ближайшее прокатное агентство и снова брать машину в аренду, а оно, впрочем, может находиться не так уж и близко, а это значит, мне вновь предстояло потратить время и деньги. Но с другой стороны, может, это лучше, чем делить одну машину с Беном.

Итак, я спустилась и вызвала еще одно такси. К счастью, соседний город Фюссен находился не очень далеко, и так как он был популярным туристическим местом, там имелось агентство по прокату автомобилей. Я выбрала самый дешевый автомобиль и вернулась в гостиницу, всего раза три свернув не туда по дороге назад.

Наконец я вернулась к себе, гордая тем, что пусть и не без проблем, учитывая мое плохое умение ориентироваться на местности, сумела найти дорогу назад. На часах было уже почти четыре, а это значило, что обед я пропустила, но у меня в чемодане еще оставалось кое-что съестное из припасов, сделанных в Мюнхене. Поэтому я достала их и засела за ноут, который тоже извлекла из чемодана. Я не собиралась сидеть сложа руки, дожидаясь темноты. Да и нужно было себя чем-то занять. Поэтому следующие несколько часов я просидела в Интернете, используя гостиничный Wi-Fi.

Я решила продолжить поиски Анри Роль-Танги, но безнадежно. Через некоторое время, сытая по горло безрезультатными поисками, я вернулась к истокам — немецкому фольклору, который и привел Лиаму к Нойшванштайну и Людвигу. Он рассказывал мне, что Германия волшебная страна — родина сказок, собранных братьями Гримм, которые путешествовали по стране и собирали сказания простого люда, чтобы увековечить их — Золушку, Рапунцель, Гензеля и Гретель... Сказания, полные магии, жестокости, злых мачех, лесорубов и ведьм...

Я сузила поиски, искала только все, что было связано с заколдованными лебедями и их рыцарями.

Мифы и легенды слегка разнились, однако, общим оставалось одно: заколдованные лебеди днем — птицы, ночью — женщины. И я наткнулась еще на такую историю: рыцари были необходимы лебедям, потому что песня их была настолько завораживающая и сильная, что злые колдуньи, жившие в горах, расставляли силки для лебедей, чтобы красть их голоса. Вот почему лебеди в конце концов оказались связаны с озером — таким образом, рыцари всегда знали, где они, и им было проще их защитить.

Поскольку миф был по большей части немецким, мне определенно не хватало знания языка, чтобы расширить круг поиска, включив немецкие источники. Поэтому мне пришлось ограничиться только англоязычными порталами.

Лошадку я выпустила из коробки, позволив ей погулять по номеру. Мне казалось несправедливым держать её взаперти. По большей части она просто бродила по комнате, изучая новое пространство, но через какое-то время послышался хрустящий звук, я опустила глаза вниз и увидела, что она подбирает с пола крошки и ест их. Я нахмурилась. Мне ни разу не пришло в голову, что она может быть голодной и её нужно покормить. Я положила ей на пол несколько чипсин и налила воды в мыльницу.

А следом меня поразила одна мысль. Я искала заколдованных лебедей и Анри Роль-Танги, но я даже не подумала поискать информацию о крошечных лошадках. Какое-то время я сидела и вбивала в поисковик различные словосочетания, связанные с маленькими лошадками, которые не давали никаких результатов. Тогда я вновь посмотрела на свою Дюймовочку и вспомнила свою первую мысль, когда увидела её — будто она идеальное сказочное существо... лошадка из сказки. Мои мысли вернулись в детство, когда я гостила у

бабушки с дедушкой. В отличие от большинства взрослых, я верила в сказки и фей, одну из которых мне довелось однажды увидеть. Я знала, что она настоящая. Кто сказал, что у них не было лошадей?

Оставшееся время я провела за чтением информации о феях и их местах обитания. Я узнала, что их мир прятался на холмах, горах и в дикой местности. Некоторые источники описывали фей, как вредных и игривых, в то время как другие называли их непостоянными, жестокими существами, которые заманят в ловушку любого, кто нашел дорогу в их волшебную страну и не позволят никому из неё вернуться...

И я прочла, что у фей действительно были животные — крошечные, идеально подходящие им... прямо как моя лошадка, которая сейчас бродила по номеру...

Немного погодя, я спустилась вниз поужинать. Еда оказалась так себе, да и обслуживание не очень. Номер был идеально убран, но все же уюта прежней гостиницы не наблюдалось. Я поймала себя на мысли, что с удовольствием вернулась бы в ту гостиницу. Но тешила себя мыслью, что здесь Бен меня не найдет, так что оно того стоило.

Время неумолимо ползло вперед, а это значило, что скоро нужно будет трогаться в путь. Мысль о том, что придется идти в горы по темноте, меня пугала, но в половине двенадцатого я заставила себя надеть пальто, убрать лошадку в коробку и, взяв сумку, выйти к машине. Повсюду лежал снег — на дорогах и окрестных соснах; вода в водопадах перемерзла, заставляя эти глыбы льда держаться за скалы, между которыми змеилась дорога.

Я была уверена, что найду дорогу до замков и озера.

Поэтому было очень странно, что я так быстро заблудилась, оказавшись на развилке, которую совсем не помнила. На самом деле, даже не зная хорошо эту местность, я могла поклясться, что раньше её здесь не было. Я притормозила, пытаюсь разобраться, где же нахожусь. Ехала я в правильном направлении, потому что, когда выезжала, видела впереди маячащий в горах Нойшванштайн, бледный и призрачный, в широких, синих полосах света. Мне показалось, что нужно забирать налево, поэтому я свернула. Откуда мне было знать, что в это мгновение я совершила свою первую ошибку... Хотя с другой стороны, может, что бы я ни делала — ничего не изменилось, и все уже было predetermined. В конце концов, со мной в машине находилась одна из их лошадок.

Вскоре я поняла, что сделала неверный поворот, потому что маршрут был совершенно мне незнаком. Я подумывала развернуться, но с другой стороны, быть может, я все же ехала правильно, потому что впереди по-прежнему высились Нойшванштайн и Хоэншвангау, поэтому я посчитала, что, скорее всего, натолкнулась на альтернативную дорогу. Наверняка существовала не одна дорога, чтобы добраться до замков и озера. В общем, вскоре я доехала до длинной прямой дороги, которую узнала — она вела к озеру Альпзее. Свернув на неё, я очень ясно видела замки — будто два орла отдыхали на своих насестах в горах.

Но к тому времени, когда я доехала до конца дороги, оба замка, Нойшванштайн и Хоэншвангау, исчезли.

Сначала я подумала, что, наверное, их заволокло туманом, но погода стояла ясная — звездная ночь без признаков тумана. Я остановилась и огляделась по сторонам. Может, я каким-то образом умудрилась развернуться так, что замки оказались позади меня. Но, посмотрев назад, увидела только длинную дорогу и высокие сосны в снегу.

Безумие какое-то. Всего пять минут назад я их видела. Куда они подевались-то? Я остановила машину на обочине и вылезла. Нужно было перевести дух. Я была уверена, что постою здесь, покручу головой и снова увижу их. Но ничего подобного. Такое ощущение, что

я уехала далеко-далеко от них. Но я ехала по одной дороге, прямой как палка, всего несколько минут. Смущала разве что сама дорога, которая почему-то не петляла, как большинство дорог в этой местности.

Я забралась обратно в машину. Меня обступили темные горы, звезды подмигивали пустынной дороге. Не знаю, как так вышло, но бессмысленно было отрицать тот факт, что я окончательно и бесповоротно заблудилась. На пару-тройку секунд я положила голову на руль. Вот тебе и взяла все на себя. Ничего не скажешь. Все, что мне удалось сделать — нанять машину и заблудиться в горах. От меня никакого толку. При мысли об этом, мои щеки залились краской стыда. Итак, у меня был почти полный бак бензина, значит, оставалось только ехать и ехать, пока не удастся выбраться на основную дорогу, на которой были знаки или указатели. И рано или поздно, я увидела бы замки, они не могли просто так взять и исчезнуть. Просто мне их не видно, они где-то там, высоко, вот и все. Я откинулась в кресле, пристегнула ремень безопасности и повернула ключ в зажигании.

Ничего.

Движок даже не посчитал нужным попыхтеть, сделать вид, что он заводится или хотя бы пытается. Ничего. Словно у машины его вообще не было. Я предприняла несколько попыток, но тщетно. Я потихоньку начала поддаваться панике. Пустынная дорога, мороз, я здесь совершенно одна, посреди ночи, никто не знает, где я... Но все же постаралась взглянуть на эту ситуацию спокойно. Это всего лишь раздражающее неудобство, не более. Может быть, я и заблудилась, но, по крайней мере, я была к этому готова. Прежде чем ехать, я упаковала фонарь и немецкий путеводитель, который купила в калифорнийском аэропорту. Я также убедилась, что мой сотовый заряжен и закинула на него еще денег, после того, как все потратила на звонки домой ночью. А значит, я в состоянии вызвать помощь. В буклете есть номера спасателей, наверняка и телефон аварийной службы найдется.

Опять же, придется потратить больше времени, сил и денег, и озера мне сегодня не видать. Это очень раздражало, но откуда мне было знать, что машина просто так, без причин, перестанет работать?

Я покопалась в сумке и нашла номера экстренных служб. Но когда полезла в карман за сотовым, задумалась. Английский, язык международный, так что наверняка, кто-нибудь поймет меня, но когда они приедут вытаскивать меня отсюда, я должна буду сообщить свое местонахождение. Не могу же я, в самом деле, сказать, что нахожусь где-то в окрестностях Нойшванштайна. Они меня проищут всю ночь, если вообще согласятся приехать.

Я посидела некоторое время, стараясь не заламывать руки. Хотя изначально мой план путешествия до озера под покровом ночи был рискованным, перспектива выйти сейчас на улицу пугала куда больше. Может, потому что я заблудилась так быстро. Но опять же, деваться было некуда, если я хотела, чтобы за мной приехали и машину отбуксировали до гостиницы, рассказать о своем местоположении необходимо.

Я не могла рисковать и уходить далеко от машины, чтобы окончательно не заблудиться, но пройтись до поворота дороги можно было себе позволить. Во мне теплилась надежда, что там может оказаться какой-нибудь дорожный знак или указатель. Поэтому я захватила с собой фонарик, который, к счастью, был динамофонариком, то есть работал не от аккумуляторов, а значит, светил он слабее, но, по крайней мере, не мог погаснуть в самый неподходящий момент. Хоть что-то, учитывая мою везучесть сегодня.

Пока я шагала по совершенно пустой дороге, и только снег хрустел под моими ногами, я то и дело, оглядывалась, чтобы удостовериться, что машина все еще на месте. Я изо всех сил

старалась не думать о рыцарях, заколдованных лебедях или скрытых воротах в сказочную страну. Я вздрагивала при каждом шорохе сосновых иголок или легком ветерке, колыхавшем мои волосы, — словно кто-то проводил своими длинными пальцами по ним...

Я заставила себя пройти до конца дороги, но и там не обнаружила никаких указателей, только очередной отрезок пустой дороги, скрывающийся во тьме. Я повернула назад, отчаянно пытаюсь сохранять спокойствие, которое быстро ретировалось, спасовав перед моим затруднительным положением. А еще я очень злилась на себя. Все-таки я сама была во всем виновата. Я вернулась к машине, собственное дыхание громыhalo у меня в ушах. И вдруг у меня возникло чувство, что за мной наблюдают. Такое знакомое чувство, мучившее меня после смерти Лиама.

Когда я взглянула вверх, деревья мне показались слишком высокими и тонкими — мертвые ветви верхушек отлично просматривались на фоне полной луны... и у меня возникло ощущение, будто они ожили и наблюдают за мной. Я вспомнила шелест иголок, хотя все сосны были припорошены пушистыми шапками. И вот ветер опять неестественно всколыхнул мне волосы, будто пропустил сквозь пальцы. А потом раздался одиночный волчий вой, или вроде того: кто-то взвыл вдали, и я чуть было не припустила бежать со всех ног, без оглядки. Меня посетила еще одна, не самая здравая мысль, от которой стало еще страшнее, когда мне вдруг почудилось, что у меня за спиной вот-вот кто-то появится. Недолго думая, я припустила к машине, но споткнулась и распласталась на снегу. У меня сердце ушло в пятки. Как можно быстрее, я вновь поднялась на ноги, запрыгнула на водительское сиденье и заблокировала все двери.

Спасатели вообще-то могли найти меня и, не зная конкретного адреса, наверное, достаточно было отследить сигнал моего мобильного или что-то в этом роде... Я открыла крышку телефона, и у меня упало сердце — «Нет сигнала», высветилось на экране сотового.

Я на краткий миг прикрыла глаза. Может, кто-то испытывал меня, но если честно, я не знала, сколько еще выдержу. Я от досады провела рукой по волосам и опять почувствовала их. Меня будто током дернуло, я опустила козырек, чтобы посмотреть в зеркало. На левой стороне головы кто-то заплел мои волосы в косички. Они не были скреплены, поэтому тут же начали расплетаться, но кто-то же их заплел. И уж точно это была не я.

Едва ли можно было описать мой ужас, пока я таращилась в зеркало. В конце концов, это были всего лишь косички. Но, наверное, я напугалась бы меньше, обнаружив человека на заднем сиденье. Когда я шла по дороге, то почувствовала ветерок, и его прикосновение было очень похоже на человеческое. Вот теперь я была больше чем уверена, что ко мне действительно кто-то или что-то прикасались. Может, я не могла их увидеть, но они точно были там.

Я провела руками по косичкам, похлопала ладонями по одежде и оглядела машину. Как дура, почему-то все еще продолжая надеяться на то, что я не одна. Но ведь так и было. Ничто, ничто не заставит меня выйти из машины, я просижу в ней всю ночь до утра. Только бы не окоченеть до смерти. Пойти куда глаза глядят, вообще не вариант. Просто не в...

Внезапно у меня отвисла челюсть, и сердце чуть не выскочило из груди, когда я увидела в серебристом лунном свете крошечную черную лошадку посреди дороги, прямо перед машиной. Я метнулась к коробке, лежащей на пассажирском сиденье рядом со мной, и тут же увидела, что та свалилась вниз, на бок. Крышка открыта, а лошадка исчезла.

Каким-то образом она выскочила из машины, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы последовать её примеру.

— Нет, — сорвалось с моих губ, когда лошадка рысцой помчалась по дороге прочь от машины, оставляя за собой следы крошечных копыт. — Нет, нет, нет!

Я рванулась к двери, судорожно пытаясь её разблокировать, чтобы поспеть за лошадкой, схватить её и вернуться в машину, пока она не убежала совсем. Она была моей единственной зацепкой, которая могла привести к лебединой песне раньше Бена. И я просто не могла позволить этой искорке волшебства ускользнуть неизвестно куда и бросить меня навсегда. Поэтому я открыла дверь и рванула за ней с фонарем в руке: сердце бешено билось, а пятки выбивали снежное крошево, разлетающееся позади меня.

Глава 18

Сказочные похороны

Ну и, разумеется, моя Дюймовочка не могла просто скакать по дороге, ей обязательно понадобилось податься в лесную чащу, где было очень темно, и только кое-где сквозь кроны проникал лунный свет. Воздух был неподвижным и немного сырым, по сравнению со свежестью дороги — как будто прошлогодние гниющие листья лежали под свежим снежным покровом, что было странным, ведь сосны — растения вечнозеленые.

Благодаря слабому свету своего фонарика, мне удалось не потерять лошадку из поля зрения, прекрасно, к своему ужасу, осознавая, что я удалялась от машины все больше и больше. Каждый раз, цепляясь волосами за ветви деревьев, я в ужасе озиралась, думая, что невидимые пальцы вновь плетут косы из моих волос.

Я не могла себе позволить хотя бы на мгновение выпустить лошадку из виду, потому что тогда потеряла бы её навсегда. Не будь снега, её бы скрыла темнота, но, к счастью, её шерсть очень хорошо контрастировала на его фоне, и мне было хорошо видно её покачивающуюся головку. Я попробовала её негромко позвать, но бег и страх, заставили меня прикусить язык, ведь меня мог услышать кто-то еще, тем более, что я уже и так порядком наделала шуму, преследуя лошадку.

Снег в лесу выпал не вчера, и потому был не мягким и пушистым, а жестким и острым, как стекло. Поэтому, когда я оступилась и запнулась о корень дерева, то порезала ладони о безжалостную ледяную корку, оставив на ней кровавый след.

Фонарик улетел в сторону, когда я упала, свет пропал, и какое-то время я лежала, распластавшись и тяжело дыша, как мне казалось, одна, в крошечной тьме. Никогда еще мне не было так страшно. Впервые я готова была расплакаться от страха. Нельзя было уходить от машины. Нужно было просто отпустить лошадку... Я ощущала себя слепой мышкой без фонарика, пошарив пальцами и сломав ледяной наст, мои руки только глубже погрузились в мягкий и сырой снег.

Постепенно глаза мои привыкли к темноте, и я нашла свой фонарик. Он лежал неподалеку. Я поспешно схватила его и завела дрожащими пальцами, молясь, чтобы только это и нужно было сделать, чтобы он вновь заработал. Когда он тихо затрещал и появился свет, я с облегчением выдохнула. Теперь я не была так беспросветно беспомощна.

Я стряхнула снег с одежды и огляделась. Обыкновенный сосновый бор, в котором невозможно было выделить какой-то участок, потому что они ничем друг от друга не отличались. Я посмотрела вниз на снег и поняла, что еще не заблудилась, несмотря на то, что след лошади давно простыл. Ведь остались мои следы, и по ним я могла вернуться к машине, как только захотела бы.

Следы заканчивались там, где я стояла, но стоило мне приглядеться получше, и я увидела вереницу крошечных следов от копыт, исчезающую в чаще леса. Я застыла в нерешительности. Стоит ли мне собрать всю волю в кулак и пойти за ней? Или лучше вернуться к машине? Мне очень хотелось вернуться, залезть в салон, запереть все двери, свернуться от ужаса в клубок на заднем сиденье и в таком положении ждать утра.

Что-то в этом лесу было вне пределов моего понимания — что-то заплело мои волосы в косички.

Пожалуй, самым разумным было вернуться к машине... и я почти так и сделала. Мое

желание досадить Бену уступило желанию выбраться из леса, и мне подумалось, может быть, поиск лебединой песни просто не стоил того. И если поразмыслить... что я стану делать, когда найду её? Уж точно не продам, тем более, что понятия не имею как, кому и куда нужно продавать раритеты...

Я покачала головой и сделала шаг назад, к машине. Но остановилась. Грудь изнутри обожгло чувство страшной потери — сегодня это впервые случилось не во время сна.

Обычно я испытывала подобное ощущение только первые несколько секунд после пробуждения — это понижывающее чувство, будто ты потерял что-то невозполнимое — но оно не имело отношения к Лиаму, и я никак не могла понять, что же еще такого ценного я могла потерять. Лукас упоминал о чем-то таком на озере Альпзее. Ему откуда-то было известно об этом, и он сказал мне, что я смогу вернуть «это», только найдя лебединую песню, и как можно быстрее.

У меня не было ни малейшей причины доверять Лукасу. На самом деле, я совсем ему не доверяла, ведь как оказалось, он был в дружеских отношениях с Беном. Но и отрицать это чувство утраты тоже было невозможно. Самым страшным было то, что я понятия не имела, чем оно вызвано. И я вдруг почувствовала, как во мне возникла какая-то странная убежденность, что если я сейчас вернусь к машине, то так и не узнаю, откуда это чувство появлялось во мне. Я навсегда упущу возможность узнать правду. Поэтому я сделала глубокий вдох и тихо, насколько это было возможно, пошла по следам крошечных копыт, оставленных на снегу, старясь тешить себя мыслью, что в любую минуту могу по своим следам найти дорогу к машине — как Гензель и Гретель нашли дорогу домой по хлебным крошкам.

Какое-то время я шла быстро, надеясь догнать лошадку. Снег под ногами скрипел, ветви деревьев так и норовили зацепить мою одежду и запутаться в моих волосах. Минут пять я провела в полной тишине. Если рядом и были какие-то животные, то я их не слышала. У меня сложилось такое впечатление, что я единственное живое существо в этих горах. И только мне стоило об этом подумать, как откуда-то неподалеку раздалось пение лебедя. Как же это было красиво, в жизни не слышала ничего прекраснее. Я слышала пение ангела — меня окружил, будто снег, падающий мягкими хлопьями, ясный, серебристый голос. Он доносился со стороны, куда ускакала лошадка. И я, очарованная этой песней, отчаянно захотела как можно скорее оказаться ближе, совершенно не замечая, насколько шумно я это делала.

Несколько мгновений спустя, я, пошатываясь от усталости, вышла на маленькую поляну, окруженную белыми свечами, и пение оборвалось. Я заметила шквал чьих-то размытых движений, словно в разные стороны разлетались какие-то светящиеся существа. Даже в отсутствие свечей, в лунном свете можно было легко различить четкие, крошечные, светящиеся следы. Не один десяток. Они были повсюду. Похоже, я чему-то помешала. Но мне наконец-то удалось догнать черную лошадку. Она стояла посреди поляны в лунном свете. Я вошла в круг свечей, чтобы рассмотреть, возле чего она стояла, и замерла, как вкопанная. Это был маленький перламутровый гроб, сантиметров в пятнадцать длиной.

Я вторглась на похороны в волшебном царстве.

Какое-то время я просто таращилась на гробик. Мне было очень не по себе, и это еще мягко сказано. Но тут что-то стукнулось о мою руку. Сначала я подумала, что вновь пошел снег. Но потом опустила взгляд и увидела у своих ног на снегу черный лепесток. А потом еще один и еще. Я подняла глаза. Они дождем падали вокруг меня, мягким бархатом лаская

мою кожу, источая знакомый сладкий аромат.

Когда дождь из лепестков закончился, они уже укрыли собой весь круг, и белый гроб резко выделялся на их фоне. Затем с неба упал последний предмет, тяжелее, чем все остальные: полноценная роза, которая приземлилась на крышку белого гроба.

У меня мурашки пробежали по коже, отчасти от того, что вокруг лежали лепестки, а отчасти — что все это напоминало мои сны, в которых, правда, падали только перья. Я стряхнула лепестки с волос и с плеч и вздрогнула. Ко мне приближался тусклый огонек, который поначалу я приняла за мерцание свечи. Приглядевшись внимательнее, я поняла, что, несмотря на мягкость свечения, это была не свеча, а фея, — совсем как та, которую я видела много лет назад у бабушки с дедушкой, только это был мальчик.

У него были те же синие волосы и эльфийские черты лица, но больше всего меня впечатлила его одежда — длинный теплый кафтан насыщенного синего цвета, с серебряными пуговицами. Я задумалась, может, мне нужно выйти из круга, может, он зол на меня за мое, такое бесцеремонное, появление на их похоронах. Но, по правде сказать, я не могла шевельнуться, не могла отвести от него глаз. Я была так же очарована им, как и тогда, в первый раз, в пятилетнем возрасте. Я смотрела, как он подобрал черную розу. Роза был длиннее его тела. Он держал цветок горизонтально, аккуратно, обеими руками, крепко ухватившись за стебель. Потом он приблизился и протянул мне её, давая понять, что хочет, чтобы я взяла цветок.

Медленно я опустилась на колени на душистый черный ковер из лепестков роз перед ним, достаточно близко, чтобы разглядеть серебряный цвет его глаз и длинные, бледные ресницы. Я подставила свою руку ладонью вверх, и он бросил розу на неё.

Краем глаза я заметила еще несколько движущихся ярких пятен, снующих между верхушками деревьев и сидящих на ветвях. Я снова посмотрела на розу, и та начала распадаться в моей руке, её лепестки облетели и упали мне на колени. Стоило розе опасть, как я вновь услышала песню, которая и привела меня сюда — словно она высвободилась из розы. Песня заполнила всю поляну.

Заслышав песню, феи тут же пустились в пляс. Они все были одеты в теплые синие кафтанчики и платья, у всех были синие волосы и серебряные крылья. Но я не могла рассмотреть детали, потому что все они слишком быстро двигались, — радостно порхали в звездном свете, очевидно, точно так же очарованные лебединой песней, как и я.

Не знаю, сколько я так просидела. В некотором смысле, мне показалось, что прошла вечность. Песня заставляла меня чувствовать себя умиротворенной и довольной жизнью. Как же здорово было наблюдать за танцами фей, я могла бы так просидеть всю жизнь. Это прекрасное место, разве можно было его покинуть. Когда я посмотрела вниз на колени, то заметила лепестки облетевшей розы. Пять из них отличались от прочих: на каждом золотом была написана буква.

И только я собрала их в руку, как мною овладела жуткая сонливость. Я взглянула на мягкую постель из черных лепестков, и мне показалось безумно заманчивой мысль улечься в неё и вздремнуть часок-другой. Правда, внутренний голос уверял, что не стоило этого делать, и феи почему-то перестали танцевать. Они расселись по деревьям и сверху взирали на меня яркими, жадными глазками, будто ждали, когда я уже на это решусь, чтобы проверить какой-то волшебный трюк. Я снова взглянула на ложе из лепестков - ароматное, мягкое, манящее — и не смогла устоять. Я должна была, просто обязана прилечь на них...

Но только я собралась преклонить голову на душистый ковер, как услышала треск веток.

Кто-то или что-то пробиралось через лес. Фей как ветром сдуло. Песня тоже затихла. Я осталась одна на поляне, с лепестками в руке, напрасно озираясь по сторонам в поисках укрытия, когда из-за деревьев на поляну выскочил черный конь. Не маленькая лошадка фей, а настоящий жеребец, фыркающий паром от мороза. Это был Кини, и у него на спине сидел всадник. Лукас посмотрел на меня сверху вниз. На его лице почему-то отразился ужас, и это напугало и меня.

— Итак, значит, ты здесь! — сказал он, скорее себе. — Боже, что ты делаешь?

— Я... я... — начала я, но шанса договорить у меня не было, потому что Лукас наклонился и, схватив меня за руку, втащил на своего коня. То же мне, герой. Я брыкалась и пыталась вырваться. Он мне чуть руку из сустава не выдернул. Но стоило мне оказаться на спине у Кини, как мы молнией помчались по лесу, оставляя волшебную поляну, укрытую лепестками, позади.

Езда на лошади может быть захватывающей, если на вас жокейская шапочка, вы держите поводья, ноги в стремях, и вы полностью управляете ситуацией. Но когда на вас нет никакой защиты, на коне нет ничего, что напоминало бы седло, а ваши ноги просто так болтаются с одного из боков животного, становится уже не до смеха. Можно без преувеличения сказать, что моя жизнь была полностью в руках Лукаса, поскольку только его руки не давали мне свалиться с коня. Вдобавок, каждая мышца моего тела, которое я старалась удержать вертикально, кричала от болезненного напряжения.

Наконец, мы вырвались из леса на дорогу, и Кини замедлился до рыси, потом перешел на прогулочный шаг, а затем остановился. Я стряхнул руку Лукаса и соскользнула с лошади вниз на асфальт, чуть не упав при этом, прежде чем сумела поймать равновесие.

— Псих! — задыхаясь, выкрикнула я, все еще трясась от страха, после такой езды. — Ты мог нас обоих убить!

Лукас, качнувшись, слез со спины Кини, едва услышав мой праведный гнев. А потом, когда он заговорил, его слова ошарашили меня:

— Ты там что-нибудь ела? — требовательно спросил он.

— Что? — хмуро спросила я. — Когда?

— Сейчас! Ты ела что-нибудь, попав в этот лес?

— Нет, конечно, нет, я ничего не ела! — ответила я.

— Маленький народец не предлагал никакой еды?

— Нет, — сказала я. Но мой разум вернулся к тому, как я почти легла и уснула внутри кольца фей. Этот факт теперь одновременно и пугал, и настораживал. Я бы, конечно, не справилась сама, не появись Лукас.

— Слава Богу! Эти чертовы феи опасны, Жасмин, ты должна быть осторожна с ними! Нельзя в одиночку бродить в этих горах после полуночи. Это небезопасно! Глядя на тебя, просто чудо, что с тобой ничего не случилось в этот раз!

— Что значит, глядя на меня? — спросила я. — Какое это имеет отношение к нашему делу?

— Из-за своего альбинизма ты очень похожа на царевну-лебедь, — сказал он. — Вот почему любая горная ведьма забрала бы тебя к себе, и они попытались бы украсть твой голос. Но даже для нормального человека... — Он покачал головой, махнул рукой в сторону леса и продолжил: — Эти горы пересекаются с царством фей. Люди плутают несколько часов, а когда все-таки находят дорогу, то, оказывается, что это дорога фей, и все они хотят задержать у себя несчастного путника на годы. Если съешь еду фей, которую они предложат,

то попадешь в ловушку, из которой не сможешь выбраться и останешься у них навсегда. Какого черта ты вообще ушла с дороги?

— Моя машина сломалась, — сказала я неопределенно, не желая ничего говорить про маленькую лошадку. — А потом я услышала пение.

— Пение? — резко спросил Лукас. — Что за пение?

— Оно и привело меня в то кольцо фей. Мне показалось, что оно исходило из черной розы.

— Это лебединая песня пыталась общаться с тобой, — сказал Лукас. — Вы связаны.

— Как я могу быть с ней связанной?

Он посмотрел на меня и сказал уклончиво:

— Ну, у тебя, очевидно, есть определенная степень ясновидения, иначе ты бы не попала в волшебное царство. Сама лебединая песня оттуда, таким образом, она, вероятно, смогла общаться с тобой, пока ты была там. Она хочет, чтобы ты её нашла. — Он умолк, а потом резко спросил: — Что у тебя в руке?

Я с удивлением посмотрела вниз и обнаружила, что моя рука все еще сжата. Когда я разогнула пальцы, то увидела на ладони пять лепестков, которые подобрала на поляне перед тем, как туда ворвался Лукас.

Я опять сжала кулак, надеясь, что Лукасу не удалось увидеть содержимое моей руки. Они для меня ничего не значили, но вдруг это была подсказка или послание от кого-то, а я не хотела, чтобы об этом узнал Бен.

— Я провожу тебя к машине, — холодно сказал Лукас.

Я смерила его ледяным взглядом.

— Откуда ты знаешь, где она?

— Она стоит вон там, не так ли? — сказал он, указывая вниз на дорогу.

Я обернулась и опешила, увидев свою машину. Она стояла совсем недалеко, хотя мне казалось, что мы ускакали из волшебного царства в противоположном направлении. Мы определенно вернулись не туда, откуда я пришла... Я попыталась убедить себя, что просто заблудилась в лесу. Поэтому у меня в голове путаница.

Но потом я заметила замки — оба, Нойшванштайн и Хоэншвангау — подсвеченные синим и оранжевым светом прожекторов в горах. Они стояли там, где и было положено.

— Их... их там не было, — выдавила я, таращась на замки с изумлением. — Я потеряла их из виду. Вот почему я заблудилась.

Я огляделась по сторонам. Может, кто-то специально переместил машину. Но дорога вроде бы была прежней — длинная и прямая, покой ее охраняли высокие сосны, выстроившиеся как сторожа, по обе стороны от неё. Я уж было приготовилась быть высмеянной Лукасом за свое нелепое предположение, дескать, замки исчезли на какое-то время, но он лишь сказал:

— О чем я и толкую. Ночью здесь все меняется. Давай, вернемся к твоей машине.

— Это бесполезно, она сломалась.

— Что ж, поглядим, — ответил он.

Я не доверяла Лукасу, и мне было неуютно находиться с ним один на один посреди гор, но какой у меня был выбор? Обратно убежать в лес, куда глаза глядят? В общем, я пошла вместе с ним, Кини поплелся следом за нами. Цоканье его копыт меня почему-то даже успокоило, может, потому, что я уже давным-давно ассоциирую лошадей с чувствами счастья и удовлетворения жизнью.

Пока мы шли, я искоса рассматривала Лукаса. На нем было длинное черное пальто, похоже, его собственное, а не Бена, потому что рукава ему были в пору.

— Я так понимаю, твоя рука почти зажила, — сказала я, нарушая молчание. На самом деле, судя по тому, как мы скакали на Кини, не знай я о его руке, так и не подумала бы, что она была повреждена.

— Мы быстро восстанавливаемся, — ответил он, бросив взгляд на меня.

Я подумывала спросить его, знает ли он, куда делся Бен, и почему он так беспощадно разделался с моей скрипкой. Но тут же отмела эту мысль, настолько она показалась мне ненавистой. Это было кощунством, то, что он сделал. А значит, Бен не был достоин того, чтобы я даже думала о нем. Кроме того, неважно, где был он, лишь бы подальше от меня. Поэтому я только спросила:

— Ты был на озере, когда Лиам ночью приходил туда с другими людьми?

Лукас коротко кивнул.

— Был.

— Ты видел, что произошло?

— Ты спрашиваешь, видел ли я, как Лиам и Эдриан убивали лебедя? Да, видел. И я вмешался, пусть и поздно.

— Вмешался? — повторила я. А потом мои глаза сами собой сощурились, когда я вспомнила рассказ Эдриана про рыцаря, которого он видел той ночью... больше двух метров ростом... и сам Лукас упоминал, что впервые встретил Лиам на озере Альпзее — и что у них возникли «разногласия»...

— Это ты затащил Лиам и Эдриана в озеро и чуть не утопил их. — Это был даже не вопрос, а утверждение, не терпящее возражений. Неожиданно мне самой стало непонятно, как же я раньше этого не заметила. Я должна была сразу догадаться, как только узнала об истинной природе Лукаса.

— Правильно, — сказал он спокойно, без каких-либо явных признаков стыда или сожаления.

— Ты не собирался их топить или просто немного просчитался? — спросила я ледяным тоном.

— Нет, я не собирался их топить, — сказал он спокойно. — Несмотря на то, что оба они были плохими людьми.

Не делай глупостей, велела я себе, когда мы остановились у машины. Ты здесь с ним, вокруг больше нет ни одной живой души. Только не выкинь какую-нибудь дурость. Я устояла на снег, чтобы не смотреть на Лукаса, и мои мысли сосредоточились на маленькой тропке крошечных следов от копыт, рядом с которыми остались и мои. И те, и те исчезали в лесу. Это определенно было то самое место, где я оставила машину, но замков раньше видно не было.

— Очевидно, тогда, тебя еще не изгнали, — сказала я, проигнорировав его предыдущее замечание и пытаюсь говорить ровным голосом. Нельзя было поддаваться эмоциям.

— Нет. Меня изгнали после инцидента с твоим мужем.

Я подняла на него глаза.

— Они наказали тебя за то, что ты сделал? — уточнила я, в глубине души порадовавшись этому факту.

— Нет, они наказали меня за то, чего я не сделал. Видишь ли, у нас око за око. Лиам убил одного из наших лебедей, в отместку, я должен был убить его. Вот как все устроено у

нас. Мы связаны жесткими правилами.

— Так почему ж не убил?

— Временная ошибка в суждении, наверное, — ответил он. — Но, знаешь ли, меня вообще не очень прельщает убивать людей. И я не против людей как таковых, в отличие от большинства рыцарей. Наверное, я над ними просто сжалился, хотя они этого и не заслужили. Но оглядываясь назад, скажу, что утони Лиам той ночью в озере, это уберегло бы многих от большого количества бед. Тем более, если учесть, что он и так умер через год.

Во мне вскипели ярость и ненависть так быстро, что я подняла руку и замахнулась, чтобы вцепиться ему по щеке, ничуть не заботясь о том, что он может ударить меня в ответ. Но он перехватил мое запястье, чем взбесил меня еще сильнее, поэтому я попыталась пнуть его коленкой, но он ловко увернулся, а затем резко развернул меня и прижал к машине.

— Успокойся, — сказал он, почти умоляюще. — Прости за все, через что тебе пришлось пройти, Жасмин. Бен хороший человек, а вот Лиам был жестоким, эгоистичным ублюдком.

— Он был моим мужем! — проорала я, и мой голос эхом разнесся по округе, спугнув с ветки птицу с ближайшего к нам дерева. — И будь он так плох, как ты утверждаешь, неужели, я бы не заметила? А? Как считаешь? Ты сам не знаешь, что за чушь несешь! Это Бен — чудовище! Это он несколько часов назад уничтожил мою скрипку! Я знала Лиам много лет, еще до нашей свадьбы и видела, какой он добрый, порядочный, благородный человек! У тебя нет права лгать мне прямо в лицо о нем, и неважно, сколько людей попытается меня убедить в этом, я не поверю ни единому их слову! Я знаю, кто такой Лиам! Все, что ты о нем знаешь — неправда!

Я готова была подписаться под каждым произнесенным мною словом. Это все они ошибались, а не я. Я никогда не стану сомневаться в Лиаме, как бы они ни старались. Я его знала — знала еще маленьким мальчиком, который наблюдал со мной за феями в конюшне, а потом, позже — мужчиной, в которого влюбилась; мужчиной, купившим мне скрипку; мужчиной, который заставлял меня чувствовать себя красивой, любимой, даря чувство защищенности. Эти чувства были реальными, и я не стану в них сомневаться — и неважно, что мне придется узнать о Лиаме по окончании своих поисков. Ничто не заставит меня разлюбить его.

Лукас вздохнул и отступил назад.

— Жасмин, ты все не так поняла, — сказал он тихо, но уверенно, будучи убежденным в своей правоте, как и я. — Почему бы мне не поехать с тобой обратно в гостиницу, чтобы ты не заблудилась?

— Я не сяду с тобой в одну машину! — злобно сплюнула я. — Лучше бы я заблудилась в лесу!

— Главная дорога в пяти минутах езды отсюда, — сказал он спокойно, будто не слушая меня. — Если поедешь по указателям, то легко найдешь её.

Желая воспользоваться только его советом и не более, я открыла дверцу машины, намереваясь быстро запрыгнуть внутрь и заблокировать все двери за собой, а потом завести мотор. Но когда я открыла дверь, что-то упало в снег. Это был маленький металлический рыцарь. Заметив, что он идеально подходит к маленькой лошадке, я решила везде носить его с собой, как Лиам. Должно быть, он в машине все-таки вывалился у меня из кармана.

Лукас автоматически наклонился, чтобы поднять его для меня, но не успели его пальцы сомкнуться вокруг фигурки, как раздалось шипение, и воздух наполнился облачком пара и запахом горелой плоти. Лукас выронил фигурку и отскочил назад, врезавшись в Кини,

который стоял прямо у него за спиной.

— Черт! — пробормотал он, наклоняясь за горстью снега, чтобы унять боль от ожога. А потом он посмотрел на меня и сказал: — Это мощная черная магия. Интересно, Лиам нашел кого-то, кто сотворил ему это проклятье, или сам научился этому.

Он говорил легко и непринужденно, но я заметила его неподдельный интерес. Лукас сделал шаг вперед, держась за спину своего коня и не сводя глаз с рыцаря на снегу — как будто он был вампиром, а рыцарь — распятием.

— Это проклятье требует, чтобы его поддерживали. Так что если Лиаму сотворила его колдунья, то ему нужно было неоднократно возвращаться в Германию, — продолжал говорить Лукас. Я вспомнила, что если верить списку Бена, Лиам несколько раз летал в Германию, но промолчала.

— Бен рассказал мне о пяти мертвых рыцарях-лебедях, упавших с неба на похоронах, — сказал Лукас. — Лиам пригрозил, что если что-то случится с ним, пятеро из нас умрет в день его похорон. Это единственная причина, почему они не пошли за ним, чтобы вернуть лебединую песню. Отлично придумано. Что можно сказать о таком человеке? Умный — безусловно, но можно ли назвать его после этого добрым, благородным и порядочным, а? Как считаешь?

— Я тебе не верю, — сказал я сухо, прежде чем вызволить рыцаря из снега и залезть в машину. Ключи все еще были вставлены в замок зажигания. Я повернула их, и двигатель внезапно ожил, словно и не было ничего. Я вырулила на дорогу и поехала прочь, не сводя глаз с Лукаса и его коня в зеркале заднего вида, пока не повернула за угол на дорогу и не потеряла их вовсе из виду.

Глава 19

Разлука влюбленных

Я хотела все-таки попасть на озеро, но взглянув на светящиеся часы на приборной панели, с удивлением обнаружила, что уже пять часов утра. Не может быть?! Я провела в лесу не больше часа. Я сверилась с наручными часами, они показывали то же самое время. Вот оно, доказательство того, что время в горах иногда и правда течет по-другому. Мне показалось, что я плутала всего час с того времени, как перестал заводиться двигатель, а на самом деле прошло целых пять часов.

Мне не хотелось больше блуждать, поэтому я решила, что проще вернуться в Фюссен и найти гостиницу, чем искать озеро. К счастью, главная дорога была именно там, где сказал Лукас, и мне было очень легко найти путь назад, словно я никогда и не сбивалась с него.

Какое же это было облегчение, наконец-то пробраться на цыпочках в свой номер. Я изнемогала от усталости. Мои джинсы все вымокли от снега. Но я не полезла сразу в постель, а уселась за стол и разложила перед собой пять лепестков. Черные розы уже несколько раз являлись мне, но изнутри этой, последней лилась прекрасная песня. По словам Бена, лебединую песню можно было превратить в любой предмет, и теперь, кажется, я знала, во что именно она была превращена — это должна была быть черная роза. Я ощутила крошечный прилив торжества, по крайней мере, теперь мне было известно, что нужно искать. И буквы на лепестках что-то значили, лишь бы удалось расставить их в правильном порядке.

Я сидела и составляла из лепестков различные варианты: ИРЖПА, ЖПАРИ, ЖИРАГ, ПРИЖА, РАПИЖ, ЖПИРА... Спустя полчаса я, раздосадованная, откинулась на спинку кресла. Не было таких слов. Может, у меня не хватало какого-то лепестка, или нескольких. Ведь я только-только собрала их, когда на поляну ворвался Лукас и утащил меня на своем коне. Я легко могла их обронить...

Но потом я увидела его — единственно-верное слово, которое можно было составить из этих лепестков. Я подалась вперед вся в нетерпении и разложила лепестки правильно. Посмотрев на работу рук своих, я улыбнулась. Как там говорил Лукас: лебединая песня сама пыталась общаться со мной? По какой-то неизвестной мне причине, она хотела, чтобы я нашла её. Итак... ПАРИЖ.

Я серьезно раздумывала о поездке в Париж. Можно было сесть в машину, сейчас же отправиться туда и не заморачиваться ни с какими авиабилетами. Но я понятия не имела, как туда добраться, я и так не спала почти всю ночь, поэтому сейчас мне совсем не хотелось садиться за руль.

Я смогла вздремнуть, пока солнце не выглянуло, а потом связалась с моим турагентом, чтобы обо всем договориться. Затем собралась, вернула арендованный автомобиль и заказала такси до аэропорта Мюнхена, не очень переживая из-за денег, потому что мечтала поскорее добраться до Парижа. Я была уверена, что лебединая песня где-то там. Если верить списку Бена, то Лиам, в тайне от меня, посещал Францию. А еще лошадка «написала» французское имя Анри Роль-Танги, значение которого мне еще только предстояло выяснить. Я не очень переживала из-за того, что моя Дюймовочка осталась в лесу. Похоже, она принадлежала тому месту, и она привела меня к розе. Наверняка, она уже сделала все, что должна была.

Я корила себя за то, что взглянула на лепестки в присутствии Лукаса. Он наверняка увидел их у меня в руке и сумел подобрать анаграмму. А потом он мог связаться с Беном и сообщить об этом. И Бен сейчас может быть уже в Париже. Я не знала, что именно буду там делать; единственной моей мыслью было начать с Анри Роль-Танги и попытаться разыскать его. Вряд ли их много проживает в Париже.

А еще, возможно, там был какой-нибудь памятник или статуя знаменитого коммуниста, и сам Лиам спрятал лебединую песню где-то неподалеку... Но это казалось невероятным. На самом деле, я думала, что вероятнее всего, черная роза спрятана в сейфе в каком-нибудь банке. Но с другой стороны, Лукас сказал, что Лиам вряд ли бы воспользовался банком. Хотя банк — это единственное возможное место, где можно было спрятать предмет и держать его там, сколько захочешь. Если бы роза осталась где-то в доступном месте, то у Лиамы не было бы уверенности, что кто-то в итоге не наткнется на неё, пусть и случайно.

И с чего мне было доверять словам Лукаса? Все, что он сказал о лебединой песне, которую я слышала ночью, было ложью, чтобы сбить меня с курса. Я уже довольно наговорила с банкирами и юристами после смерти Лиамы, но ничего не теряла, проверив, был ли у него сейф в одном из банков Парижа.

Ожидая посадку на свой рейс в аэропорту Мюнхена, я едва не заснула на чемодане, поэтому, сев в самолет, отключилась еще до взлета. Когда мы приземлились в аэропорту Шарля де Голля, у меня было такое ощущение, что я всего на минуточку закрыла глаза.

К тому времени, когда я получила свой багаж и разобралась, как купить билет на поезд, чтобы попасть в центр города, я уже совершенно выбилась из сил. Хотя волнений теперь у меня поубавилась, ведь я путешествовала только с чемоданом, без футляра со скрипкой. Её обломки лежали упакованными в чемодане. Я решила пока оставить себе хотя бы их.

Я попросила своего турагента подобрать мне какой-нибудь недорогой номер в гостинице в центре, и зарезервировала одноместный номер для себя в отеле «Деламбре», в районе Монпарнас. Я добралась до гостиницы в полдень и единственное, чего мне хотелось больше всего на свете, это лечь в кровать и проспать остаток дня. Но я не могла себе этого позволить, зная о предстоящих мытарствах с банками. Потому я свалила вещи в другую комнату номера, предавшись кратким мукам ностальгии по дому, и оглядела спальню. А потом вышла в город с путеводителем по Парижу в сумке.

Выдался тяжелый, длинный, довольно унижительный день сурка, события которого повторялись раз за разом, из банка в банк. Каждый раз приходилось искать сотрудника, говорящего по-английски. Я объясняла, что недавно овдовела и хотела проверить, не держал ли мой покойный муж счет или ячейку в их банке. Где-то приходилось очень туго, потому что сотрудники банка требовали соответствующие документы, и только потом они проверяли, был ли у них открыт счет или заведена банковская ячейка на имя Лиамы Грейси. А вот с банками поменьше таких проблем не возникало, они сразу же проверяли и сообщали, что такого человека нет в их базе данных. Но все они смотрели на меня, как на чокнутую. Во-первых, я определенно не была француженкой, а, во-вторых, у меня не было разумного объяснения, с чего я решила, что у моего покойного мужа, в тайне от меня, был счет в их банке.

День был потрачен впустую, и, чтобы я окончательно пала духом, небесная канцелярия решила накрыть город дождем, стоило мне только выйти из отеля. Он так и лил, не прекращая, целый день. Мне хватило предусмотрительности прихватить с собой зонтик, прежде чем отправиться в тур по банкам, но к вечеру он промок насквозь. Как результат,

следом вымокла и я. Волосы мокрыми сосульками прилипли к лицу, по щекам стекали капли дождя. Я была уверена, что всем своим видом напоминала утонувшую Владычицу Озера^[16], и несколько человек на улице шарахнулось в сторону при виде меня.

К семи вечера я обнаружила, что нахожусь в квартале Инвалидов и Эйфелевой башни^[17]. Это я поняла, когда увидела, что башня стоит совсем близко от меня. Проекторы уже включились, и она сияла золотом на фоне темного неба. Я какое-то время смотрела на неё, гадая, как быть дальше. От сильного дождя осталась только морось. Я умирала с голоду. Мне еще не приходилось бывать в Париже, но я знала, что этот город славится своей кухней... Я с тоской посмотрела на близлежащие рестораны и бистро — все с видом на Эйфелеву башню. Ах, какие манящие запахи тянулись из их дверей...

Но я должна была экономить. Я и так потратилась на авиабилет, прокат автомобиля, билет на поезд и отели... Поэтому самым разумным было купить багет на улице и забрать его с собой в отель. Но на улице лил дождь, и, наверное, пока я на метро доберусь до отеля, он весь размякнет от сырости. Мои ноги ныли от проделанного пути, и за весь день я съела только бутерброд в мюнхенском аэропорту. Я снова взглянула на окно ближайшего ресторана и увидела счастливых людей, сидящих в тепле за столами, накрытыми хрустящими, белыми скатертями, они пили вино, угощались горячими блюдами, утопающими в соусах. Глядя на все это великолепие, я почти чувствовала вкус еды и питья...

Игнорируя тоненький голосок своего подсознания, который кричал о расходах, я открыла дверь ближайшего ресторанчика и вошла внутрь. Мой рот тут же наполнился слюной, а живот заурчал, как только я услышала дразнящие ароматы. Так как было еще рано, мне легко удалось получить столик у окна с видом на Эйфелеву башню.

Я заказала все, что только можно. Когда я открыла меню, то не стала даже смотреть на цены. Для начала я заказала французский луковый суп с расплавленным сверху сыром, который подавался с хрустящим хлебом; в качестве основного блюда — несколько ломтиков трюфелей и сырную тарелку, которая включала в себя «Том де Шевр», «Рокфор» и «Бри де Мо», и соответствующую бутылочку бордо.

И честно признаюсь, что мне очень понравилось. Это была первая нормальная еда с момента ужина на борту «Королевы Мэри». Сложно было поверить, но тот ужин состоялся всего неделю назад. Доев, я заказала кофе и решила еще немного задержаться в ресторане, потому что за окном снова полил дождь, а я так устала сегодня бродить по мокрым улицам. Поэтому я осталась и вернулась к размышлениям, где бы могла быть спрятана лебединая песня, если не в банках.

Мне вспомнились слова Лукаса на озере Альпзее в Германии, он считал, что Лиам спрятал песню где-то в центре, в каком-то доступном месте, но в то же время и в таком, которое ночью будет безлюдным. Чтобы добраться из Парижа до дома нужно всего несколько часов. Но какое место будет совершенно безлюдным ночью в таком городе, как Париж?

Я сидела и размешивала сливки в своей второй порции кофе, наблюдая за тем, как они вращаются на черной поверхности, когда меня осенило. Кладбища. В обоих случаях, появление розы сопровождалось наличием старых, пожелтевших, человеческих костей. Определенно, это должно было означать, что она спрятана где-то среди костей. Кладбище — идеальное место, чтобы там что-нибудь спрятать. Кому взбредет в голову бродить среди могил ночью. А если все же кому-то случится там оказаться ночью и услышать птичье пение, то вряд ли этот человек что-нибудь заподозрит.

Я порылась в сумке и вытащила из неё путеводитель по Парижу. Я просматривала его в поисках кладбищ и молилась, чтобы в черте города было хотя бы одно. Но их оказалось целых три. Самое большое, Пер-Лаше ^[18], было расположено на востоке города, второе — кладбище Монмартр на севере, и третье, самое маленькое, в районе Монпарнас, и судя по всему, оно находилось всего в квартале от моего отеля. Я осталась очень собой довольна. Кладбище, похоже, удовлетворяло всем нужным критериям. Но потом я поняла, что это означало, и сердце мое сжалось. Если песня действительно спрятана на кладбище, тогда я должна буду туда пойти. Ночью. Одна...

Ну а что? Разве может быть хуже, чем уже есть. Подумаешь, поброжу немного на кладбище, это же не какое-то там царство в Баварии, кишачье рыцарями да феями. Это всего лишь кости.

Я расплатилась по счету и так как осушила бутылку всего наполовину, прихватила оставшееся вино с собой. Но когда я пошла к двери, один из официантов меня остановил, тыча пальцем в бутылку, дескать, политика ресторана запрещает гостям уносить вино с собой.

— О, простите, — пролепетала я.

Я уже почти прошла мимо него, когда неожиданно остановилась.

А потом вырвала бутылку у него из рук, прижала к груди и рванула с нею на улицу. Это было мое вино — я заплатила за него и, Бог свидетель, я выпью его все до капли.

Как и следовало ожидать, за мной никто не погнался, чтобы так отобрать бутылку, поэтому я без проблем добралась до метро, весьма довольная своей пустяковой победой. Я себя чувствовала такой бунтаркой, что даже хлебнула немного вина прямо из бутылки, когда вышла из метро на улицу, — наверное, это было самым неженственным, что я совершила за всю свою жизнь.

Вообще-то я собиралась вернуться прямиком в отель и хорошенько выспаться, а кладбищами заняться завтра, но так уж вышло — мне на глаза попалось кладбище Монпарнас. Должно быть, когда я покидала гостиницу утром, то просто не заметила его, потому что шла под зонтом.

Я остановилась возле арки и с несчастным видом заглянула внутрь. Дождь прекратился, но в воздухе висел промозглый туман, а одежда и волосы у меня и без того были влажными. Я мерзла целый день, и больше всего на свете мне хотелось вернуться в номер, где можно принять душ и согреться. Но я уже была здесь. Можно войти и быстро обойти кладбище. Никаких проблем. А вдруг звезды сойдутся и окажется, что лебединая песня здесь, тогда я найду её и заберу с собой в Англию, и посещение кладбище останется позади.

Конечно, мне приходило в голову, что черная роза была спрятана больше года назад и вряд ли она лежит где-то на поверхности. Она, скорее всего, запрятана внутрь могилы, может быть даже в гроб. Так что, очень вероятно, что мне придется осквернить могилу.

Хотя справиться с этим я смогу только на пару с большим и сильным мужчиной, а лучше двумя, вооруженными лопатами. Если я узнаю, какая могила мне нужна, то сама, наверное, буду чертову вечность её вскрывать. А это означало, что мне определенно нужно найти где-то копателя...

Я расправила плечи и вошла на кладбище. Оно было довольно неплохо освещено уличными фонарями, но я все равно, на всякий случай, достала свой фонарик. Все-таки с ним будет удобнее читать имена на надгробиях. Мне пришло в голову, что полковник Анри Роль-Танги мог быть здесь похоронен. Может быть, в его могиле и спрятана лебединая

песня... Мне настолько понравилась эта мысль, которая, казалось, многое объясняла, что пока я бродила, становилась все более раздраженной от того, что мне так и не попадалось нужное надгробие.

Еще несколько недель назад меня ни за что не удалось бы заманить на кладбище, тем более ночью. Теперь же я не очень переживала по этому поводу. По периметру были видны здания, уличные фонари горели, рядом пробегали дороги, по одной из которых проехала старая машина. На кладбище, кроме меня, никого не было, и тем не менее, я не чувствовала себя одинокой. И надгробия казались скорее умиротворяющими, нежели устрашающими.

Но потом я завернула за угол и обнаружила, что перед очередным белым монументом кто-то стоит. Он был в длинном плаще, а на руке у него болтался закрытый зонт. Света от уличных фонарей у ближайшей стены хватало, чтобы я смогла разглядеть его лицо. Под левым глазом у него был уже светлеющий фингал, на верхней губе — заживающий порез, который тянулся вниз по подбородку. У него были рыжеватые волосы и голубые глаза. Я узнала этого человека, потому что мы уже виделись однажды. Это был Джексон.

Я резко остановилась. Меня пронзил леденящий страх от неожиданности нашей с ним встречи. Прятаться было уже поздно, он меня увидел, поэтому я покрепче сжала бутылку в руке, на случай, если мне придется воспользоваться ею в качестве оружия. Мне уже было известно, что он беспощаден и опасен.

Не знаю, на что я рассчитывала, но его реакция меня очень удивила. Когда его взгляд упал на меня, глаза его расширились от ужаса. Поначалу я это списала на то, что он принял меня за призрака — на дворе ночь, он здесь совсем один, вот воображение и разыгралось, когда я неожиданно появилась из-за угла. Но потом он нахмурился и сказал:

— Я не виноват. Передай Бену, я не знал, что ты собираешься сюда.

Я вытаращилась на него. Говорил он тихо, но я определенно услышала нотку страха в его голосе. Почему профессиональный преступник (когда-то арестованный за избиение человека почти до смерти) так боялся Бена? И тут мне пришло в голову, может, Джексон был вовсе и не таким, как его описывал Бен. И все же... кладбище — не то место, где стоило выяснять это.

— Он здесь? — спросил Джексон, вертя головой по сторонам. — Я думал, он сегодня будет на кладбище Монмартра.

— Он идет следом, — быстро солгала я, с ужасом осознавая, что Бен и Джексон оба в городе. Однако, с другой стороны, оказалось, что моя догадка была верна.

— Да ну? — переспросил Джексон, внезапно улыбнувшись. Не то чтобы я выдала себя, но он точно не поверил мне. — Ты так же хорошо лжешь, как и Лиам.

Он подался вперед, еще больше наклонив голову, и в свете уличных фонарей мне еще лучше стали видны синяки и ссадины на нижней части его лица.

— С кем подрался? — холодно поинтересовалась я.

— Ааа, ты спрашиваешь, чьих это рук дело? — спросил Джексон, указывая на свое изуродованное лицо. — Бена, естественно.

— Бена? — повторила я. — Когда?

— Чуть больше недели назад. Как раз перед его поездкой в Калифорнию.

— Я встречалась с ним как раз тогда и не заметила никаких следов, — сказала я. И стоило мне только произнести эти слова, как я поняла, что это не совсем так - костяшки его рук были в ужасном состоянии...

Джексон осклабился.

— Это потому, что он дождался, пока я напьюсь, жалкий трус! Бен любит избивать только беспомощных. Тебе ли не знать.

— В каком смысле?

Я ничего не понимала, о чем он говорил?

— Это Бен избил Лиам во время вашего медового месяца, не так ли?

— Бен? — сказала я, или хотела сказать, но получилось скорее: — Блерн?

Я мысленно вернулась в тот вечер: я ждала в нашем номере отеля, когда Лиам вернется со льдом; помню, еще подумала, чего он так долго? Помню ужас, который испытала, когда он вошел, и с его губ все еще капала кровь, помню, как разрыдалась, когда мы умыли его и обработали раны.

— Ааа, значит, Лиам так и не рассказал тебе, что это был Бен? — спросил Джексон, верно истолковав мое выражение лица.

Я не хотела ему верить. Несколько недель назад я бы даже не стала его слушать. Но после того, как Бен разбил мою скрипку и прокричал мне прямо в лицо, как он ненавидел собственного брата, я поверила Джексону. Какой смысл ему врать? Какая ему выгода от вранья? Лиам мне тогда сказал, что это был всего лишь какой-то пьяный гость, и отель его уже выставил... Меня там не было, я этого не видела. Наш медовый месяц... Может, Лиам мне солгал, чтобы не расстраивать.

На самом деле, учитывая сроки, возможно, именно после этого инцидента они и перестали общаться.

— Чем ты так разозлил Бена? — спросила я, не желая думать прямо сейчас о медовом месяце и Лиаме.

— Разумеется, тем, что явился в твой дом, — кисло ответил Джексон. — По-видимому, это преступление, постучаться кому-нибудь в дверь и задать пару вопросов.

— Мне кажется, врываться без приглашения в чужой дом, как раз и есть преступление, — холодно подчеркнула я.

— Ну, хорошо, что все хорошо кончается. В итоге мы все-таки договорились с Беном, что если я найду лебединую песню первым, то просто продам её Бену. Она ему больше нужна, чем мне. Так что все будут довольны. Пока я держусь как можно дальше от тебя, конечно. — Он вздохнул. — Я был уверен, что песня спрятана где-то здесь, но пока ничего не нашел.

— А с чего ты решил, что песня здесь? — спросила я осторожно, гадая, являлись ли кости и розы ему.

Но он только ответил:

— С того.

Я обернулась, чтобы посмотреть, на что он тычет пальцем. Джексон указывал на ближайшую белую статую.

— Что это? — спросила я.

— Она называется «Разлука влюбленных», — сказал Джексон с ухмылкой.

Я посветила своим фонариком. Это было печальное, красивое, в натуральную величину, художественное произведение, на котором изображалась женщина, с трудом выбирающаяся из гроба, чтобы утешить возлюбленного, который стоял над могилой, спрятав лицо в руках. У меня разболелось сердце при виде этой сцены, поэтому я опустила фонарик и повернулась к Джексону.

— И при чем тут статуя?

Джексон довольно долго молчал, но потом все же ответил уклончиво:

— Это поэтично. Лиаму бы понравилось. Это идеальный тайник. Песня должна быть здесь. Когда я впервые подумал об этом, то после уже не сомневался. Но я прихожу сюда четыре ночи подряд и не слышу никакого пения.

Я понимала, что у него есть причина получше, чем «это поэтично», считать, что Лиам спрятал песню здесь, но он определенно был не в настроении ею делиться... Но опять же, я не могла ему доверять. Поэтому я больше не хотела с ним ни о чем говорить, и все же один вопрос слетел с моих губ:

— Невеста Бена умирает?

Лицо Джексона расплылось в широкой улыбке, а потом он громко расхохотался, словно я сказала что-то смешное.

— Так он тебе сказал?

— Значит, это неправда, да?

Он улыбнулся еще шире.

— Ну, в некотором смысле, моя дорогая, — а затем добавил, — лучше я пойду. Не хочу схлопотать еще раз по роже от Бена, после нашей прошлой замечательной и дружелюбной беседы.

Я не стала препятствовать ему, когда он пошел к выходу с кладбища. После моего недавнего опыта общения с Беном, я пришла к выводу, что лучше выяснять какие-то детали в одиночку. И все же, пока я смотрела ему в след, мои губы сами собой выгнулись в презрительную улыбку. Виновен он или нет в тех преступлениях, которые на него повесил Бен, но Джексон определенно был мерзким человеком. Благодаря всего двум коротким беседам, я сделала вывод, что он высокомерный ублюдок, поэтому у меня никак не укладывалось в голове, что Лиам не то что мог находиться с ним в одной комнате, а еще и сговорился о чем-то и летал с ним в Германию. Я просто не могла представить их вместе. И все тут.

Я порылась в сумочке, в поисках бумажника, чтобы взглянуть на фотографию Лиамы, лежащую внутри, как же они похожи с Беном... рост, телосложение, те же форма носа и цвет волос...

Лиам смотрел на меня с фотографии, и я тихо прошептала ему:

— Не волнуйся, любимый. Я знаю, что ты тоже терпеть не мог Джексона. И я понимаю почему ты не хотел, чтобы я общалась с Беном. Я должна была довериться тебе с самого начала. Прости.

Вплоть до того момента воздух на кладбище был прохладен, но без ветра. Поэтому я не была готова, когда налетел безжалостный порыв ветра и вырвал фотографию у меня из пальцев. К счастью, я стояла близко к памятнику, и фото приклеилось ветром к одной из его сторон. Я потянулась, чтобы схватить фотографию, но меня опередила другая рука. Бледная, как и моя, но эта рука принадлежала каменной женщине, которая изо всех сил пыталась восстать из могилы.

Когда её пальцы сомкнулись вокруг моей фотографии, я с криком отпрыгнула назад, а бутылка, которую я все еще держала в руке, упала на землю и разбилась. Меня парализовало от ужаса. Я смотрела во все глаза, как женщина смяла фотографию, издав крик, наполненный болью и гневом, а потом выбросила комок на землю. После обе её руки потянулись к краю могилы, где стоял её возлюбленный, чтобы вновь предпринять попытку выбраться к нему.

Если раньше её тело было видно лишь наполовину, то теперь ей удалось почти полностью вытащить себя из камня. И все же ей было не сбежать. Похоже, она только и могла, что держаться за край могилы, чтобы её обратно не утянуло в мрамор.

А её возлюбленный так и стоял, прикрыв лицо руками, не подозревая о борьбе, творившейся у него под ногами.

Но когда пальцы её руки соскользнули с края плиты, она отчаянно взмахнула ею, чтобы ухватиться еще раз, и в эту секунду соскользнула и вторая её рука. Казалось, что теперь её неминуемо засосет в мрамор, но неожиданно запястье женщины схватила мужская рука. Её поймал возлюбленный женщины, который теперь стоял на коленях. Его мышцы плеч и спины были напряжены. Он очень старался её удержать. Сила, тянувшая ее вниз, была мощной, и все же ему удалось дюйм за дюймом вытащить её на поверхность. Ветер резко стих, и внезапно, в наступившей тишине я расслышала слова, которые произнес мужчина. Он стоял на коленях, прижимая возлюбленную к груди, положив голову ей на плечо. Его голос был тих, словно доносился откуда-то издалека, но я была уверена, что расслышала все верно:

— Ты не должна быть здесь!

Я прикрыла рот рукой, чтобы сдержать крик, нарастающий в моем горле. Этот голос был так похож на голос Лиамы. Я сделала еще шаг назад, и моя нога наступила на осколок битого стекла, который хрустнул...

После чего все было кончено. В мгновение ока памятник стал таким, как прежде — она пыталась выбраться из могилы, а он стоял над ней, не подозревая, как она близко; та, что он когда-то полюбил всем сердцем раз и навсегда. Я хрипло дышала. Кладбище вдруг показалось мне неестественно тихим. Это был голос Лиамы — я уверена! Если бы я выпила сегодня больше, то могла бы все списать на слуховые галлюцинации и игру воображения. Но не тут-то было. У меня в груди расцвела надежда. Я не могла сопротивляться этому чувству. Я старалась её гнать подальше, нельзя было и мечтать, что я когда-нибудь увижу Лиаму. Он был мертв, он ушел навсегда. Если я хотя бы на секунду допущу обратное, то это будет сродни чувству, будто я теряю его снова и снова, и оно убьет меня.

Похоже, статуя была заколдована. Это единственное объяснение. Может быть, Джексон прав и лебединая песня под ней. А быть может, это был лишь еще один способ воззвать ко мне. Может быть, мне нужно было прямо сейчас браться за лопату и начинать копать... Я подавила стон. Как же у меня болели ноги, и я так вымокла и устала... Как жаль, что я выронила свою бутылку, а то прикончила бы её прямо здесь, на кладбище.

Я поискала фонариком фотографию Лиамы, но её унес ветер. Меня не особо прельщала мысль рыть землю вокруг статуи, потому что я была уверена — это сложнее, чем кажется, а потому займет много времени и потребует не меньше сил. Кроме того, у меня не было никаких доказательств, что песня была спрятана именно здесь, а еще мне очень хотелось вернуться в отель. Но тогда мне придется ждать до завтрашнего вечера, прежде чем я смогу вернуться. Если я начну копать здесь среди бела дня, меня наверняка кто-то заметит.

Я постояла с мгновение, соображая, что делать дальше, ведя при этом внутреннюю борьбу с собой. Но потом услышала звук. Он был очень слабым, и если бы на кладбище не было так тихо, я бы ни за что его не услышала. Сквозь толщу земли до меня долетали ноты прекрасной песни. Я встала на карачки и приложила ухо к земле. Слышно было плохо, но это определенно была та же самая песня, что я слышала в немецком лесу буквально прошлой ночью. Лебединая песня была здесь, прямо под статуей, но, судя по всему, очень глубоко.

На этот раз я застонала вслух и положила голову на землю. Я не имела ни малейшего понятия о том, где в Париже найти лопату и как управиться с раскопками всего за час. Кто знает, сколько мне придется копать, пока я до неё доберусь? Я вздохнула и поднялась. Что ж, по крайней мере, теперь я знаю, где она. Утром я найду лопату и... Я хмуро уставилась на землю. Песня начала отдаляться от меня... Она передвигалась.

Я спешно сделала несколько шагов и вновь её нашла. Но она не остановилась, и я последовала за ней. Она была где-то под землей — она двигалась. Она не оставила мне выбора, я шла на звук туда, куда она меня вела.

Какое-то время я шла по улицам и радовалась, что вокруг ни души, и меня никто не видит. Потому что мне казалось, что со стороны я производила впечатление какой-то психованной дамочки или пьяной, которая металась туда-сюда, меняя направления, когда песня ослабевала.

Наконец спустя почти десять минут блуждания по улицам, я остановилась на какой-то дороге, и песня умолкла, оставив лишь эхо грусти после себя. Ничего не понимая, я огляделась по сторонам. Вроде бы ничем не примечательная улица, разве что машин здесь стояло больше, чем на других. В конце дороги я увидела кольцевую развязку, в центре которой стояла большая статуя льва. В большинстве близлежащих зданий находились магазины, которые, разумеется, все были сейчас закрыты.

Я ничего не понимала. Кладбище имело смысл, но эта дорога... Я потерла глаза от усталости и раздражения. С меня хватит. Довольно на один день. Я развернулась, чтобы вернуться к себе в отель. Но тут увидела дорожный указатель: улица имени полковника Анри Роль-Танги.

Глава 20

Катакомбы

Ну, по крайней мере, я была на правильном пути. Теперь я стояла и раздумывала, куда лучше пойти. Я уже знала наверняка, что это не кладбище. Но там должно быть что-то еще — другой монумент или статуя, что-то вроде крестика на карте. В общем, какой-то ориентир для Лиамы, чтобы точно знать, где искать песню.

Но единственная статуя, которую я там видела — это огромный бронзовый лев в самом центре города на оживленной развязке. Я стояла и хмуро взирала на льва. Этого не может быть. Даже сейчас, ночью, на кольце очень оживленное движение, что уж говорить про день. Никто и никогда не сможет подобраться к статуе незамеченным. Может, год назад движение было не столь интенсивным... Хотя нет, это маловероятно. Да я и не думала, что Лиам решил устроить там тайник. Это было бы очень глупо. Если он знал, что оставляет песню надолго, то это означало, что он выбрал надежное место. Он не стал бы полагаться на волю случая.

Где еще можно надежно что-то спрятать, если не брать в расчет банковскую ячейку? Как найти надежное место в городе, где всегда что-то строится и сносится, улицы переименовываются. Если это не банк, то что? Даже кладбища иногда подчищали, чтобы освободить места для других. Все течет, все меняется. Нет места постоянству.

Наконец мне надоело таращиться в витрины закрытых магазинов и гадать, являются ли они чем-то большим или нет, и я вернулась к себе в номер. Там было так сухо и тепло после промозглой улицы. С каким же удовольствием я разулась и растянулась на кровати. Как же мое тело настрадалось за сегодняшний день.

Прежде чем заснуть, я все-таки заставила себя встать и достать из сумки путеводитель.

Я открыла брошюру на страницах с районом Монпарнас и пролистала их. Но не обнаружила ничего полезного, одни сплошные музеи да кафе. Если бы не лебединая песня, которая неожиданно умолкла именно там, то я бы посчитала название улицы не более, чем странным совпадением. Но когда я перелистнула следующую страницу, то замерла. На меня таращились десятки черепов, сложенных в форме креста. «Крест» со всех сторон окружали человеческие кости. Подпись под картинкой гласила: «Катакомбы Парижа». Когда я взглянула на адрес, то прочла, что катакомбы находились по адресу улица Анри Роль-Танги.

Оказалось, что к концу восемнадцатого века самое большое кладбище в Париже было закрыто по медицинским соображениям, а кости и разлагающиеся трупы свезли на тележках через весь город в район Монпарнас. На все про все ушло пятнадцать месяцев. Кости свозили туда вплоть до 1860 года. Считается, что в катакомбах погребено около шести миллионов человек. Катакомбы находятся в двадцати метрах под землей, они глубже, чем канализация и метро, и занимают площадь около ста пятидесяти метров. Они открыты для посещений, но только до пяти часов вечера и на ночь их тоже запирают.

Они идеально подходили. Их глубина не позволила бы никому услышать песню, хотя, с другой стороны, как же мне удалось услышать её на кладбище. Но я решила пока не заморачиваться по этому поводу. Лиам мог быть спокоен: катакомбы никто не будет сносить или перемещать, учитывая количество народа, погребенного там. Это был центр Парижа, но настолько глубоко под землей, что катакомбы могли служить прекрасным укрытием. И это объясняло, почему мне являлись кости с черепами и розами в Калифорнии и Германии. Катакомбы были куда лучше моей теории с кладбищами. И в довершении всего, стало

понятно, почему Дюймовочка написала копытами «Анри Роль-Танги» на пыльной крышке футляра. Это был адрес, а не имя.

Я застонала, захлопнула книжицу и провела рукой по волосам. Я была уверена, что лебединая песня где-то там внизу, в катакомбах, но отправиться искать её будет означать... что мне придется спуститься с другими посетителями, а потом найти какой-нибудь укромный уголок и спрятаться там, пока все не уйдут, а катакомбы не заперут на ночь. А потом ждать, надеясь, что лебединая песня позовет меня, потому что она может быть где угодно, и без помощи мне не найти её в тех лабиринтах. Кроме того, если я её все же найду, мне придется просидеть там всю ночь, потому что двери будут заперты. Я должна буду дожидаться первых туристов, которые появятся только с открытием, в десять часов утра и сделать вид, что я одна из них. Мне предстояло провести ночь глубоко под землей, наедине с кучей скелетов. От этой мысли я совсем пала духом.

Но какой был смысл на этом заикливаться. Сделать это было необходимо, и я просто постараюсь не думать об этом. А сегодня нужно было хорошенько отдохнуть и выспаться, потому что завтра мне, скорее всего, не представилась бы подобная возможность. Но перед сном мне нужно было расслабиться, поэтому я потянулась к своей скрипке. На какое-то мгновение меня охватила паника, когда я не обнаружила скрипичного футляра. И я завертела головой по сторонам в его поисках, а потом вспомнила причину его отсутствия и сглотнула ком, застрявший в горле. Что же делать? Мне нужен был мой инструмент. Он помогал мне справляться с последствиями тяжелых дней. А в этом чертовом путешествии каждый день был чертовски сложным. Музыка и привычное ощущение скрипки под подбородком успокоили бы меня. Мне пришлось глубоко дышать, чтобы замедлить внезапное тревожное биение сердца, и вытереть холодный пот, выступивший на лбу.

У меня была ломка. Мне не хватало скрипки. Наверное, такие ощущения испытывает алкоголик, когда не может опохмелиться. Правая рука чесалась, ей не хватало смычка, а левой — инструмента. Мне нужна была музыка, и успокаивающее скольжение смычка по струнам, запах канифоли в воздухе...

В отчаянии я просто закрыла глаза, подняла руки и сыграла несуществующим смычком на несуществующей скрипке мелодию, которую знала наизусть. Когда я «доигрывала» пьесу, то уже почти чувствовала, что моя скрипка вновь у меня под подбородком, и я прижимаю пальцами струны. Но стоило мне открыть глаза, как волшебство исчезло. Моя настоящая электроскрипка была разбита Беном на мелкие кусочки в Германии, а её жалкие остатки спрятаны у меня в чемодане.

Я старалась не смотреть на них, пока вынимала из чемодана пижаму и зубную щетку, а когда легла в постель, спустя несколько минут, то натянула на голову одеяло и постаралась отключиться.

Я проспала весь следующий день. Мне хотелось встать отдохнувшей, и потому я оттягивала, насколько это было возможно, спуск в катакомбы. Ведь зайдя внутрь, я собиралась пробыть там до утра, и мне бы не хотелось пробыть там дольше необходимого. Катакомбы были открыты до пяти, но последних посетителей впускали в четыре.

Итак, без пяти минут четыре я вошла в безобидное маленькое здание в конце дороги, откуда ушла прошлой ночью, и купила билет. Утро я провела в магазинах, покупая все, что, как я думала, мне потребуется, и еще помогло бы меня замаскировать. Я в очередной раз прокляла свою внешность, из-за которой не могла смешаться с толпой. Будь он не ладен, этот альбинизм. С такими льяняными волосами да бледной кожей, я была у всех на виду.

Персонал вполне может меня запомнить, а рисковать мне нельзя. Поэтому я надела бейсболку, натянув её как можно ниже, а волосы заправила в джемпер.

Я надела перчатки, чтобы скрыть руки, и подняла воротник пальто, чтобы практически полностью скрыть лицо. Если бы на улице было тепло, мой вид наверняка вызвал бы подозрения, но зимой большинство людей было одето точно так же, как я.

Я купила билет у довольно угрюмого на вид мужчины, сидящего за столом, и пошла вниз по нескончаемой лестнице. Чем глубже я спускалась, тем сильнее менялся воздух — он становился старше, холоднее, неподвижнее. Наконец я добралась до подножия и очутилась в ярко освещенном помещении с фотографиями на стенах и информационным табло для туристов.

Ну да, разумно было сначала почитать что к чему, прежде чем слепо бросаться в омут с головой. Поэтому я осталась и прочла всю информацию, что там имелась. Там, конечно же, было то, что я и так знала: основные исторические сведения, который я почерпнула из путеводителя. Но еще я узнала, что подземная сеть лабиринтов находилась так глубоко под землей, что её пришлось укрепить, дабы она оставалась безопасной для посещений.

Я покинула это помещение и вышла в слабо освещенный коридор. Он был узким, длинным и казался бесконечным. Под ногами хрустел гравий, а стены по обе стороны были влажными. Я думала, что будет душно, но воздух оказался прохладным и чуть сырым.

Ни единого признака костей. Да и живых-то людей не наблюдалось, кстати. Если бы коридор не был единственным выходом из той комнаты, я бы подумала, что куда-то не туда иду.

Тишина немного угнетала, и подземный полумрак не внушал оптимизма. Я напряженно вглядывалась во тьму, мне все казалось, что там что-то шевелится. Время от времени мне попадались ворота в стене, через которые я видела маленькие кельи, большинство из которых были завалены обрушившейся породой. Я подняла взгляд на низкий потолок и постаралась не думать о том, что будет, если он рухнет.

Наверное, я пересекла половину Парижа, прежде чем добралась до входа в склеп. И там я, к своему облегчению, впервые столкнулась с другими людьми. А тот факт, что они не видели в катакомбах ничего, кроме странной и жутковатой достопримечательности, помог мне немного расслабиться. Я старалась не думать, во что превратится это место, когда я останусь торчать тут одна на ночь, а все туристы уйдут веселиться в рестораны и бары. Я снова ощутила прилив гнева на Лиаму за то, что он меня оставил, и мне пришлось самой проходить через все это. Но гнев был лучше и продуктивнее скорби. Так что, в каком-то смысле, я почувствовала себя увереннее.

Освещение здесь улучшилось, и мне хорошо был виден вход в склеп, по обе стороны которого стояли два каменных столба. Поверх них лежала перекладина, а на ней я прочла следующее: «Arrête! C'est ici l'empire de la mort» — «Остановись, ибо дальше царствует смерть».

Даже оставаясь снаружи, я могла разглядеть сплошную стену костей, сложенную от пола до потолка. Я вошла внутрь с другими туристами.

Воздух пах пылью, сыростью и столетиями. Меня ошеломило количество костей. Зал за залом были полны ими. Хоть дорожка и была довольно широкой, чтобы по ней можно было спокойно пройти, но стоило лишь мне раскинуть руки, как мои пальцы легко коснулись бы костей. Больше всего меня поразила организация этого места. Я прочла, что когда они только-только были сюда привезены в 1810 году, то черепа и длинные кости аккуратно

сложили, а остальное свалили как попало за ними. Но после кто-то решил, что так не годится, и нужно кости рассортировать. Черепа были поставлены вместе, часто аккуратными рядами, а иногда и в форме креста или даже чего-то, напоминающего по виду бочку.

Я проходила мимо сотен и сотен черепов, понимая, что тысячи их, миллионы, скрыты от моих глаз во тьме за первыми рядами. У большинства из них отсутствовала нижняя челюсть, некоторые потеряли целостность, когда их перевезли сюда, другие разрушились от времени. Их было так много, что у меня просто не укладывалось в голове, что когда-то это были люди, такие же, как я. Они ходили, говорили, дышали, и теперь их останки валялись здесь, перемешанные с костями других людей.

Каждый раз, когда я покидала один зал и переходила в другой, мне казалось, что я уже увидела все кости, но нет, и там лежала очередная груда костей, освещенная зеленым светом. С каждым шагом у меня на душе становилось все тоскливее и тоскливее. Как же я найду здесь лебединую песню? Катакомбы тянулись на многие километры. Проще было найти иголку в стоге сена.

Наконец они закончились, осталось только несколько колоколообразных впадин, демонстрирующих эрозию, от которой часто страдают карьеры известняка. Я задержалась в них, потому что в здешнем пространстве я не страдала так сильно клаустрофобией, ко всему прочему, рядом стояла лестница, ведущая наверх, а это означало, что был большой приток свежего воздуха.

Я прислонилась к холодному камню и посмотрела на карту в брошюре, которую мне выдали на входе в катакомбы. Мне сразу бросилось в глаза, что вход находился на значительном расстоянии от выхода, поэтому не стоило переживать о том, что персонал вспомнит обо мне и кинется искать.

Я сняла бейсболку, тряхнула волосами и, сунув головной убор в сумку, сверилась с часами. Без четверти пять — всего пятнадцать минут до закрытия. Я повернулась лицом к лестнице, которая вела на выход, и ощутила дуновение свежего воздуха. Это был мой последний шанс одуматься. Но как бы не соблазняла меня идея бежать отсюда без оглядки, выбора у меня не было, придется остаться. Спустя всего час, в катакомбах стало более темно и промозгло. Я чувствовала себя загнанной в ловушку, при мысли о том, что придется провести здесь еще семнадцать часов. Я даже немного запаниковала.

Но вскоре отбросила свои клаустрофобские настроения, спешно схватила рюкзак и зашагала обратно в сеть туннелей. Я чувствовала слабость и прекрасно осознавала, что стоит мне только остановиться, как я брошусь бегом обратно к той спасительной лестнице и полечу наверх, перепрыгивая через ступеньку, не оглядываясь.

Оказалось, что было совсем не сложно остаться незамеченной до закрытия. Я просто проскользнула за первые же попавшиеся ворота. Они оказались ржавыми и незапертыми. У меня вообще сложилось впечатление, что они тут были скорее для вида. Я попала в маленькую пустую комнатку, вернее, в углубление в скале. Удостоверившись, что меня не было видно из дверного проема, я уселась у стены и стала ждать.

Через какое-то время спустились охранники с фонариками и провели осмотр. Не думаю, что у них хоть раз возникали какие-то проблемы в этом плане. Но мне казалось, что они уже вечность бродят и все никак не уйдут, мне даже взбрела в голову ужасная мысль, что им известно о моем присутствии. В конце концов, я же купила билет, прошла через турникет. Должны же они отслеживать, сколько человек вошло, а сколько вышло.

Хотя, с другой стороны, это не так-то просто, учитывая мам с маленькими детьми, которым билеты можно не покупать.

В общем, не знаю, были ли охранники бдительнее, чем обычно, потому что у них не сходилась число посетителей на входе и выходе, или они всегда так долго проверяли катакомбы. А может, это только мне показалось, что долго, из-за страха, что меня обнаружат, скорчившуюся здесь, в темноте. Мне было очень страшно, потому что вдобавок ко всему, я не смогла бы придумать разумного объяснения своему поступку, если бы меня нашли, и я не говорю по-французски.

Неожиданно луч фонаря прошел рядом с моей ногой, и у меня сердце чуть не выпрыгнуло из груди, стоило лишь подумать, что один из охранников может открыть ворота и заглянуть внутрь.

Но нет, он пошел дальше и вскоре все фонарики погасли, а катакомбы погрузились во тьму и безмолвие, которые заставили меня осознать, что мне еще никогда не доводилось оказываться в подобной ситуации.

Я даже прикусила кулак, чтобы не расплакаться. В этой крошечной тьме не видно было ничего, даже того, что находилось у меня перед самым носом. Для себя я решила, что выжду полчаса, прежде чем включить свой фонарик, чтобы наверняка быть уверенной в том, что персонал ушел, и я здесь осталась одна. Но не так-то легко следить за временем, когда не можешь свериться с часами. Я сидела и напряженно вслушивалась, но единственный звук, который уловили мои уши — капанье воды где-то справа от меня.

Минуты тянулись мучительно. Я очень старалась не думать о том, где нахожусь, не заикливаться, что вокруг меня лежат кости шести миллионов человек, и что до утра мне отсюда не выйти, даже если захочется. Но передумывать было уже слишком поздно.

Спустя какое-то время, я решила, что прошло уже как минимум полчаса, а значит, можно доставать фонарик. Я включила его и, жмурясь от света, обвела лучом комнату, чтобы убедиться, что все было так, как и должно. Затем я взяла одну из своих многочисленных свечей, зажгла её и поставила на пол. Я не хотела всю ночь пользоваться фонариком. Даже с полным зарядом его света хватало на несколько минут, а потом снова приходилось заряжать. Да и мне хотелось его приберечь, на всякий случай. Я выключила фонарик и взглянула на часы. Те показывали десять минут шестого. А ведь мне показалось, что прошло не менее получаса.

Я вздохнула и привалилась обратно к стене, мысленно подгоняя время, и пообещала себе, что завтра, где бы я ни оказалась, и что бы ни случилось, обязательно воспользуюсь случаем выпастись в теплой уютной постели.

Время ползло так медленно, что один раз мне даже показалось, будто мои часы сломались. В шесть часов я съела свой ужин, который прихватила с собой в рюкзаке, а после коротала время, мысленно играя на скрипке. Я не шевелила руками, потому что не хотела случайно задуть свечу, но ясно чувствовала кончиками пальцев струны, мажорные и минорные переходы. Это упражнение помогло мне сосредоточиться, да и время прошло быстрее. После того, как я мысленно проиграла несколько этюдов, я почти забыла, где нахожусь и зачем.

Каменная комнатуха мне даже начала казаться уютной. Я находила что-то притягательное в том, что могу запереться здесь, и никто меня не потревожит и не расстроит. Подложив под спину дополнительную куртку, прихваченную с собой, я задремала.

Проснулась я около девяти часов вечера. Все тело ныло от долгого сидения в неудобной позе. Я с трудом поднялась на ноги, подобрала свечу и рюкзак. Время подходило к ночи, а это значило, что лебединая песня могла запеть с минуты на минуту, поэтому стоило прогуляться по туннелям. Кроме того, прогулка не дала бы мне замерзнуть, и я смогла бы размяться.

В общем, я покинула свое пристанище и с мерцающей свечей в руке зашагала по наполненным смертью катакомбам. При свете свечи кости выглядели еще отвратительнее. Хотя, говоря по правде, я ожидала зрелища похуже. Но они мне показались скорее умиротворенными, чем зловещими. Я была уверена, что песня притаилась за какой-то грудой костей. Лиаму ничего не стоило дожидаться, пока он останется один и сунуть черную розу где-то между костями, прекрасно понимая, что никто из посвященных не найдет её и через сотню лет, а то и больше. Даже если кто-то из посетителей и ворует кости. Они ведь берут те, что ближе. Дольше всего я задерживалась у стен с табличками. Лиам наверняка оставил себе какую-то подсказку, где именно спрятал песню.

Я только обошла все катакомбы и уселась на землю, чтобы перевести дух, как услышала шум — словно с вершины груды костей скатилась на пол одна из них. Я замерла, парализованная от страха. Неужели здесь был кто-то еще. Но других звуков не последовало, поэтому я списала этот инцидент на крысу.

И все же, продолжая бродить по коридором, я не могла избавиться от чувства, что не одинока.

А ведь обойдя все туннели, я не заметила не то чтобы ни единого признака живой души, а ни единой потревоженной кости. Хотя с другой стороны, если крыса и была виновата в том, что кость скатилась на пол, как я слышала ранее, вряд ли бы она сумела положить её обратно на место. Опять же, если кто-то еще бродил под землей, то мы могли запросто разминуться. Катакомбы слишком обширны и разветвлены. Можно всю ночь бродить, выбирая разные маршруты, и никого не встретить.

В общем, пока я убеждала себя, что все-таки эти звуки — проделки крыс, послышались голоса. Я в панике задула свечу и прижалась к стене, надеясь, что дым от потушенного фитиля останется незамеченным. Голоса принадлежали мужчинам. Их было двое, и свет от их факелов отбрасывал слабое свечение вокруг меня, хотя они находились несколькими кельями дальше. Их голоса звучали приглушенно, так что я не могла разобрать, о чем они говорили. Но их голоса мне показались до ужаса знакомыми, и на какое-то мгновение я задумалась, может, стоит подкрасться поближе и послушать о чем они говорят. Благоразумнее было бы остаться на месте, но меня раздирало любопытство. Кто же эти двое мужчин, и что они забыли под землей? Поэтому, стараясь ступать как можно тише и аккуратнее, дабы не врезаться во что-нибудь в тусклом свете и тем самым выдать себя, я пробралась в среднюю келью. Я остановилась как можно ближе к проему и вжалась в стену. Эти двое, судя по громкости их речи, находились совсем рядом. Я немедленно их узнала.

— ...должен мне сказать, куда она пошла, — сказал Джексон. — Разве она не держит тебя в курсе? Вы же за одно, разве нет?

— Больше нет, — резко ответил Бен.

Похоже, Джексон шел за мной, когда я ушла с кладбища. А я-то думала, что он ушел, и была слишком занята тем, чтобы не потерять песню. Теперь вот остается только пенять на себя за то, что была такой душой. Сама виновата, что оказалась в ловушке.

— Почему это? — спросил Джексон с интересом. — Чего ты ей сделал?

— Сломал её скрипку, — проворчал Бен.

— Всего-то? — Джексон определенно был разочарован. — То же мне печаль.

— Ты не знаешь, как она её любила, — ответил Бен.

Мою грудь наполнил обжигающий гнев, руки сжались в кулаки, ногти впились в ладони, когда я вспомнила, как моя скрипка хрустнула под ботинком Бена. Чудовищный акт мелкой злобы и гадости. Как же я ненавидела его за это.

— А я-то думал, может быть, ты ей, наконец, рассказал правду, — сказал Джексон. А когда Бен на это ничего не ответил, продолжил: — Неужели даже соблазна не возникло? Да ну?! Не может быть.

— Разумеется, возник! — огрызнулся Бен. — Но она бы ни за что мне не поверила.

— Поэтому ты вместо правды наплел про больную невесту. — Джексон рассмеялся. Какой это был странный и неуместный звук, когда вокруг одни кости. — А в это она поверила, как думаешь?

— У неё не было причин в это не поверить, — спокойно ответил Бен.

Моя ненависть к нему возросла во сто крат, когда я вспомнила, как мы сидели с ним в гостинице в Германии. Он крепко обнимал меня и лил крокодиловы слезы на моем плече. Теперь я с содроганием вспомнила, как он прижимался ко мне, и гнев стянулся в болезненный узел в моем животе, когда я припомнила, как сочувствовала ему и пыталась утешить. Я не должна была верить ни единому слову этого ублюдка.

— Не думаю, что она была в курсе того, что это ты напал на Лиаму во время их медового месяца, — весело подметил Джексон. Он прямо упивался ситуацией.

— Ты же ей не рассказал? — гневно спросил Бен.

— Боюсь, что рассказал. Видишь ли, я же не знал, что это секрет.

— Да, что, черт возьми, с тобой не так? — взревел Бен.

— Ну, это же правда? — со смехом в голосе ответил Джексон. — Ты бы выбил все дерьмо из своего брата... еще в его медовый месяц, если бы думал, что сам сможешь найти лебединую песню.

— Я бы его прикончил в его медовый месяц, если бы знал, что смогу сам найти лебединую песню! — сказал Бен низким, хриплым голосом.

Я едва сумела подавить крик. У меня от его голоса кровь застыла в жилах. Он ведь так бы и поступил. Я слышала это в его голосе. Мой гнев сменился страхом. Я ведь надеялась, что он не всерьез сказал про ненависть к брату. Я пыталась себя убедить, что он ляпнул это, не подумав, в пылу ссоры. Но сейчас он был спокоен и собран, и довольно холодно говорил об убийстве.

— Ну у тебя и выдержка. Впечатляет, — сказал Джексон. — Я бы, пожалуй, так не смог.

— Это не принесло мне того, что я хочу, — пробормотал Бен.

— Но мы стали на шаг ближе, — ответил Джексон. — Теперь, когда Лиам не стоит на дороге, ничто тебе не помешает заполучить Жасмин. Будь я тобой, то убил бы его еще в медовый месяц и покончил со всем этим.

— Но я не ты! — отрезал Бен. А затем добавил чуть тише: — Если бы я мог все повторить, то не уверен, что отпустил бы его во второй раз. Он бы все равно умер. Возможно, я просто был должен... должен... — Он запнулся, подбирая слово, а потом я услышала, что фонарик упал, и увидела, как свет померк. Похоже, он выключился.

— Эй, поосторожнее с этим! — услышала я голос Джексона. — У нас их не бесконечное количество, а я не хочу застрять тут в темноте. — Фонарик был поднят и вновь

включен. — Ну, хоть не сломался, — сообщил Джексон, а потом добавил: — Ты неважнецки выглядишь. Что-то...

— Я в полном порядке! — отрезал Бен, и я услышала, как он вырвал фонарик у Джексона из рук. — Почему бы тебе просто не заткнуться на какое-то время? Если ты будешь трепаться без умолку, то мы не услышим лебединую песню.

— Да как скажешь, Бен, — беззлобно ответил Джексон.

К своему ужасу, я поняла, что они шли прямо на меня. Я судорожно огляделась, но совершенно точно не успевала сбежать в другой зал. Поэтому я присела на корточки, вжалась в стену и замерла. Сердце мое колотилось как бешеное, пульс стучал в ушах, когда Джексон с Беном прошли через арку в зал, где была я.

Я сидела, не шевелясь, стараясь даже не дышать, в очередной раз проклиная свои белые волосы и кожу. Стоило кому-то из них повернуться, и я незамедлительно была бы обнаружена. Я понятия не имела, что они хотят делать, но четко осознавала, что их двое, а я одна, и мы так глубоко под землей, что, сколько ни кричи, меня не услышат. И сотовый здесь тоже не поможет, он не ловит сигнал на такой глубине.

И еще кое-что: теперь я четко осознавала, что очень, очень недооценивала Бена.

Я столько лет знала его семью и считала его замкнутым и необщительным, но мне никогда бы и в голову не пришло, что он настолько расчетливый, холодный и кровожадный. Мне подурнело. Я же столько раз оставалась с ним наедине. И теперь я до утра была загнана Беном и Джексоном в ловушку в этих катакомбах.

К счастью, они прошли мимо, даже не взглянув в мою сторону. Я, не отрываясь, смотрела им в спины, пока они не прошли через следующий зал. Мое тело одеревенело и потребовалось приложить серьезное усилие, чтобы вновь заставить его двигаться. Нужно найти было новое место для укрытия. Оставалось только молиться, чтобы меня не обнаружили этой ночью. Стараясь двигаться как можно бесшумнее, я проскользнула за угол в зал, из которого они только что пришли. У Бена с Джексоном был при себе фонарик, я же, боясь обнаружить себя, не смела включить свой или зажечь свечу, которую тоже прихватила на всякий случай. Единственным моим преимуществом было то, что я знала об их присутствии, а они о моем даже не подозревали. Пока.

Я отчаянно попыталась не паниковать, но реальность была такова — я загнала себя в ловушку катакомб с двумя очень опасными людьми. А что, если я не выберусь? До утра еще так долго. Что, если меня обнаружит кто-то из них? Только небольшая часть катакомб была открыта для туристов — многие подземные проходы были целиком перекрыты. А это означало, что спрятать тело ничего не стоило, и оно могло пролежать здесь многие годы, и его так никто и не нашел бы...

Я тряхнула головой. Нельзя на этом заикливаться. Я должна оставаться спокойной. Да, Бен, как сам признался, жалел, что собственноручно не убил Лиама еще до того, как тот умер от аневризмы, но это вовсе не означало, что он готов убить меня. Если бы он собирался это сделать, то уже сделал бы. Возможностей у него было хоть отбавляй. Ему нужна была только лебединая песня. А я сама по себе ему не интересна.

Как же мне хотелось, чтобы я не покидала свою укромную келью, и чтобы Бена с Джексоном здесь не было, а я не оказалась в ловушке из-за них. Но даже если бы я чудесным образом смогла найти дорогу обратно, нельзя было рисковать и трогать ворота. Они могли заскрипеть, открой я их. В то же самое время, мне не хотелось просто стоять здесь, но особого выбора у меня не было. Вокруг меня крошечная тьма, и я боялась, что стоит мне

двинуться куда-нибудь, как я обязательно на что-нибудь налечу, сопроводив свою неловкость ужасным грохотом. Поэтому я просто отползла по стене подальше от входа, села на пол и помолилась, чтобы никто из них не нашел меня.

Я сидела в темноте, напряженно вглядываясь и вслушиваясь во тьму, уговаривая себя, что все нормально. Мне еще повезло, что они пока не подозревают о моем присутствии, а сигналом об их приближении мне всегда послужит свет от их факелов. Я просто буду заранее переходить в следующую келью, чтобы они не засекли меня. Я будто до смерти перепуганная мышка, спасающаяся от двух холеных, раскормленных котов, зло подумала я.

Но мой план действий почти сразу же провалился. Я не ожидала, что Джексон с Беном разделятся.

Когда отблеск далеких факелов примерно через полчаса коснулся моей komórки, и я услышала шаги, то предположила, что это возвращаются Джексон с Беном. Значит, пришло время бесшумно прокрасться в следующую келью. Я шла, соприкасаясь пальцами со стеной костей, чтобы не пропустить следующий дверной проем, и только обнаружив его, тут же нырнула внутрь.

И отсюда все пошло не так.

Стоило мне только оказаться внутри, как из темноты раздался знакомый голос:

— Ты не должна быть здесь!

Я вскрикнула, перепугавшись. В этой крошечной тьме совершенно ничего не было видно. Меня невозможно было увидеть.

Я даже не подозревала, что там вообще кто-то стоял, пока в испуге не отпрыгнула назад, стукнувшись о стену черепов, которые от удара рассыпались вокруг меня.

Знакомые слова все еще звенели в ушах. Я же слышала их буквально вот, на кладбище, прошлой ночью — статуя мужчины произнесла их голосом Лиамы...

В груди вспыхнула надежда такой силы, что мне физически стало больно. Вспыхнул фонарик, и его луч внезапно осветил мое лицо. Я посмотрела на человека, держащего фонарь, и мое сердце затопила радость — передо мной стоял Лиам.

Глава 21

Черная роза

Это был Лиам! Он стоял прямо передо мной — настоящий и живой! Я протянула дрожащую руку, чтобы прикоснуться к нему...

— Не думал, что ты сюда все-таки спустишься, — сказал он с ужасом в голосе.

Я оцепенела. Это не Лиам, ну конечно не Лиам — это был Бен. Тусклый свет и эти слова, точь-в-точь повторяющие услышанные мною на кладбище, на мгновение ввели меня в заблуждение. Но теперь, когда он снова заговорил, я поняла, что это не мой муж и радость сменил ужас, когда Бен бросился ко мне.

Потрясенная его действиями, впад в состояние аффекта, я, решив не дожидаться, когда он дотронется до меня, бросилась на него и сумела-таки врезать ему кулаком в челюсть. Он отшатнулся и выронил фонарик, который, упав, откатился. Я бросилась к двери, но он успел схватить меня за воротник пальто и подтащить к себе, одной рукой обняв за живот, а другой за плечи.

— Жасмин, успокойся! — зло прошептал он мне на ухо.

Его пальцы причиняли боль. Мне еще ни разу в жизни не было так страшно. Он, определенно, собирался меня убить. Ну почему, почему, я не послушала Лиама? Он же предупреждал меня, чтобы я не доверяла Бену. Почему он не рассказал мне, что его старший брат опасный псих?

Я резко ударила Бена головой по лицу и услышала хруст. Похоже, я сломала ему нос.

Он не отпустил меня, но его хватка ослабла. Мне и этого хватило, чтобы ударить его локтем в живот. Он сложился пополам и я, воспользовавшись моментом, схватила одну из длинных костей и нанесла ему тяжелый удар по голове. Но кость оказалась не слишком грозным оружием. От удара она разлетелась на куски. Не на это я рассчитывала. Однако этого оказалось достаточно, чтобы он рухнул на колени. Я не стала дожидаться, пока он поднимется, поэтому, не мешкая, схватила фонарик и убежала.

Едва я успела попасть в соседний зал, как зазвучала лебединая песня. Похоже, мне не нужно было переживать, что я могу её не услышать, её эхо разливалось по всем пещерам. Только волшебство способно было сотворить такую прекрасную музыку. Она звучала уже где-то совсем близко, и я спешила ей навстречу, прекрасно осознавая, что Джексон и Бен, как только последний поднимется на ноги, последуют моему примеру. У меня возникло такое чувство, что мой единственный шанс вырваться отсюда — найти песню первой. Я могла зачаровать их, чтобы эта парочка держалась подальше от меня... Да-да, я понятия не имела, как это делается и могла только надеяться, что это было так же просто, как взмахнуть волшебной палочкой...

Как я и предполагала, музыка исходила из одной залы, у которой, как и еще у нескольких, была своя мемориальная доска. Эта посвящалась битве Шато де Тюильри^[19]. В правом углу находились длинные кости, выложенные полукругом, с четырьмя рядами равномерно распределенных черепов. Музыка шла отсюда.

Некогда было осторожничать. Бен с Джексоном вот-вот могли нагрянуть. Я бросила фонарик и принялась скидывать кости, лежащие сверху. Вряд ли роза была запрятана глубоко, потому что Лиам, скорее всего, прятал её, когда катакомбы были открыты для

посещений, а значит, действовать ему нужно было быстро. Я уже сбросила четверть всех костей, убрав второй ряд черепов, когда заметила черный лепесток между костями и услышала знакомый соблазнительный запах.

Но самое поразительное — на лепестке было золотом написано имя: «Жасмин». Я нахмурилась и протянула руку к цветку, как раз тогда, когда сзади в меня врезался Джексон. Повсюду рассыпались черепа, Джексон оттолкнул меня и схватил черную розу, которая чуть не свалилась вместе со мной на пол. Но следом за Джексонем вбежал Бен, по лицу которого была размазана кровь.

— Я первый её нашел! — торжествующе прокричал Джексон. — И не отдам её, пока деньги не будут переведены на мой счет!

Бен невесело усмехнулся.

— По правде говоря, Джексон, я не могу тебе заплатить, — сказал он, разводя руками. — Ни единой монеты. Я все спустил на поиски. У меня ни гроша. На самом деле, я в долгах. На грани банкротства. Кладоискательство оказалось более дорогим предприятием, чем я ожидал.

Джексон вытаращился на него.

— Ах ты лживый ублюдок! — воскликнул он. — Значит, не получишь её, пока не заплатишь! Или мне, в конце концов, придется найти способ выйти на черный рынок.

— Нет, — тихо сказал Бен. — Ты этого не сделаешь.

— Посуди сам, я тоже порядком в это вложил!

— Обломись, — отрезал Бен. — Осмелюсь заметить, ты легко можешь пожертвовать частью своей добычи, полученной нечестным путем. Отдай её. — И он протянул руку за розой.

Но Джексон сжал стебель покрепче и отступил назад.

— Ладно, — сказал он. — Ладно. Другого покупателя мне не найти. Но мы все же придем к какому-то соглашению, Бен. Например, ты можешь заплатить мне в рассрочку или...

— Похоже, ты так ничего и не понял, — сказал Бен, и я впервые услышала нетерпение в его голосе. — Я не заплачу тебе и ломаного гроша, Джексон. Ни сейчас, ни потом. Так что давай ее сюда. Я и так слишком долго этого ждал.

Джексон покрутил розу в руке. Свет от фонарика на полу упал на бутон, и я увидела, что надпись, золотая надпись, есть на каждом лепестке. На каждом было написано: «Жасмин».

— Я же могу тебя зачаровать! — сказал Джексон, внезапно пораженный озарением. — И тем самым заставить тебя найти деньги, чтобы расплатиться со мной!

Бен осклабился.

— Со мной этот номер не пройдет, — сказал он. — Итак, вот как мы поступим: сначала ты отдашь мне розу, потом ты вернешься ко входу в катакомбы и просидишь там до утра. Охранникам, которые тебя там найдут, ты скажешь, что остался здесь на ночь на спор. Ты никому никогда ничего не расскажешь и близко больше не подойдешь ни ко мне, ни к Жасмин.

Он замолчал и посмотрел на Джексона, который застыл в нерешительности, очевидно, судорожно соображая, что же делать. Но спустя несколько секунд, он все еще стоял на месте и не отдавал розу. Бен медленно, не говоря ни слова, склонил голову. Джексон бросил на меня взгляд, словно считал, будто я не в курсе происходящего. Я вжалась в стену, стоя на полусогнутых ногах. Света от фонариков, разбросанных по полу, хватило, чтобы я поняла,

отчего Джексон заскулил от страха, когда Бен поднял голову.

Его глаза налились кровью. Белки стали ярко алыми. Джексон вскрикнул, бросил розу на пол и, схватив, фонарик, убежал. Бен наклонился и поднял цветок. Когда он выпрямился, я всерьез обдумывала, не пуститься ли и мне наутек. Но это означало бежать вслепую в крошечной тьме, потому что еще один фонарик лежал как раз за Бенom. И к тому же Бен успевал преградить мне выход и схватить меня, решишь я все-таки бежать.

Когда он обернулся, я сильнее вжалась в сырую стену, будто надеясь, что он не заметит меня. Его глаза все еще были налиты кровью. Своим видом он напоминал дьявола из ада, а не человека. И с моих губ, против воли, слетел вопрос:

— Кто ты?

Он моргнул, всего лишь раз, и его глаза вновь стали карими. Бен шагнул ко мне, а я схватила с земли кость, приготовившись защищаться. Когда он поднял руку, я вздрогнула и крепче сжала свое оружие, собираясь нанести удар.

Но он просто протянул цветок мне.

— Возьми, — сказал он спокойным голосом, который внезапно лишился всей той пугающей неприветливости, с которой он говорил с Джексонem. — Пожалуйста, Жасмин. Просто возьми.

Возможно, он был безумен. Он, определенно, был не совсем человеком. Поэтому мои потные ладони не отпускали кость, и я всерьез раздумывала разбить её об его голову и убежать вслед за Джексонem. Но что-то в нем заставило меня передумать. Он не походил на опасного злоумышленника, от которого мне нужно бежать или отбиваться.

Он держал розу так, словно это был самый прекрасный бутон на свете, который он нашел на цветочном поле и сорвал специально для меня. Я находилась достаточно близко, чтобы разглядеть странное отчаяние в его глазах.

Я опустила взгляд на черную розу, на каждом лепестке которой было начертано мое имя. Он так крепко сжимал стебель, что сквозь пальцы его дрожащей руки сочилась кровь. Но когда я протянула руку и взяла цветок, Бен сразу же опустил свою руку и сделал шаг назад.

Лепестки были нежными и гладкими, но не прошло и секунды, как раздался дребезг бьющегося стекла, и роза развалилась у меня в руке. Лепестки облетели, а стебель превратился в пыль. А потом на меня нахлынули воспоминания, и они были такими четкими, словно все это случилось не двадцать лет назад, а буквально вчера.

В свой первый день в школе, я уселась на перемене возле дверного проема и сидела там, ссутулившись, вздрагивая от прозвищ, которыми ребята от души награждали меня. Я изо всех сил пыталась превратиться в невидимку, сидела и не шевелилась, чтобы ни у кого из одноклассников не возникло причин сорвать на мне зло. Но потом неожиданно ко мне подкатился мяч и остановился у ноги. Я поспешно схватила его, с намерением кинуть обратно, прежде чем кто-то кинется его искать.

Но опоздала. Мальчишеские кроссовки уже подошли и встали рядом. Чувствуя себя совершенно несчастной, я протянула мяч куда-то вверх, надеясь, что он просто возьмет его и уйдет. Мальчик мяч взял, но не ушел. Он стоял рядом и подпрыгивал на месте. Когда я рискнула поднять на него взгляд, увидела, что он смотрит прямо на меня, и в ужасе опустила голову, стараясь не сделать ничего, что могло бы спровоцировать его, и ожидая страшного вопроса: «Ты призрак?»

Но спустя мгновение, он произнес:

— Ты Снежная принцесса?

— Снежная принцесса? — повторила я. Эти слова слетели с моих губ сами собой, я даже на мгновение забыла о своей стеснительности. — Я... не знаю.

— Ага, именно так, — решительно заявил он. А потом сел по-турецки и подкатил ко мне мячик. Мы так и прокатали мяч туда-сюда друг другу до самого звонка, ознаменовавшего конец перемены. А потом мы оба встали, и я вернула ему мяч.

— Спасибо, — сказал он, запихнув его в карман, а потом добавил: — Хочешь еще поиграть на обеденной перемене?

Я застенчиво кивнула, стараясь не светиться от счастья. У меня в животе порхали бабочки при мысли, что кто-то проведет со мной обеденное время. Он улыбнулся и сказал:

— Я принесу мяч.

Когда он повернулся в сторону двери, то добавил через плечо:

— Меня зовут Бен.

Глава 22

Чары

Детская площадка исчезла, её сменило другое воспоминание. Я пряталась в сене у дедушки с бабушкой в конюшне. Мне было шесть, и я наблюдала за феями.

— Ну и как она выглядит? — снова спросил Бен.

— Тише, — прошептала я, пихая его под ребра локтем. — Не болтай, а то всех спугнешь.

Слава Богу, он умолк. А потом воспоминание вновь сменилось. И вот мы уже взрослые едем верхом на лошадях, и Мистер Эд смешно выпячивает губы, заслышав голос Бена.

— Да что с этим конем? — спросил Бен, после того как проверил уздечку. Я же ухохатывалась в своем седле.

— Чего? — требовательно спросил Бен. — Что смешного?

— Твой голос, — задыхаясь от смеха, произнесла я. — Он реагирует на твой голос.

Бен скорчил рожу и повернулся к Эду.

— Проверка, проверка, — сказал он, и Эд немедленно смешно зашевелил губами. — Гмм. Похоже, ты права, — признал Бен, потом сел в седло, потрепал Эда по шее и взялся за поводья...

— Джек, поиграй мне, — умолял Бен уже в следующем воспоминании, где мы оба были в нашем доме. Я запротестовала, потому что дочитала как раз до середины захватывающей главы. Он вырвал у меня книгу и сказал с улыбкой: — Я твой жених. И я приказываю — играй немедленно.

Ворча, я поднялась с дивана и подошла к скрипичному футляру. Я подняла крышку и повернулась к журнальному столику, чтобы взять ноты.

Когда я оглянулась — взвизгнула при виде прекрасной, голубой с серебром электроскрипки на фоне бархата. Она должна была стать моим рождественским подарком, но после того, как он внес последние правки в дизайн, так разволновался, что больше не смог ждать и решил подарить раньше...

Мы встречались два года, а потом обручились. Помню, как мы выбрали на свадьбу конный экипаж и церковь, и то, что проведем медовый месяц на Карибах. А потом... мои воспоминания стали туманны.

Не знаю как, но между обручением с Беном и свадьбой случилось что-то ужасное, неправильное — и поэтому я вышла замуж за Лиам. По какой-то причине, я не поняла разницы между ними, словно я все время была помолвлена с Лиамом. Но на самом деле, это Бен был моим лучшим другом в школе, это в Бена я потом влюбилась, это за Бена я согласилась выйти замуж.

Это Лиам был сумасбродным. Бен никогда не прыгал с парашютом, никогда не садился за руль гоночных машин. Но это именно он сидел со мной в конюшне и следил за феями; он присматривал за мной в школе, это он таскал Хайди за косички; он гулял со мной по Мюнхену, пил глинтвейн и ел имбирные пряники на улице под снегом; он купил мне синюю с серебром электронную скрипку, и он был самым счастливым человеком, когда я согласилась стать его женой.

Все изменения, которые я заметила за мужем после свадьбы, теперь обрели смысл. Перед моим мысленным взором промелькнули сцены нашей жизни: как мы ели за столом,

смотрели телевизор, сидя на диване, спали в одной кровати... И я знала, что никогда его не любила. Но все равно почему-то вышла за него замуж.

— Бен, — прохрипела я, глядя на него, стоящего в полумраке катакомб. — Как же это случилось?

— Что именно? — спросил он настороженно.

— Почему я вышла замуж за Лиама, если любила тебя?

Я никогда не испытывала таких совершенно противоречивых эмоций. С одной стороны, я обрадовалась, испытала облегчение. Я готова была расплакаться. Мужчина, которого я похоронила в Англии, по которому я носила траур, стоял прямо передо мной. Мне хотелось броситься ему на шею, прикоснуться к его лицу, целовать в губы, убедить себя, что он жив.

Но в то же время, меня захлестнули вина, страдание и стыд. Как я могла выйти замуж за его брата и целый год провести без Бена. И теперь между нами все изменилось, и нельзя было все вернуть на круги своя. Он даже смотрел на меня иначе. В его взгляде больше не было прежнего тепла. По правде сказать, он смотрел так холодно, что я было подумала, будто вспомнила все неправильно.

— Ты помнишь, что мы были помолвлены? — спросила я. То и дело поглядывая на его левую руку, я видела полоску белого золота на безымянном пальце. Не было никакой больной невесты по имени Хайди. Я была той больной невестой.

— Да, — ответил он тихо. — Я помню, как был помолвлен с тобой. Я помню все. Это ты все забыла.

— Я... я не забыла, — возразила я. Меня покорибил его обвинительный тон. — Я просто помнила... неправильно. Кто такая Хайди? — Я знала, что такая женщина существовала. Я говорила с ней по телефону.

— Моя уборщица. Её имя было первым, пришедшим мне на ум.

— Так как же это случилось? — вновь спросила я, прижимая ладони к глазам, отчаянно пытаюсь найти какую-то точку опоры, чтобы стряхнуть сюрреалистическое ощущение нереальности происходящего, охватившее меня.

Я знала, что я сделала. Я помнила это очень ясно — помнила, как думала, что люблю Лиама и готова была провести с ним всю жизнь. Но все мои воспоминания о нем на самом деле относились к Бену.

Почему у меня в голове случилась такая путаница? Как же так получилось, что я перенесла любовь и дружбу к одному мужчине на другого, даже не заметив разницы?

— Он использовал лебединую песню, чтобы зачаровать тебя, — сказал Бен.

— Зачем?

— Чтобы наказать меня. Это моя вина, что его тогда схватили на озере. Я предупредил лебедей, что он придет. У него были какие-то нарушения, с рождения. Я это знал, родители знали. Он был... неуравновешенным. У него что-то было с головой. Порой он вытворял такое... Но ему почти все время удавалось это скрывать, и окружающим он казался нормальным.

Я поняла, что мне сейчас было все равно, кто, зачем и почему. Все, что меня сейчас волновало, что Бен жив, и он стоит передо мной. Меня переполняло желание прикоснуться к нему, успокоить себя, что он настоящий. Но когда я протянула к нему руку, он инстинктивно отступил назад.

Меня пронзила боль. Моя рука упала. Но потом меня затопили разочарование, гнев и сожаление. Как бы то ни было, я вышла замуж за Лиама. Я вышла замуж за брата Бена. И

пробыла его женой почти год. И после этого не было пути назад к нашим прежним отношениям с Беном. Я стала вдовой Лиама. И теперь между нами все было разрушено. Я стала буравить его глазами.

— Почему ты позволил мне это сделать? — сердито спросила я. — Почему ты меня не остановил? Почему не остановил его?

— А как я должен был поступить, Жасмин? Скажи? — так же сердито возразил Бен. — Что я мог сделать? Ты думала, что он — это я! Ты бы мне никогда не поверила, расскажи я тебе обратное! Ты бы сочла, что я псих!

— Поэтому ты просто отошел в сторонку и позволил ему жениться на мне? — бушевала я, нетерпеливо утирая слезы, которые текли по моим щекам. — Ты чертов трус! Почему ты даже не попытался...

— Да я пытался, черт возьми! — перебил меня Бен. — Я только и делал, что пытался, с самого начала этого кошмара! А что еще мне оставалось, Жасмин? Украсть тебя?

— Ты должен был прийти ко мне! Ты должен был прийти и рассказать правду!

— Да ты никогда бы мне не поверила, Жасмин, никогда! — резко сказал Бен, впервые коснувшись меня, схватив за плечи и почти трясая, но продолжая говорить. Но хуже всего было то, что он говорил правду. Я безоговорочно любила Лиама, потому что принимала его за Бена. — Не вини меня в этом! — шипел Бен. — Это ты меня бросила! Почему ты так легко и просто забыла нас? Почему ты не видела меня, даже когда смотрела на меня?

Он отпустил меня и отошел назад. Я обхватила голову руками и заплакала. Боль изменилась, но она была столь же мучительной. Я жила под чарами и считала, что мужчина, которого я любила, — мертв. Теперь я знала, что он был рядом с самого начала этого крошечного ада. Но сейчас он был разбит. Как его винить за это. Я вышла замуж за его брата и заполнила пространство между нами болью и горечью настолько сильными, что они никогда не излечатся, сколько бы времени ни прошло.

Бен был прав: я должна была суметь противостоять черной магии. Я не имела права принимать Лиама за Бена, и неважно, насколько сильным было колдовство. Почему же я не смогла. Я была отвратительна сама себе. Разве теперь я смела надеяться, что Бен вновь захочет ко мне прикоснуться, зная, что я была с Лиамом?

Ты должна понимать, как Бену тяжело приходится... Сколько раз я слышала эту фразу, после похорон, и только теперь я поняла почему. Неудивительно, что мать Бена меня ненавидела. Неудивительно, что она и еще половина родственников отказались присутствовать на свадьбе. Как это, должно быть, выглядело в их глазах? Всего за две недели до свадьбы они узнали, что я выхожу замуж не за Бена, а за Лиама. Для них, наверное, эта новость была как снег на голову. Многие наверняка ждали, что я выйду за Бена. Мы вместе выбирали отель на медовый месяц... А потом я вышла замуж за Лиама. Наверное, в их глазах мой поступок был жестоким и непростительным.

— Мне жаль, — устало сказал Бен. — Не плачь. Никто не виноват.

— Почему никто ничего мне не сказал? — спросила я.

— Тебе говорили, — ответил Бен. — Я знаю, что моя мама разговаривала с тобой как раз перед свадьбой, хотя я её об этом не просил. Она сказала мне потом, что ты её даже не слушала. Думаю, что и с другими было то же самое.

Я смутно припомнила разговор с мамой Бена. Я почему-то плохо его помнила. Это было больше похоже на сон. Я не могла вспомнить ни единого слова.

— Я не понимал, что ты перенесла свои воспоминания на Лиама, — объяснил Бен. —

Пока ты не рассказала мне про поездку в Мюнхен с Лиамом, и что это он подарил тебе скрипку. Я думал, что ты помнишь нашу помолвку. Но даже знай я об этом, это ничем бы не помогло. Я мог бы показать тебе наши совместные фотографии, но чары заставили бы тебя увидеть на них вместо меня Лиама. То же самое происходило, когда кто-то говорил тебе о наших отношениях. Но я надеялся, что все прекратится с его смертью.

Я вспомнила странные замечания про Бена, после смерти Лиама. Что-то такое говорила моя мама, его мама, Лора...

Я очень четко вспомнила тот момент, когда меня зачаровали. Я вернулась домой, это было за три недели до свадьбы. Лиам стоял на пороге и ждал меня. Он якобы потерял ключ. Неделью спустя, мы вернулись домой и обнаружили у себя на кухне пьяного Бена. Он сказал, что узнал от матери о нашей помолвке и хотел обсудить с Лиамом какие-то деловые вопросы. Они вместе вышли из дома, и вновь я увидела Бена только на похоронах.

— Ты просто ушел! — прокричала я. Мой голос ужасным эхом разлетелся по катакомбам. — Лиам ворвался в мою жизнь, а ты просто ушел, оставив меня в нашем доме с ним! Как ты мог? Как ты мог? Меня зачаровали — но ты-то не был зачарован! Чем можно оправдать твое нежелание попытаться все исправить?

— Прекрати, — холодно сказал Бен. — Что бестолку обвинять друг друга. Это ничем нам не поможет.

— Но ты же виноват! — выкрикнула я. — Ты должен был вернуться за мной! — Я видела, как он вздрогнул, словно я ударила его. И мне стало стыдно, за то, что возложила весь груз вины на его плечи, но я не могла остановиться. Если бы гнев меня оставил, то тогда меня сокрушило бы горе, с которым я вряд ли справилась бы. — Ты должен был бороться за нас каждый день, а не пасовать перед Лиамом и вот так просто сдаваться! Может быть, сначала я тебе и не поверила бы. А может и никогда, но ведь ты даже не попытался! Ты просто оставил меня с Лиамом и переехал в Германию. Как же мне хочется придушить тебя за эту трусость!

— Возможно, ты права, Жасмин, — сказал Бен совершенно усталым голосом. Мое сердце сжалось от боли. — Может, я просто делал все неправильно. Возможно, ты права, я виноват... — Он закашлялся, прикрыв рот рукой. Его плечи тяжело вздымались и опускались, словно он что-то ел и кусочек пищи попал не в то горло. Что-то было не так. Он задыхался, словно проглотил язык. Когда он рухнул на колени, я впервые подумала, что он, возможно, болен. Но потом я увидела, что у него изо рта вылетели перья. Длинные, черные, мокрые от слюны... такие перья могли принадлежать лебедю...

— Что с тобой случилось? — полушепотом спросила я, вспомнив, как покраснели его глаза. На пол и на кости упало по крайней мере с десятков крупных, уродливых, перекрученных перьев...

Он старательно избегал моего взгляда, когда поднялся на ноги, бледный, как покойник, с темными кругами под глазами.

— Мне пришлось, — пробормотал он. — Это был единственный выход.

— Что ты сделал, Бен? — спросила я. Мой голос от страха и гнева прозвучал резко.

Он повернул голову, чтобы встретиться со мной взглядом и сказал:

— Я стал рыцарем.

Глава 23

Ледяной дворец

— Лебединым рыцарем? — спросила я, уставившись на него в сумраке.

— Да, да, лебединым рыцарем, а кем еще? — нетерпеливо ответил Бен. Потом он склонил голову, будто прислушиваясь, облегченно вздохнул и сказал: — Кини скачет.

— Что? — О чем он говорит вообще.

Но спустя мгновение, я услышала цокот копыт. От неожиданности я подпрыгнула. Катакомбы — это последнее место на земле, где стоит искать коня. Когда он завернул за угол и остановился перед нами, то показался мне здесь куда более уместным, чем кости, хрустящие под его копытами.

— Что он здесь делает? — спросила я.

— Лукас его прислал, — пробормотал Бен. — Нам нужно выбираться отсюда.

Но сначала он вновь опустился на колени и подобрал опавшие с розы лепестки. Я обратила внимание, что на них больше не было моего имени. Собрав их все, Бен на краткий миг сжал руку в кулак вместе с ними, а когда разжал, лебединая песня превратилась в простую черную цепочку, которую он повесил себе на шею и спрятал под одеждой.

— Пойдем, — сказал он, вставая и поворачиваясь обратно ко мне.

Он сцепил руки в замок, чтобы я смогла поставить на них ногу и сесть на Кини. Без подставки и стремян задача была не из легких. Но он все же сумел взобраться на спину лошади вслед за мной и, как только мы уселись, конь поскакал. Если бы я не держалась за Бена, обнимая его, то сразу бы свалилась. Так что у меня просто не было выбора, и все же я испытывала неловкость, потому что чувствовала, как он напрягся.

Когда Кини доскакал до стены, он, не останавливаясь, прыгнул сквозь неё, словно перед нами встала не твердая поверхность, а всего лишь мираж. Я ничего не почувствовала, когда мы прошли сквозь стену и оказались на другой стороне, где обнаружили замок... похоже, полностью выстроенный из чистого льда.

Кини фыркнул от внезапного холода, и облачко его дыхания поднялось вверх по воздуху. Он зашел в большой коридор первого этажа, хрустя копытами по снегу. Стены сияли голубым отблеском в солнечном свете. По всей длине коридора стояли колонны, выстроенные из ледяных кирпичей. Даже люстры, и те были сделаны из льда. Этот дворец, будто сошел со страниц сказки. Ничего подобного, столь изысканного не могло существовать в настоящем мире. При виде этой красоты, у меня перехватило дыхание. Кини привел нас прямо в сказочное царство.

Сначала я подумала, что мы здесь одни, но потом из-за Кини вышел Лукас.

Конь ткнулся в ладонь Лукаса, и я услышала хруст. Он пережевывал кусочек сахара.

— Молодчина, — тихо сказал Лукас. На морозном воздухе его дыхание превращалось в облачка пара. А потом он посмотрел на нас.

— Ты её нашел?

— Да, — ответил Бен.

Я разжала руки, чтобы он мог слезть с коня. Потом он развернулся и помог спуститься мне. Но стоило мне только встать на ноги, как Бен сразу же убрал руки.

— А чары? — спросил Лукас, бросая на меня взгляд.

— Разрушены, — проворчал Бен. Похоже, он не был слишком счастлив, хотя то, чего он

добивался много месяцев, наконец, свершилось.

Освободившись от седоков, Кини повернулся и затрусил прочь по коридору. Его копыта звонко стучали по льду несколько минут, а потом он растворился в воздухе, будто и не было его, будто он призрак, а не животное из плоти и крови.

— Мы в сказочном царстве? — выпалила я, уверенная, что Лукас ответит «да».

Но он только улыбнулся мне и сообщил с загадочной улыбкой:

— Нет, мы в «Ледяном отеле». В Швеции. Я знаю кое-кого из здешних работников.

Я знала о ледяных отелях. Ну конечно, знала. Я мечтала очутиться в нем с тех самых пор, как Бен принес в школу фотографию, которую сделал один его родственник, побывавший там.

— Джек, я покажу тебе твой домик, — сказал он. — Настоящий.

Он показал мне фотографию, и я была очарована тем, как лед блестел разными цветами на солнце, переливаясь оттенками от голубого до зеленого, от бирюзового до белого. Все было сделано из льда: стены, кровати, даже бокалы в барах. Все носили зимние комбинезоны, сапоги, перчатки и пушистые шапки, чтобы не замерзнуть при минус пяти градусах, постоянно поддерживаемых внутри. Когда солнце садилось, повсеместно зажигались свечи. Не было на земле ни одного другого места, подобного этому. «Ледяной отель» был островком сказочного царства, и Бен называл его моим домом, потому что он так походил на дворец Снежной принцессы. Когда мы обручились, то договорились, что однажды, став старше и богаче, мы съездим туда, чтобы отметить там годовщину свадьбы.

Мы думали, что нам придется долго ждать, потому что отдых в таком отеле был не из дешевых. И вот теперь мы здесь, но не о таком я мечтала.

Я перевела дыхание, чтобы потребовать от них ответы на все свои вопросы. Но, когда я взглянула на Бена, который снял с шеи цепочку и передал её Лукасу, то увидела, что его глаза опять покраснели. Лукас тоже обратил на это внимание и спокойно сказал, спрятав цепочку у себя на шее:

— Мне кажется, тебе соринка в глаз попала.

Похоже, Бен ничего бы не заметил, если бы не Лукас. Он закрыл глаза, и когда открыл, то они стали практически нормальными, но потом красный цвет снова, будто чернила, просочился обратно.

— Неа, — сказал Лукас, качая головой. — Боюсь, на этот раз не выйдет. Хорошо, что я тебе номер зарезервировал.

— Не нужен мне никакой номер, — огрызнулся Бен. — Я не могу сейчас превратиться. Я должен... — Его прервал ужасный треск. Кости Бена ломались. Его колено подогнулось к земле, и он закричал от боли.

— Постарайся не сопротивляться этому, — спокойно сказал Лукас, взяв Бена за руку, которая тоже ломалась изнутри. Бен закрыл рот рукой, чтобы заглушить крик, но тот все равно прозвучал очень громко.

— Что с ним? — спросила я, стараясь не отставать от Лукаса, который тащил Бена к ближайшей двери.

— Ой, да он просто превратится в лебедя. Только и всего, — ответил Лукас, толкая дверь ногой. — Не о чем переживать.

Я последовала за ними в одну из спален отеля и мельком обратила внимание на снежный ковер на полу, две кровати из льда с четырьмя витыми столбиками во всех углах, укрытых оленьими шкурами. В стене был вырезан подоконник, а посередине комнаты стояла

красивая скульптура ангела.

Я беспомощно наблюдала, как Лукас бросил Бена на кровать, и позвоночник мужчины сломался как стекло. Он побелел, и его крик теперь больше походил на прерывистые вздохи. Лукас посмотрел на меня и сказал:

— Дверь лучше закрыть.

Я быстро выполнила его просьбу, радуясь про себя толщине стен. Последнее, что нам нужно, это чтобы кто-нибудь их гостей отеля пришел на шум.

— Постарайся не сопротивляться этому, — вкрадчиво сказал Лукас Бену. — Иначе превращение будет еще неприятнее.

— Что может быть приятного в ломке костей во всем теле? — огрызнулся Бен. Я даже удивилась, услышав его обычный голос, ведь благодаря его алым глазам и телу, пропитанному потом, он совсем не походил на прежнего Бена.

Едва он успел договорить, как у него сломалась челюсть, потом шея и фаланги пальцев. Его облик преображался прямо на глазах. По всему его телу там, где сломались кости, появились синяки, которые немедленно покрылись перьями, сопровождающими свое появление из кожи брызгами крови. Его руки превратились в крылья, тело уменьшилось, и буквально через минуту Бен исчез, а его место занял черный лебедь.

— Ну вот, — весело сказал Лукас. — Было же не так плохо, да?

Лебедь зашипел на него.

— Язык! — сказал Лукас с улыбкой. — Ты должен научиться контролировать свой нрав, Бен.

Черный лебедь забил крыльями, пытаясь выбраться из одежды. Когда он наконец это сделал, то чуть не свалился с кровати.

— Да ладно тебе, — сказал Лукас и посадил птицу поверх одежды. — Оставайся в кровати, пока... ну, пока не придешь в себя. Ты же не хочешь раскроить себе череп о лед?

Лебедь сердито встрепенулся, стряхнув снег с перьев, а потом неуклюже растянулся на одежде, словно новорожденный жеребенок, который еще не владел полностью своим телом.

— Полчаса, — сурово предупредил Лукас. — Не превращайся обратно как минимум полчаса, Бен. Я серьезно. Мы пойдем в бар.

Он взял меня под локоть и вывел из комнаты, в которой остался черный лебедь, угрюмо смотревший нам вслед со своего насеста.

— Ты не брезгливая? — спросил он, поглядывая на меня. — Может, тебе нужно присесть?

— Нет, — ответила я.

— Но ты дрожишь.

— Я не дрожу. Я мерзну, — сказала я, стуча зубами. — Чертовски холодно.

— О. Ну да. Разумеется. Извини, не сообразил. Рыцари, знаешь ли, не чувствуют холода. Давай спустимся и поищем теплую одежду. А потом сходим в бар и поиграем в «Двадцать вопросов»^[20]. Наверняка, ты хочешь о чем-то спросить, да?

Я тупо кивнула. Меня трясло не только от холода, но от звука его голоса мне почему-то стало спокойнее. Его голос был веселым, жизнерадостным, словно ничего плохого не случилось, и все в итоге наладится.

— Прости, — ляпнула я.

Лукас озадаченно посмотрел на меня.

— За что?

— За все, что я наговорила тебе в горах. — Тогда я не знала, кем он был, кем были Бен и Лиам — но я помнила ту ненависть, которую испытывала к нему, когда он сказал, что Лиам был плохим человеком, и теперь мне стало стыдно.

— Ааа, ты про это. — Лукас рассмеялся. — Не бери в голову. Я был только рад вытащить тебя из волшебного царства. В противном случае, Бен бы убил меня.

Мы дошли до конца коридора. Снег хрустел под нашими ботинками.

Добравшись до конца коридора, уставленного колоннами, мы очутились возле широкой лестницы, ведущей к атриуму^[21]. Каждый год «Ледяной отель» выглядел по-разному. Весной он таял, и каждую зиму его приходилось заново отстраивать. И каждый раз для этого нанималась новая команда дизайнеров, художников и архитекторов. На фотографиях, что мне довелось видеть, снаружи он больше напоминал здоровую юрту, чем дворец. Кроме того, я была уверена, что отель одноэтажный. Теперь же, как я видела, в этом году появилось вот такое новшество в виде второго этажа. Неужели у владельцев стало больше денег? Меня ужасно заинтересовал отель. Мысли о нем, по крайней мере, не давали мне думать о Бене и позволяли отвлечься от болезненных переживаний.

Лестница, как и все в отеле, была выстроена изо льда, но её устилал насыщенного синего цвета ковер, который берег гостей от травм, связанных со скольжением. При любых обстоятельствах, я была бы в восторге от увиденного. Неужели это творение рук человеческих? Замок, вырезанный, словно из хрусталя. Элегантные ледяные скульптуры украшали фойе: здесь был и прекрасный, безупречно исполненный лебедь, и конь в натуральную величину, вставший на дыбы, и величественный кентавр, и ваза с букетом из ледяных цветов. И везде был встроен свет, поэтому все скульптуры загорались то оранжевым цветом, то зеленым, то розовым и так по кругу.

Именно так я себе и представляла этот отель, впервые увидев его на фотографии, которую Бен принес в школу. До сих пор не могу забыть, сколько часов мы тогда провели за разговорами о том, что когда-нибудь обязательно сюда съездим... Но отчего-то мне вдруг захотелось оказаться где угодно, только не здесь. Здесь и сейчас мы могли разрушить нашу мечту навсегда. Боль и страдания, которые мы сейчас переживали, не позволят нам насладиться сказочностью этого отеля. Ну почему мы не оказались в каком-нибудь маленьком вшивом мотеле, в который я не мечтала попасть с детства?

Нам выдали блестящие серебристые комбинезоны, которые надевались поверх нашей одежды, серые меховые шапки-ушанки и толстые зимние перчатки. Потом мы отправились в ледяной бар «Абсолют» — большое помещение, высокий потолок которого тоже подпирали колонны. Одну сторону бара, почти во всю длину, занимала барная ледяная стойка, а на стене позади неё, на ледяных полках, красовались ледяные бутылки, подсвеченные сзади. Столики и стулья тоже были вырезаны изо льда. Но чтобы гости не промерзли, стулья покрывали оленьи шкуры. Меня настолько поглотили мысли о том, как бы мне хотелось, чтобы все было иначе, что я даже не заметила, как мы приблизились к бару. Но, как говорится, слезами горю не поможешь. Уж кому это знать, как не мне. Не наслаждаться нам с Беном поездками в собачьих упряжках, катанием на лыжах, ужинами из ледяной посуды и сном в уютной ледяной спальне...

Лукас протянул мне ледяной стакан, полный водки, и в тот же миг я заметила гладкое черное кольцо на его указательном пальце. Точно такое же кольцо я видела на указательном пальце Бена. Я обратила на него внимание еще на «Королеве Мэри».

— Что это? — спросила я, указывая на его кольцо.

— Это? Такие получают все рыцари. Оно защищает нас от лебединой песни, нас нельзя зачаровать. Пошли, сядем за столик.

Мне пришлось взять свою рюмку обеими руками, чтобы та не выскользнула. Перчатки были очень толстыми. Мы уселись за самый дальний столик. Большинство народа весело проводило время возле бара. Мне пришлось приложить все усилия, чтобы не рухнуть лицом в глыбу льда столешницы, подперев подбородок руками. Было так холодно, что упав из моих глаз хоть одна слезинка, она бы немедленно примерзла к щеке, не успев долететь до стола. Я опрокинула водку в рот и почувствовала, как она разлилась теплом по телу.

— Через полчаса с ним все будет в порядке, — заверил меня Лукас.

Несмотря на то, что рядом с нами никого не было, и нас бы вряд ли кто услышал, я спросила полупшепотом:

— Ты имеешь в виду, что через полчаса он превратится в человека?

— Именно.

— А он... он понял, когда ты сказал, что мы пошли в бар?

— Да, он все понимает. С ним все в порядке, он просто не привык... быть лебедем, вот и все. Он пока не может контролировать свое тело. Ну, это типа как учить другой язык. Одни растут с этим, а другие, уже, будучи взрослыми, учатся этому. Им просто нужна практика.

— Это всегда так? — спросила я, вспоминая ужасную сцену наверху — хруст костей, разрыв кожи... — Ну, это всегда так больно, превращение?

— К сожалению, — ответил Лукас. — Обычно трансформация происходит быстрее, потому что все не так плохо, но Бен сопротивлялся. Неосознанно, конечно. Он не виноват. Это естественный защитный механизм организма. В конце концов, это прекратится.

— Но зачем ему вообще нужно было трансформироваться?

— Затем, что у рыцарей две ипостаси — человеческая и лебединая. Для каждой свой черед. Нужно найти баланс. Бену это не нравится — он пытается подавить в себе лебедя и этим только вредит себе. Единственная причина, по которой он стал рыцарем — поиск лебединой песни.

— Как это случилось? — спросила я тихо. — Как он вообще им стал?

— Его привела к присяге царица Людвиг, — ответил Лукас. — Я привел его к ней за несколько месяцев до смерти Лиамы. Сам он не приблизился к разгадке, где же спрятана лебединая песня, поэтому заключил договор с царицей, что она сделает его рыцарем, а он, в обмен на это, вернет ей песню, когда найдет. Я сам верну ей голос, как только Бен успокоится.

Я с трудом сглотнула.

— А отменить его рыцарство можно?

— Боюсь, что нет, — ответил Лукас. — Билет в один конец и все такое. Рыцари не могут быть разрыцарены. Я говорил ему это еще до поездки в Нойшванштайн, но он не передумал.

— А что Бен сделал? — спросила я. Мне едва удавалось держать свой голос ровным. — За что Лиамы его так возненавидел, раз пошел на то, чтобы разлучить нас?

— Боюсь, в этом есть и моя вина, — ответил Лукас. — После того, как Лиамы рассказал, что он увидел на озере, Бен сам туда отправился как-то ночью и понял, что брат говорил правду. Когда Лиамы сказал ему, что хочет украсть одного из лебедей и продать в научную лабораторию, Бен сказал ему, чтобы тот оставил лебедей в покое.

Естественно, Лиамы затаил обиду, ему не понравился приказной тон Бена. Поэтому Бен

вернулся на озеро, нашел одного из лебедей и предупредил насчет возможного появления Лиамы, сказав, чтобы они были готовы ко всему. В то время ни он, ни Лиям не знали о рыцарях. Но лебедь, с которым он говорил, передал нам этот разговор, и мы решили, что во избежание опасности, некоторое время после наступления темноты, они будут в птичьей ипостаси. Когда Лиям явился на озеро, я схватил его и утащил в воду, сказав, что мы знали о том, что он придет, и если он придет сюда еще раз, то лишится жизни. Я не упоминал имени Бена, но его брат был единственным человеком, знавшим о лебедях, и когда Лиям обвинил его в предательстве, Бен ничего не стал отрицать. Он попытался объяснить, что не знал ничего про рыцарей и хотел только предупредить лебедей, но Лиям считал, что предательство Бена чуть не стоило ему жизни, и он испортил его план, чтобы самому добраться до славы и богатства. Так что он поклялся отплатить ему той же монетой.

— В следующий раз Бен увидел Лиаму уже у вас в доме, как раз перед свадьбой. Как только его мать позвонила, чтобы сообщить, что вы двое неожиданно объявили о помолвке, он понял, что Лиям откуда-то украл лебединую песню. Поэтому он вернулся и сказал, что готов заплатить любую цену, которую назовет Лиям, чтобы снять с тебя чары, но тот отказался. Бен ушел, чтобы найти лебединую песню до свадьбы, но безрезультатно, поэтому он встретился с Лиямом во время вашего медового месяца и... ну... не знаю, о чем он думал, когда ехал на Карибы... в общем, они поругались, и в итоге подрались. Бен остановился, прежде чем драка вышла из-под контроля, потому что знал, что ты ждешь в номере, думая, что Лиям вот-вот вернется... Я знаю, тебе кажется, будто он самоустранился, но на самом деле, он просто пытался защитить тебя. Мы выяснили, что Лиям собирался освободить тебя от чар через год или два, потому что пообещал Джексону продать лебединую песню какому-то покупателю, который не задает вопросов. Тем временем, Бен продолжал искать песню, и, поняв, что время идет, а он не приближается к цели, решил стать рыцарем. И это помогло бы, потому что рыцари тоже чувствуют украденную песню даже на расстоянии, но катакомбы были слишком хорошим укрытием. Даже мы не можем видеть или слышать её, когда она так глубоко под землей.

— Я слышала, — заметила я. — Я слышала её всю дорогу от кладбища Монпарнас.

— Ну, это потому, что ты была зачарована ею, — ответил Лукас, пожав плечами. — Поэтому твоя связь с песней была прочнее, чем у прочих, за исключением самой царевны-лебедь. Вот почему Бен взял тебя с собой, чтобы повидаться с ней. Когда вы только приехали в замок, Бен пришел ко мне посреди ночи, и я рассказал ему о лошадке фей. Ты бы не узнала, что песня в катакомбах, если бы не Бен, потому что именно лошадка привела тебя туда. Он не мог просто сидеть, сложа руки. Бен без усталости искал её.

— Но он бросил меня с ним! — Слова прозвучали громче и горше, чем мне бы хотелось.

— Да, — тихо сказал Лукас. — Это правда. Но он знал, что Лиям тебя не обидит. Он же не тебя наказывал, а Бена. Если бы Бен хотя бы на секунду решил, что тебе грозит опасность, он бы, рискуя угодить за решетку, выкрал тебя. Или сделал что-нибудь с Лиямом. Поверь, Жасмин, он бы ни за что не оставил тебя с ним, не будь уверенным в твоей безопасности. Ты должна мне верить... Ах, вот и он, — сообщил Лукас.

Когда Бен остановился возле нашего столика, то я не заметила никаких внешних признаков того, что случилось наверху, за исключением одного черного пера за воротником его теплой куртки.

— У тебя там кое-что осталось, — сказал мягко Лукас, указывая на его шею.

Бен раздраженно убрал перо и сунул его в карман.

— Я лучше пойду, — сказал Лукас. — Царевна ждет не дождется, когда ей вернут голос.

— Убедись, что другие тебя не увидят на этот раз, — сказал Бен.

— Не переживай, я пойду в замок в сумерках, до наступления ночи. Проблем не возникнет. А вы оставайтесь здесь до моего возвращения, договорились? А потом ты сможешь взять Кини и... ну, в общем, отправиться, куда захочешь. Есть один билет на самолет.

Мы покинули бар и вышли в Зимний сад, расположенный за отелем, — в зимнюю сказку из мерцающих огней и ледяных скульптур, усеянную мягким, как пудра, снегом. Из ниоткуда появился Кини. Он аккуратно прошествовал между скульптурами к нам — холеное живое существо посреди застывшей ледяной красоты. Я с тревогой посмотрела на гостей отеля, гулявших по саду. Естественно, они заметили Кини и во все глаза таращились и тыкали в коня пальцами. Что в Кини было самым странным, так это отсутствие седла и уздечки. Поэтому создавалось впечатление, что он никому не принадлежал и в этой ледяной глуши бродил сам по себе. Вообще, он больше напоминал мираж, чем настоящее животное.

Кини остановился перед Лукасом, и Бен помог ему взобраться на спину коня.

— Я скоро вернусь, — сказал он, глядя на нас. — Не обижайте друг друга, пока меня не будет, договорились?

Он подождал, пока гости свернут за угол, и мы исчезнем из их поля зрения, а потом прищипил Кини, и они растворились вдаль, оставив нас с Беном в неловкой тишине.

Мне столько хотелось ему сказать, что я даже не знала с чего начать. Я хотела объяснить ему, что любила Лиаму, только потому, что считала его Беном. Я никогда не любила самого Лиаму. Да он мне даже не особо нравился, и виделись мы нечасто. Будучи младше Бена на два года, в детстве он никогда не участвовал в наших играх. Когда Лиам стал старше, чуть ли не все девчонки ели у него из рук. Он был красивым и обаятельным, а Бен же был нелюдимым и скромным. Лиам пару раз флиртовал со мной, но я не отвечала на его ухаживания. После нашего обручения Бен шутил, что я единственная девушка, общающаяся с Лиамом, которой он безоговорочно доверял. Он был уверен, что я ни за что его не предаю, как бы Лиам ни старался. Сейчас эти воспоминания были будто ножом по сердцу. Прошлого не изменить. Оно всегда будет стоять между нами.

— Ты в порядке? — спросила я, решив нарушить тишину.

— Да, — ответил Бен.

— Хорошо, — сказала я обессиленно.

Очередное неловкое молчание. Снаружи зажегся свет. Сумерки еще не полностью сгустились, небо было окрашено в серые тона, но «Ледяной отель» неожиданно зажегся сотнями крошечных огоньков, словно оделся в изящную мантию сказочной королевы. Одновременно с освещением отеля, зажглись и фонарики в саду, окрашивая брызгами цвета изящные скульптуры, придавая им окрас пурпура, синевы, зелени и оранжевого.

— Какая красота, — выдохнула я.

— Давай прогуляемся вокруг, — предложил Бен, уже уходя вперед и тем самым не оставляя мне выбора.

Несмотря на обстоятельства, я не могла не залюбоваться отелем. Даже из той малости, что мне уже довелось увидеть, можно было с уверенностью сказать, что он такой же волшебный, каким я его себе представляла.

Я никогда не видела ничего чудеснее. Как человек, побывавший в самом сказочном царстве, со всей ответственностью заявляю — этот отель был прекраснее царства.

— Прости за скрипку, — сказал Бен. — Я думал, в ней заключена песня. Поэтому я и сломал её. А не потому, что ты мешала мне своей игрой по ночам... Я подумал, что может быть Лиам нашел способ заглушить её. А еще позже черная роза появилась в футляре, и лошадка написала название улицы на крышке... Мне показалось, что скрипка идеально подходит для тайника, к тому же Лиам знал, как ты её любила и всегда носила её с собой. Прости. Мне противно было это делать, но я правда думал, что песня внутри.

— Все в порядке, — ответила я. — Я понимаю.

— Я оставил тебя в Германии, потому что понимал, после такого ты мне больше никогда неверишь. А потом мне позвонил Джексон и сказал, что я должен приехать в Париж, потому что он уверен, что найдет лебединую песню. Я думал, ты в безопасности в Баварии и все же попросил Лукаса приглядывать за тобой. На всякий случай.

Я просто кивала, не зная, что сказать. Я поняла, меня уже мало волновало то, что случилось, я больше переживала за то, что будет дальше. Зимняя одежда оказалась достаточно теплой, чтобы мы могли наслаждаться прогулкой. Мы какое-то время шли молча, стараясь не касаться друг друга. Не скрою, мне безумно хотелось взять Бена за руку, но я знала, что если попробую его коснуться, он отпрянет. Мы добрались до самой красивой скульптуры. Это был единорог в натуральную величину, лежащий на снегу. Это был не просто конь с рогом на лбу, а волшебное создание из сказки. Словно тот, кто изваял это чудо, побывал там и видел эти создания воочию. Неподалеку стояла скамейка, освещаемая кованым фонарем, сделанным под старину. Этот фонарь напомнил мне выдуманную страну Нарнию.

— Давай, присядем на минутку, — предложила я. Я устала и проголодалась, и гадала, который час сейчас во Франции. Или в Германии. Или в любой другой стране, по которой еще могли бы ориентироваться мои внутренние часы. Когда я последний раз спала? Или ела, если на то пошло... Мне больше не хотелось разговаривать, разговоры причиняли только боль. И мне не хотелось нарушать умиротворение, царившее в этом саду. Но я должна была еще кое-что узнать. Поэтому я глубоко вздохнула, собрала остатки мужества и, спустя минуту, тихо спросила: — Почему ты не рассказал мне в Германии о том, что происходило с Лиамом? Мы столько раз говорили по телефону. Почему ты ни о чем не рассказал? Ты же знал, что я поверю любому твоему слову, что бы это ни было.

Бен помолчал какое-то время, а потом произнес:

— Я ничего не рассказывал отчасти потому, что мне было стыдно за него. — Он неотрывно смотрел на единорога и продолжал рассказывать ровным голосом: — И ты сказала, что в будущем хочешь детей, но с Лиамом было что-то не так. Это началось не вчера. И я подумал, ты будешь переживать, что это наследственное. Но в основном, я не говорил тебе, потому что его состояние находилось под контролем, и ты была так взволнована предстоящей свадьбой, поэтому я не хотел портить тебе это событие.

И тут у нас за спинами раздался аплодисменты. Мы развернулись и увидели свадебное гулянье, проходящее недалеко от нас. Молодожены позировали для фотографа на фоне отеля. Невеста наверняка мерзла, несмотря на меховую накидку поверх свадебного платья. Но если и так, виду она не подавала. Девушка светилась от счастья. И я вспомнила, что в «Ледяном отеле» имеется своя часовня. И не тратя времени даром на раздумья, я развернулась к Бену и сказала:

— Давай поженимся! Давай поженимся прямо сейчас!

Он хмуро посмотрел на меня.

— Ты же это несерьезно.

— Ну да, что-то пошло не так, давай это исправим! Прошу тебя, Бен, давай сделаем все так, как должно было быть!

— Жасмин, — тихо сказал Бен. — Ты ведь понимаешь, что это невозможно. Нельзя просто притвориться, что ничего не было.

— А почему нет? — с отчаянием в голосе спросила я. — Почему бы не попробовать? Чары сняты. Мы можем вновь попробовать быть вместе, как и мечтали.

Бен отвел взгляд и уставился опять на единорога.

— Почти год я только и думал о поиске лебединой песни и снятии чар, — сказал он пустым голосом. — Я мечтал вновь обрести тебя и вернуть все на круги своя. Но теперь... слишком поздно, Джек. Ушло очень, очень много времени на поиски песни. И столько всего случилось.

— Бен... — умоляющим голосом начала было я, но он меня прервал.

— Ты была его женой почти год. Разве можно притвориться, что этого не было? Ты делила с ним дом, жизнь... постель...

Я вздрогнула и зарделась. Сейчас при одной только мысли, что Лиам меня касался, мне становилось не по себе. Но тогда ведь я была за ним замужем и считала его своим мужем, любила его. Хвала небесам, что я настояла на том, что нам нужно скопить больше денег, прежде чем заводить детей, о которых он уже заговаривал. В вопросе денег Бен всегда осторожничал, такой уж характер. Но Лиам был не таким. А тогда, будучи зачарованной, я списала это на волнение от того, что у него появилась семья.

— Ты не можешь меня винить за это! Поверить не могу, что ты об этом говоришь! — Я сморгнула слезу. Несмотря на то, что я сказала, мне было ужасно стыдно. Его слова били наотмашь. — Я думала, что это ты! Я даже не знала, что происходит!

— Послушай, — сказал Бен, повернувшись ко мне, взяв мои руки в свои и глядя мне в глаза, серьезно продолжил: — Послушай меня, Джек. Я никогда ни в чем тебя не винил и не виню. Ты не виновата в случившемся. Я не об этом говорю. Просто случилось то, что случилось и невозможно притвориться, будто этого не было.

Ну конечно, он был прав. Это я знала. В конце концов, мы были сейчас в реальном мире. Боль и страдания не растворяются в небытие по нашему желанию. Мы с Беном прошли долгий путь и уже не были теми счастливыми влюбленными, что почти год назад планировали свадьбу. Мы оба были не виноваты, но что это меняет. И все же я все равно хотела быть с Беном. Даже после всего, что случилось, я хотела его так сильно, что это чувство причиняло мне физическую боль. Мне очень хотелось спросить его, любит ли он меня по-прежнему, но я не осмелилась. Мне было страшно. Если он скажет «нет», то мое сердце разобьется на мелкие осколки, как ледяная скульптура от удара кувалдой.

Я ничего не смогла поделать, слезы брызнули у меня из глаз. Не желая, чтобы Бен их увидел, я отвернулась и уставилась на единорога, словно моя жизнь зависела от этого, хотя я его даже не видела. Но Бен все равно это заметил и придвинулся ближе.

— Пожалуйста, не плачь, Джек, — сказал он спокойно, а потом потянул меня к себе и обнял. — Хуже уже не будет. Дальше будет лучше. Обещаю.

Рыдания застряли у меня в горле, и хотя я изо всех сил старалась, не смогла удержать их внутри. Самообладание покинуло меня; я была сломлена, беззащитна и уязвима. Я не отстранилась, а даже если бы и захотела, то не смогла бы. У меня только и хватило сил спрятать лицо у него на груди и разрыдаться.

— Бен, пожалуйста, не бросай меня! — всхлипывала я. — Я не вынесу, если ты меня бросишь!

Он вздохнул.

— Мы больше не вместе, Джек. Мы не были вместе почти год.

Он говорил спокойно. Он не сердился и не обвинял, и все же его слова ударили наотмашь. До меня со свадьбы доносились смех и радостные голоса, которые острыми иголками впивались в мое сердце. Наконец они зашли в гостиницу, и вновь наступила тишина. Бен положил подбородок мне на макушку и ждал, когда я успокоюсь, прежде чем помочь мне встать на ноги.

— Пойдем, — сказал он. — Давай войдем внутрь и перекусим.

— Я ничего не хочу, — сказала я. Мой голос охрип от усилий сохранить над собой контроль. — Я хочу лечь спать.

Мне вдруг нестерпимо захотелось оказаться в обыкновенной гостинице. Я продрогла и чувствовала себя совершенно несчастной. Я устала ото льда, снега и холодного света. Мне хотелось в тепло, свернуться калачиком на мягкой уютной кровати.

— Жасмин, ты должна что-нибудь съесть, — начал было уговаривать меня Бен. Он выглядел расстроенным. Но я отстранилась от него и покачала головой.

— Нет, нет, я не голодна. Совсем. Я хочу спать. Пожалуйста, Бен, давай, не будем препираться. Я хочу вернуться в номер.

— Ну, хорошо, — смирился он. — Я тебя провожу.

Мы поплелись на выход из Зимнего сада. Выход охранял эффектный ледяной дракон. Я едва на него взглянула и единственное, что заметила, это его впечатляющие размеры — метров десять в длину. В отеле было не теплее, чем на улице, и я, будто в тумане, заметила гостей, весело проводящих время в фойе. Где-то неподалеку играла музыка.

Бен открыл наш номер наверху, я вошла внутрь и увидела, что кто-то разжег свечи, которые были расставлены по всей комнате, наполняя комнату мягким, мерцающим, успокаивающим светом.

Не говоря ни слова, я сразу пошла к спальному мешку в дальнем углу комнаты. Я понимала, что должна что-то сказать Бену, заверить его, что со мной все в порядке, чтобы уменьшить неловкость, которая обязательно возникнет завтра утром, но у меня просто не было сил.

— Я поем и сразу вернусь, — сказал Бен, стоя в дверях. Помолчав, он добавил: — Я принесу тебе что-нибудь перекусить, вдруг ты передумаешь.

Я кивнула, но так как не смотрела на него, то не знала, увидел ли он мой кивок. А через секунду он ушел.

Я очень надеялась, что меня незамедлительно сморит сон — не помню, когда бы я так уставала в своей жизни. Но стоило только ледяной двери захлопнуться за ним, и я осталась наедине с собой, в освещенной свечами комнате, как меня накрыл очередной приступ истерики такой силы, что мне было трудно дышать.

Желудок заурчал от голода, и мне очень захотелось чего-нибудь съесть перед сном. Но я понимала, что не смогла бы сидеть с Беном за одним столиком в ресторане, в окружении нормальных людей, наслаждающихся отпуском. Ведь я устала от шума, людей и света. Мне хотелось тишины, темноты и одиночества.

Глава 24

Эвакуация

Следующим утром меня разбудил один из гидов иглу^[22]. Он принес поднос с клюквенным соком и поставил его на столик между кроватями. Я знала, что подобный ритуал практикуется в «Ледяном отеле», и все же мне потребовалась секунда-другая, чтобы осознать, где я нахожусь. Я совершенно не выпалась. На протяжении ночи мне снился один и тот же сон, который повторялся и повторялся — как те сны, что приходили ко мне после смерти Лиама. Только на этот раз мне снилось, что меня будил Бен. Он поднимал меня на руки, зарывался лицом в мои волосы и просил, чтобы я забыла все, что он наговорил, что он все еще любит меня, и всегда будет любить, что еще не поздно начать все сначала, и что мы останемся вместе навсегда. Меня затапливали сладостное облегчение и счастье, но потом какая-то часть меня смутно осознавала, что это всего лишь сон. И стоило мне только это понять, как сон повторялся... Но вот меня и правда разбудили, и разбудил меня в самом деле Бен...

Когда я уснула, выплакав все глаза, Бен еще так и не вернулся в номер. Но открыв глаза, я увидела, что он сидит на другой кровати, в верхней одежде, закутавшись в спальный мешок. Он благодарно улыбнулся гиду, который, оставив напитки, ушел, закрыв за собой ледяную дверь. Я мерзла, а поняв, что волосы мои спутаны, натянула еще и шапку на голову, прекрасно осознавая всю нелепость своего поведения.

— Выпалась? — спросил Бен. Он пытался говорить непринужденно, но в его голосе звучала тревога, словно он опасался, что я могу сорваться на него за то, что он заговорил со мной.

— Да, — соврала я. — Выпалась. А ты?

— Да, — ответил Бен, но, думаю, он тоже лгал, как и я.

Я дотянулась до одной из кружек с клюквенным морсом и сделала большой глоток, наслаждаясь горячим теплом сладкого напитка, который меня чуть-чуть согрел. Мы, молча, пили свои напитки, наблюдая за тем, как утренний свет проникает внутрь, заставляя лед искриться. Хотя я и не выпалась, но мое самочувствие значительно улучшилось, и я корила себя за то, что потеряла присутствие духа вчера.

Меня оправдывало то, что пришлось многое узнать и принять за короткий промежуток времени. Сейчас я уже немного оправилась от шока и могла видеть вещи именно такими, какими они и были в действительности. Я немного подумала и пришла к выводу, что между мной и Беном все не так ужасно, как могло показаться на первый взгляд.

Да, он все еще был подавлен, но разве я могла его за это винить. Ведь он и не сказал, что больше не любит меня. Он сказал, что слишком поздно пытаться исправлять отношения между нами, но я ему не поверила. Он не снял обручальное кольцо — оно осталось на пальце. Он потратил больше года своей жизни и все свои сбережения на поиски лебединой песни, чтобы снять чары. Зачем столько усилий ради человека, которого больше не любишь? Он мог просто сдаться и постараться жить дальше. Но превратился в рыцаря, несмотря на то, что приходилось терпеть эти ужасные перевоплощения. Он все еще любил меня, наверняка, любил. Я не могла, не хотела верить, что уже слишком поздно.

— А куда делась кровь? — спросила я, опустив взгляд на пол, вспомнив, что во время

трансформации Бен забрызгал кровью номер.

— Что? — не понял он.

Я махнула рукой в сторону пола.

— Вчера на полу была кровь.

— А, ты об этом. Я набрал чистого снега из коридора, чтобы прикрыть кровь, прежде чем спуститься к вам, — сказал он, а потом добавил, — может, сходим позавтракать?

Я кивнула, поставив уже пустую кружку обратно на столик. Бен тоже поставил свою кружку на стол, а потом, после краткого размышления, нерешительно сказал:

— Нам нужно поговорить о том... куда мы поедем отсюда.

— Знаю, — ответила я, выбравшись из спальника и свесив ноги с кровати. Но тут же подтянула их наверх, как только кончики пальцев соприкоснулись с холодным полом. Пора было начинать новый день трудных и безжалостных разговоров. Правда, не думаю, что нынешний день будет хуже вчерашнего... Во всяком случае, я на это надеялась. Но я и представить не могла, пока натягивала теплые толстые сапоги, что этот день будет еще ужаснее.

Бен немного переживал, что Лукас пока не вернулся. Он думал, что встретит его в ресторане, в который мы с ним пришли, но увы. Я же считала, что едва ли нужно было переживать за человека, которого практически невозможно убить, да еще и с волшебным конем в придачу.

Мы съели завтрак с тарелок изо льда. Не знаю, сожалел ли Бен о сказанном или просто чувствовал себя виноватым, но этим утром он вел себя по отношению ко мне особенно внимательно. Принес мне кофе, настоял, чтобы я села у окна, поинтересовался, хочу ли я еще что-нибудь взять с фуршетного стола.

— Все отлично, — ответила я. Я собиралась поскорее разобраться со своей порцией, пока не случилось ничего плохого, от чего бы у меня вновь пропал аппетит. В попытке поддержать относительно нейтральную беседу, я спросила: — А все-таки, почему мы здесь, в «Ледяном отеле»?

— Лукас сумел получить номер, потому что знает одного из менеджеров. Кажется, он вервольф или вроде того. Как бы там ни было, этот отель удобен своим расположением. Он стоит на границе волшебного царства.

— Серьезно?

Бен кивнул.

— Не имеет значения, если физически он находится в несколько ином месте — этот отель всегда будет на границе волшебной страны. По словам Лукаса, это потому, что все волшебные расы очарованы отелем. Они не понимают, как люди сумели такое построить. Для них это загадка. Они считают, что отель должен принадлежать им, вот и выются вокруг него. И только постоянное человеческое присутствие мешает им прибрать отель в свои руки.

Позавтракав, мы взяли с собой бумажные стаканчики с кофе и вышли на улицу, где оказалось значительно теплее, благодаря пригревавшему солнышку. Одна из особенностей отеля заключалась в том, что внутри всегда поддерживалась температура минус пять градусов, и неважно, сколько градусов было снаружи — минус сорок или плюс пять.

Возле отеля мы увидели несколько расписных саней с бубенцами, прикрепленных к упряжи. Но запряжена была эта красота не лошадьми, а оленями. Я никогда не видела этих животных живьем, но они превзошли все мои ожидания. Их большие рога были бархатистыми, мягкими на ощупь, покрытыми тонкими гладкими волосками, и у них были

светло-карие глаза, обрамленные густыми ресницами. Когда кучер сказал, что они ручные и их можно погладить, я сняла перчатку и провела ладонью по спине ближайшего ко мне оленя. Меня поразило, насколько мягкой и приятной на ощупь была их шерсть, вопреки суровой погоде в местах их проживания.

— Хотите прокатиться? — спросил нас кучер.

Я отдернула руку и заверила кучера, что мы не собирались кататься, переживая, что Бен мог подумать, будто я специально подошла к оленям, чтобы вынудить его покататься со мной.

Мы оставили повозку и по обоюдному негласному соглашению ушли прочь и от Зимнего сада. Сегодня, после событий вчерашнего дня, это прекрасное место вызывало лишь душевную боль.

Поэтому мы обошли отель с другой стороны и нашли тихое местечко с несколькими ледяными скамейками, покрытыми оленьими шкурами.

— Могли бы придумать гуманную альтернативу оленьим шкурам, — сказала я, морщась от отвращения. После того, как видишь этих прекрасных созданий вживую, их мертвые шкуры могут вызвать только отвращение.

Мы сели на лавочку и, молча, уставились на отель. За завтраком мы едва ли обмолвились парой слов, и мне казалось, что Бен не решается начать разговор из страха, что я устрою сцену и опять разрыдаюсь.

— Итак, что теперь? — как бы невзначай спросила я.

Бен открыл было рот, чтобы ответить, но неожиданно вскочил со скамейки, уронив чашку с кофе.

— Что-то не так, — пробормотал он.

Спустя мгновение, из-за деревьев выскочил Кини. Я было подумала, что он проскачет мимо, но нет, Кини остановился рядом со скамейкой. Конь был чем-то напуган. Он возбужденно фыркал и нетерпеливо перебирал копытами. Бен потрепал коня по холке и что-то тихо говорил ему, пока Кини не успокоился. Он всегда хорошо обращался с лошадьми.

— Где Лукас? — с волнением спросила я, поглядывая на деревья, еще надеясь, что Лукас вот-вот появится.

— Что-то случилось, — ответил Бен, не теряя спокойствия. — Приглядишь за Кини, пока я поищу Лукаса?

Я подошла к Кини и, поглаживая его, заговорила с ним успокаивающим голосом, пока Бен обходил коня, чтобы проверить — нет ли у животного ран и травм. Мне не понравились грустные глаза Кини, будто он был убит горем, и словно он видел нечто, напугавшее его до полусмерти.

— Вот, — произнес Бен. — На него кто-то напал.

Обнимая Кини за шею, я поднырнула у него под головой и, оказавшись на другой стороне, увидела то, о чем говорил Бен. У коня из глубокой раны на боку сочилась кровь.

— Рана несерьезная, — заверил меня Бен. — С ним все будет хорошо. — Он погладил Кини по морде. — Но только одному Богу известно, что случилось с Лукасом...

— Может, Кини нас отвезет к нему? — предположила я.

Но Кини, похоже, не собирался никуда идти. Он просто неподвижно стоял рядом с нами.

— Что-то случилось, — опять повторил Бен. — Я только надеюсь, что Лукас сумел уйти... — Он неожиданно умолк и внимательно взглянул на уздечку Кини. А я, в свою

очередь, поняла, что впервые вижу на этом коне упряжь. Хотя, если подумать, не так уж она была ему и нужна, он отлично справлялся и без неё.

— Если я ничего не путаю, на нем не было уздечки, когда мы видели его последний раз? — спросила я.

— Это не уздечка. Это лебединая песня, — ответил Бен.

Он протянул руку и снял с коня уздечку. Но стоило Бену это сделать, как Кини и след простыл. Он стремглав помчался к деревьям и растворился в воздухе, даже не успев добежать до них.

— Думаю, нам пора идти, — сказал Бен.

Я развернулась к нему и увидела, что уздечка исчезла, а вместо неё у Бена на шее вновь появилась черная цепь.

— Куда? — спросила я.

— Куда угодно. Нам нельзя здесь оставаться. Это небезопасно. Пошли. Лукас сам нас найдет.

Тон его голоса удержал меня от расспросов. Мы поспешили обратно в отель. К моему удивлению, в фойе мы увидели непонятно чем вызванное столпотворение. Большинство гостей были с чемоданами, громко возмущались и требовали возмещения ущерба, в то время как персонал выпроваживал их на выход. Что происходит? Мы решили не останавливаться и сразу поднялись к нам в номер, чтобы забрать сумки. Не хотелось терять время даром. Но когда Бен открыл дверь, нас уже ждали.

На фоне окна стояла фигура, одетая в фирменный серебристый теплый комбинезон отеля. Бен на мгновение замер в проеме, а я было подумала, что мы ошиблись номером. Но потом мужчина развернулся, наставив на нас пистолет, который держал в руке.

— Входи, Бен, — осклабился Джексон. — Не нужно стесняться. Мы же все друзья, не правда ли?

Придя в себя от неожиданности, Бен сурово спросил:

— Как у тебя получилось так быстро сюда добраться?

Физиономия Джексона расплылась в улыбке.

— Мне слегка помогли, — признался он. — А теперь входите, оба. — Он нетерпеливо махнул пистолетом. — Жасмин, дорогая, будь так добра, закрой дверь.

Меня затошнило. Нас загнали в ловушку. Никто, даже Лукас, не знал, что мы здесь. Закрыв дверь, я развернулась. Бен сжал мое запястье, ближе притянув к себе.

— Устраивайтесь поудобнее, — вежливо сказал Джексон. — Мы пробудем здесь какое-то время. Полчаса или около того, пока они не освободят весь отель.

— Ты о чем? — осторожно спросил Бен. — Почему служащие отеля выдворяют постояльцев?

— По ходу, рыцари внушили им, что возникла какая-то проблема в конструкции отеля, — сказал Джексон с широкой улыбкой, явно довольный собой. — Видишь ли, гостиница вот-вот начнет разрушаться. — Он сжал свободную ладонь в кулак и постучал им по толстой ледяной стене у себя за спиной. — О, гляди, а вот и автобусы, — сказал он, выглянув в окно. — Четыре штуки. Сейчас всех рассадят и увезут.

— Сколько ты работаешь на рыцарей? — с каменным выражением лица спросил Бен.

Джексон посмотрел на свои часы.

— Уже несколько часов, — ответил он. — Едва я вырвался из катакомб, как один из них догнал меня на улице. Сначала я подумал, что это полицейский. Короче, когда он понял, что

лебединая песня исчезла, то предложил мне новую сделку. И дал мне вот это.

Он вытянул руку, и я увидела черное кольцо, точно такое же, как у Бена и Лукаса.

— Так что не думай меня зачаровывать, у тебя все равно ничего не выйдет, — сказал Джексон с очередной самодовольной ухмылкой. — Кто-нибудь да заплатит мне за песню, если не ты, так рыцари предложат хорошую цену. Так что гони её сюда.

— У меня её больше нет, — ответил Бен. — Лукас уехал с ней прошлым вечером. Именно тогда я видел её в последний раз.

— О, может, я чего-то не понял, но по моим сведениям, он отправил коня с песней обратно к тебе, — сказал Джексон, его глаза злобно сверкнули. — Что-то пошло не так, да?

— Понятия не имею, что за бред ты несешь, — сказал Бен. — Я несколько часов не видел ни Лукаса, ни его коня. Думаю, он вернул песню законному владельцу. По правде говоря, мы сами ждем его скорейшего возвращения.

В последнем предложении Бена явно слышалась завуалированная угроза, на которую Джексон лишь рассмеялся.

— Бен, из тебя никчемный лгун! Лукас встрял, не успев даже добраться до Нойшванштайна. Боюсь, он мертв.

— Неплохая попытка, — отчеканил Бен. — Но лебединого рыцаря чрезвычайно сложно умертвить. Сомневаюсь, что тебе в этом смог помочь даже этот игрушечный пистолет.

Я почувствовала, что Бен отпустил мою руку. Похоже, он собирался попробовать обезвредить Джексона, несмотря на пистолет. Похоже, и Джексон что-то такое заподозрил, поэтому сделал шаг назад и нацелил пистолет на меня.

— Я знаю, что ты стал рыцарем, — сказал он. — Но вот Снегурочка — человек. Как думаешь, у тебя получится обезвредить меня, прежде чем я успею выстрелить ей промеж глаз, а? Мне почему-то кажется, что кто-то из нас двоих окажется быстрее. — Он с улыбкой посмотрел на меня. — Как же это увлекательно, не правда ли, моя дорогая?

Бен глубоко вздохнул.

— Если хотя бы волосок упадет с её головы, то клянусь Богом, Джексон, я тебя прикончу, — холодно произнес Бен.

— Ну а то как же, Бен, естественно! — Улыбка Джексона исчезла. — И поэтому для всех будет лучше, если я не трону её, не так ли? Поэтому не давай мне повода! Что до Лукаса, взывать к его помощи бессмысленно. Он ведь уже здесь, но толку от него никакого, не так ли?

С улицы донесся звук отъезжающих туристических автобусов. Видимо, всех гостей и персонал уже рассадили по местам и повезли прочь из отеля.

— Что значит, он уже здесь? — подозрительно спросил Бен.

— Он там, на полу, — мерзко скалясь, уточнил Джексон, продолжая целиться мне в голову, и при этом сделав неопределенный жест в сторону ледяного стола.

— Никогда не видел его без доспехов и шлема, потому не берусь утверждать наверняка, что это он, — сказал он непринужденно. — Но другие рыцари, похоже, уверены, что это тот самый изгой по имени Лукас.

Он торжествующе выпятил грудь. Меня охватил ужас. Мне хотелось кричать, но крик застрял в горле, превратившись в сдавленный всхлип. Джексон поднял левой рукой за волосы отсеченную голову Лукаса. Бен до боли сжал мою руку. Больше ничем он не выдал себя ни мне, ни Джексону. Он не дрогнул и не издал ни звука.

Похоже, голову Лукасу отрубили мечом. По краю кожи скопилась засохшая кровь. Его

распахнутые глаза смотрели пустым, ничего не выражающим взглядом, отчего зрелище было еще ужаснее. Сложно поверить, что эта голова когда-то принадлежала живому человеку, сейчас она больше была похожа на муляж человеческих останков из сериалов.

— Ты был прав, Бен, — Джексон рассмеялся, — когда сказал, что лебединого рыцаря трудно убить. Но он же не бессмертен, а? Вон, обезглавливание не подвело. Надежная штука. Срабатывает и с вампирами, и с вервольфами, и, как видишь, с лебедиными рыцарями. Другие-то знали, что он вернется в Нойшванштайн, и поджидали его там. — Он небрежно бросил голову на ледяной стол, и та откатилась вправо, а потом он вновь развернулся к нам. Его голубые глаза злорадно сверкали. — Что, нечего сказать, Бен? Как это непохоже на тебя. Я даже слегка разочарован. Хотя неважно. Короче, отдай мне прямо сейчас песню, и я ничего не сделаю твоей любимой уродке. Я не настолько глуп, чтобы убить ее и лишиться преимущества, но тебе ли не знать, на что я способен. Так и вижу, что она больше никогда не сможет играть на скрипке. Какая жалость. Лиам рассказывал мне, как хорошо она играет. Так что брось ломаться и отдавай песню.

Бен долгое время раздумывал, но потом опустил руку в карман и вынул черную пуговицу. Он сделал шаг вперед, но Джексон остановил его:

— Не вздумай. Мне лучше держаться от тебя подальше, а то ты больно прыткий. Просто брось её мне.

Бен сделал, как он сказал. Не отводя пистолета, Джексон наклонился, подобрал бесполезную вещицу и убрал её к себе в карман.

— А теперь кольцо, — велел он.

— Какое кольцо? — с каменным выражением лица спросил Бен.

— То самое, — ответил Джексон, закатывая глаза и демонстрируя черную полосу на мизинце левой руки, — которое защищает тебя от лебединой песни.

— С рыцарями подобный номер не проходит, — сказал Бен. — Мы не можем просто выключить это по своему желанию. Кольцо даруется раз и навсегда.

— Ааа! — сказал Джексон и притворно сморщился. — Очень надеюсь, для твоего же блага, что это не так. Потому что, так или иначе, я заберу у тебя кольцо, улавливаешь мою мысль? Поэтому прошу в последний раз: гони кольцо.

Бен ненадолго прикрыл глаза.

— Я солгал, — сказал он тихо. — Я не могу его снять.

— Ну, тогда, — весело сказал Джексон, — может, у кого-то из присутствующих есть топор? Может у тебя, Жасмин? Нет? Забудь. К счастью, я никуда не хожу без моего перочинного ножа. — Он пошарил в кармане, а потом швырнул мне свой нож. Я автоматически его поймала, но от следующих его слов у меня кровь застыла в жилах. — Как думаешь, сможешь у своего суженого отрезать кое-что или мне тебя зачаровать?

— Что? — Я в ужасе уставилась на него, надеясь, что он это не всерьез.

Джексон опять закатил глаза.

— Ну, палец Бена, — сказала он, изображая из себя обладателя недюжинного терпения. — Дорогая, я хочу, чтобы ты отрезала ему палец. Ты можешь сделать это по-хорошему или мне придется...

Он замолчал, когда Бен выхватил у меня из руки перочинный нож и открыл его. Потом ударил ладонью об стол рядом с головой Лукаса и нанес по пальцу один удар, другой, третий. Отрубленный палец покатился по столешнице, оставляя за собой кровавый след. Бен же рухнул на колени, напрасно пытаясь душить отчаянный крик, придерживая другой рукой

окровавленное запястье. Это был самый ужасный вопль, что мне доводилось слышать.

— Очень по-рыцарски. — Джексон вздохнул. — Но вышло не так весело, как бы мне хотелось. Ну да ладно, результат-то тот же.

Забыв про Джексона и его пистолет, я сорвала с шеи шарф и, упав рядом с Беном на колени, обмотала им его руку, которая была уже скользкой от крови...

Это все не взаправду, не взаправду, повторяла я мысленно эту мантру, и слезы жалили мне глаза. Весь персонал и постояльцы покинули отель, Лукас мертв... Как ни посмотри, похоже, нам с Беном не выжить. У Джексона пистолет, а рыцарское кольцо не позволит нам зачаровать его песней. У нас ничего не было против него.

Ничего, кроме...

...ножа! Он валялся на полу возле стола, в луже крови. Я начала лихорадочно соображать, как мне до него добраться. Если просто протянуть руку через Бена, Джексон это обязательно заметит. Единственной возможностью заполучить нож, был вариант дать понять Бену, чтобы он его подобрал, но я не знала, как это сделать. Бен все еще стоял на коленях, опустил голову к полу, и отрывисто дышал. Его кожа блестела от пота и, казалось, он не замечал ничего, кроме своей боли. Я снова взглянула на нож, одолеваемая чувством безысходности. Другого варианта добраться до ножа не было.

— Какое счастье, что ты не скрипач, да, Бен? — рассмеялся Джексон.

Вот-вот он вспомнит о ноже, подумала я. И шансов сбежать не останется.

— Да ты не переживай. Ты и оглянуться не успеешь, как все заживет, — злорадно блеснув глазами, сказал Джексон. — Ты же рыцарь, и все такое. Хотя не сомневаюсь, что это адски больно. Считай это расплатой за то, что избил меня тогда! Но как бы там ни было, песенка-то теперь моя, несмотря на все твое рыцарство!

— Джексон, да ради Бога! — пробормотал Бен заплетающимся языком. — Нам... не нужна... лебединая песня. Мы никогда... — Его голос оборвался на полуслове, когда он чуть не рухнул на снег. Джексон раздраженно фыркнул от нетерпения. Я же, было испугавшись, успокоилась, потому что заметила, что Бен подался вперед, ближе к ножу, заслонив его собой от Джексона.

— Давай, подними его, пока я сам не сделал это ударом своего ботинка! — прорычал Джексон.

Я неуклюже подалась вперед. Мне пришлось приложить все усилия, чтобы сдержать себя и не схватить нож, и тем самым не подарить Джексону нашу единственную надежду на побег. Поэтому я просто опустила руку, склонившись над Беном.

И вот тогда я поняла, что Бен притворялся. Хотя его глаза и были закрыты, он провел пальцами по моим, когда его рука медленно двинулась в сторону ножа, пока тот не оказался у него под ладонью. Я притворилась, что ничего не заметила, потрясла его за плечи и окликнула по имени. Он открыл глаза и поднял на меня взгляд.

— Бен, — полушепотом позвала я, — ты в порядке?

— В порядке, — сказал он отстраненным голосом. Несмотря на то, что я собственными глазами видела, как он взял нож, мне на секунду подумалось, уж не померещилось ли мне.

— Помоги ему подняться! — скомандовал Джексон. — Мы выдвигаемся.

Я сделала то, что он велел. К моему облегчению, оказалось, что Бен был не так плох, как виделось со стороны.

Однако всем своим видом он демонстрировал обратное, практически всем весом навалившись на меня. Но когда он развернулся, и наши взгляды встретились, я успела

заметить промелькнувшую полуулыбку.

— Ты, Жасмин, остаешься здесь, — сказал Джексон. — А вот мы с Беном прогуляемся.

— Почему? — сорвался с моих губ вопрос. Пусть он был вооружен, но я не собиралась никуда отпускать Бена.

— Я пытаюсь вести себя по-джентльменски, — презрительно усмехнулся Джексон, — избавить тебя от страданий. Бен ведь не хочет причинять тебе еще больше боли, не так ли, дружище? Поэтому будь мужиком, поднимись на обе ноги, и будь добр, следуй за мной.

То, что случилось дальше, произошло почти молниеносно. Бен быстро обнял меня за плечи и произнес:

— Все будет хорошо, Джек.

— Ну, еще бы. — Рот Джексона расплылся в улыбке до ушей. — Все будет... — Джексон не договорил, только сейчас заметив, что Бен довольно крепко держался на ногах, поэтому он инстинктивно сделал шаг назад. Благодаря чему, Бен промахнулся и ударил его ножом не в грудь, а в руку.

Последующие крики заглушил выстрел пистолета, когда Джексон споткнулся. Не знаю, целился ли он в кого-нибудь или нет, но как бы там ни было, пуля прошла сквозь пол, разбив вдребезги люстру, висевшую этажом ниже.

Я отчаянно заметалась, ища пистолет, наивно полагая, что Джексон выронил его. Н оружие было все еще у него в руке, и он вновь целился в нас, приподнявшись на локте другой руки. Когда Бен ринулся вперед и схватил меня за руку, раздался еще один выстрел. Пуля пролетела мимо, попав в стену душевой.

Мы выбежали из номера и понеслись вниз по коридору, понимая, что вот-вот у нас за спинами появится Джексон.

Глава 25

На краю волшебного царства

Опустевший «Ледяной отель» выглядел по-другому. От него веяло холодом. Любой шорох под сводчатым потолком разносился неестественно громким эхом, что уж говорить о нашем беге. Мы ринулись к лестнице. Я собиралась было стремглав спуститься в фойе, но Бен потянул меня вверх, на третий этаж.

— Нам негде снаружи укрыться, — объяснил он. — Ему будет легко нас подстрелить, он хороший стрелок.

Добравшись до верхней площадки, мы нырнули под перила.

— Он решит, что мы спустились на первый этаж, — только и успел произнести Бен, как в поле зрения появился Джексон, который промчался вниз по лестнице и исчез в фойе.

— Помоги мне, — пробормотал Бен, обнимая здоровой рукой одну из балясин в перилах. Я поняла, чего он добивается, и ухватила за лед в самом слабом месте. Вместе нам удалось вырвать льдину, естественно, с неровными острыми краями. Какое-никакое, но оружие. Это все же лучше, чем ничего.

— Скоро появятся люди, — сказал Бен, аккуратно положив льдышку на пол, а потом развернувшись ко мне, — архитекторы, владельцы или кто-то другой. Раз они считают, что возникла проблема в конструкции, тогда они пришлют кого-нибудь это проверить. Нам только и нужно, что до тех пор прятаться от Джексона. Как только тут кто-нибудь появится, ему придется сбежать. Не переживай — у нас все получится. Отель довольно большой, и мы заметим его прежде, чем он увидит нас.

Я кивнула, попыталась успокоиться и вести себя так же уверенно, как Бен. Но вспомнив, как Бен отрезал себе палец, я задрожала.

— Что такое? — резко спросил Бен. — Ты не пострадала?

Я помотала головой.

— Нет... просто... Бен, твой палец!

— О, не переживай, — сказал он, словно это был пустяк. — Культия, скорее всего, уже заживает.

— Но зачем ты отрезал себе палец, зная, что у него нет лебединой песни?

— А это неважно, Джек. Песня осталась у нас, но у него был пистолет. Я не мог провести его с кольцом, поэтому мне все равно пришлось бы лишиться пальца.

Спустя несколько секунд из фойе вернулся Джексон, он остановился и зычно прокричал:

— Бен, я знаю, что ты где-то здесь! Прятаться бесполезно! Если ты не появишься сам прямо сейчас, я воспользуюсь лебединой песней, чтобы заставить тебя!

Бен тихо презрительно фыркнул.

— Дурак! — пробормотал Бен мне на ухо. — Он все еще не понял, что у него нет песни. Должно быть, тяжело жить с таким крошечным мозгом.

Несмотря на обстоятельства, я еле сдержалась, чтобы не хихикнуть. В нашей ситуации не было ничего смешного, и, несмотря на шутку Бена, я чувствовала, как он напряжен, и видела, что он не сводит глаз с Джексона.

После нескольких минут бормотаний над пуговицей, которую он получил от Бена, до Джексона наконец дошло, что это пустышка. Он с гневным ревом, заставившим меня

вздрогнуть, выбросил пуговицу, а потом помчался вверх по лестнице. Бен шепнул мне на ухо:

— Пора.

Мы отползли от перил и поднялись на ноги.

— Пусть он кричит, не переставая, чтобы нам было легче от него прятаться. Да будет так, — прошептал Бен.

К сожалению, Джексон, похоже, и сам осознал, что ор будет его тактическим проигрышем, а потому заткнулся. От его криков у меня мурашки ползали по коже, но внезапная тишина пугала еще сильнее. Его выдала длинная тень, упавшая на стену. Увидев её, мы с Беном нырнули в ближайший номер, который оказался свадебной часовней.

Вокруг алтаря сверкали десятки ледяных голубей и скамей, покрытых синим бархатом, а не привычными оленьими шкурами. С потолка напротив окна свисали кристаллы на нитях и, благодаря преломлению, свет играл в них всеми цветами радуги.

Бен спиной прижался к стене справа от двери, а я встала слева. Мое сердце бешено колотилось в груди, но я заставила себя дышать как можно тише, потому что стояла такая гробовая тишина, что можно было расслышать хруст снега под ботинками Джексона. Когда он добрался до дверей часовни, то остановился в коридоре. У меня душа ушла в пятки. Должно быть, он стоял снаружи и таращился прямо на дверь. Я взглянула на Бена, тот поднял руку, давая понять, чтобы я оставалась на месте. Я кивнула, напряженно наблюдая, как он замахивается своей ледяной дубиной.

Но спустя мгновение, Джексон зашагал прочь. Бен медленно опустил свое оружие, а затем прошмыгнул ко мне.

— Держись за мной, — прошептал он. — Плевать, если он выстрелит в меня, пулей меня не убить. — Он умолк, а потом под нос себе добавил. — По-моему.

Я хотела было спросить, насколько хорошо защищены рыцари, да, я знала, что убить их непросто, но вполне возможно. Стоило мне только открыть рот, как я заметила свое отражение в зеркале на противоположной стене и изумленно уставилась на него. Это была я и не я.

Это было большое зеркало, встроенное в лед, рама его была полностью инкрустирована серебряными цветами. На моем зеркальном двойнике красовался тот же серебристый комбинезон, что и на мне. Но волосы имели карамельный оттенок, а не белый. Кожа была розовой, а глаза — насыщенного шоколадного цвета, а не голубого.

Я не могла отвести взгляд от зеркала. Это определенно была я, мои черты лица, только альбинизм куда-то делся. Я даже не осознавала, что двигалась к отражению, пока Бен не схватил меня за плечи и, притянув к себе, не прошептал:

— Держись подальше от зеркал!

— Что происходит? — спросила я, мельком взглянув на него, а потом переведя взгляд обратно на свое отражение. — Ты это видишь?

— Вижу, — ответил Бен, встречаясь взглядом с моим отражением. — Что-то происходит с отелем...

Бен не договорил и развернулся ко мне:

— Я бы предпочел видеть твои настоящие глаза, — промолвил он, прежде чем продолжить: — Помнишь, я говорил тебе, что «Ледяной отель» выстроен на границе сказочного царства? Так вот теперь, когда отель не удерживается человеческим присутствием, они затягивают его к себе. Магия пропитала здешние стены. Джек, у нас

проблема. Поэтому постарайся держаться сразу за мной и, Бога ради, держись подальше от зеркал. Не знаю опаснее вещи, чем зачарованное зеркало.

— Хорошо, — сказала я, заставляя себя не оглядываться на манящее зеркальное отражение. — Но что мы будем делать...

Я умолкла, не договорив, потому что солнце неожиданно померкло, и вокруг нас сгустились сумерки.

— Вот дерьмо, — пробормотал Бен. — Они пытаются утащить отель к себе в царство.

Откуда-то издалека проревел Джексон:

— Бен, ничего у тебя не выйдет! Тебе меня не запугать тупым фокусом-покусом!

— Если все пойдет и дальше как сейчас, то он станет наименьшей из наших проблем, — мрачно сообщил Бен. — Нам нельзя здесь оставаться. Придется как-то выбираться. Если отель затащит нас в волшебное царство, мы окажемся в ловушке. А снаружи нас могут поджидать рыцари. Черт, как бы мне хотелось, чтобы с нами был Лукас!

Звездочки мелькали повсюду. Крошечные булабочные головки светились даже в кирпичиках льда, а не только в индиговом небе снаружи. Когда мы выскользнули в коридор, стены которого были увешаны зеркалами, я постаралась держаться как можно ближе к Бену. Неожиданно оказалось, что зеркал стало определенно больше, чем я запомнила. А еще весь коридор заполнился шепотом, хотя и невозможно было определить его источник. Шепот звучал так, словно исходил из моей головы. Приходилось сдерживать себя, чтобы не начать царапать себе череп, в попытках извлечь непрошенных гостей.

— Ты их слышишь? — спросила я Бена, когда мы добрались до лестницы.

— Голоса? — переспросил Бен, бросая взгляд через плечо, чтобы убедиться нет ли поблизости Джексона.

— Да. Я не могу разобрать, что они говорят, а ты?

— Они хотят, чтобы ты и Джексон убрались отсюда.

— А как же ты?

— За меня не нужно переживать. Я же теперь, как бы один из них. — Он заметил выражение моего лица и тихо добавил: — Не волнуйся. Я не собираюсь оставаться с ними.

Все еще держа в левой руке ледяной посох, Бен попытался взять мою руку своей правой, но я инстинктивно отдернула её. Не потому, что мне было противно, просто я не хотела причинять ему боль. Но по выражению его лица мне стало понятно, что он совершенно неверно истолковал мои действия, я не успела ничего объяснить, как он схватил меня за запястье, и мы поспешили вниз по величественной широкой лестнице.

Кстати, изменения заключались не только в появлении звездного света да голосов. Когда мы спустились по винтовой лестнице, внизу, на балюстраде, нас поджидала белая голубоглазая кошка, которая забавлялась с чем-то, похожим на облако сверкающих снежинок, кружившим вокруг неё. Стоило нам только пройти мимо неё, как где-то наверху раздались крик, выстрел и дребезг. Я немедленно свалилась на пол и инстинктивно прикрыла руками голову, Бен упал на меня сверху. Но в кого бы там ни стрелял Джексон, это точно были не мы, поэтому спустя мгновение, Бен уже помог мне подняться на ноги, и мы побежали к последнему лестничному пролету.

Когда мы оказались в главном фойе, я сразу же поняла, что здесь что-то изменилось, и мне потребовалось мгновение-другое, чтобы увидеть эти изменения — исчезли все ледяные скульптуры, украшавшие зал. А на заснеженном полу, помимо человеческих следов, остались какие-то странные... Мы пошли к выходу и тут же слышали цокот копыт. Я

оглянулась по сторонам. Мое сердце наполнилось надеждой. Я преисполнилась надеждой, что вот-вот увижу Кини.

Но это был кентавр, выскочивший из центра бара и созданный из бледно-голубого льда. Он промчался мимо нас, высекая копытами искры из ледяного пола. Пол задрожал. Сначала я подумала, что виной тому был кентавр, но затем мы услышали странный тихий стон, донесшийся от входных дверей.

— Что это, черт возьми, такое?

Бен покачал головой.

— Понятия не имею, но нам нужно найти другую дверь. Которая ведет на улицу. Пошли, из бара можно попасть в Зимний сад.

Вы вошли в ледяной бар «Абсолют», в котором я с Лукасом еще вчера пила водку. Но не успели пересечь его и до середины, как наперерез из-за стойки бросился Джексон и встал перед нами, угрожая пистолетом.

— Тебе понадобится больше мерцающих огоньков и ходячих ледяных скульптур, чтобы напугать меня и оставить с носом! — прорычал он. — Прекрати это, или я пушу пулю тебе между глаз, и посмотрим, выживешь ли ты после!

— Это не я, придурок, это отель! Если хочешь жить, выметайся отсюда как можно скорее!

— Никто никуда не пойдет, пока я не разрешу!

Вокруг нас вновь зашептались невидимки, и Джексон завертел головой в поисках источника шума.

— Какого черта творится? — требовательно спросил он, повысив голос. — Там, во льду я видел лица! Я знаю — это твоих рук дело!

— Это не я! Им нужен отель! Зря ты убрал отсюда всех людей!

Джексон поднял пистолет.

— Отдай мне лебединую песню, — вкрадчиво произнес он, — или я выстрелю.

На этот раз он целился в Бена, а не в меня. Похоже, он вообще про меня забыл. Ему уже было не смешно. Развлечение закончилось. Я же судорожно соображала, в поисках выхода. Джексон мог выстрелить в Бена в любое мгновение, а потом обыскать его тело, чтобы забрать песню.

Что бы он там раньше не говорил, его явно пугало происходящее с «Ледяным отелем», поэтому он наверняка мечтал поскорее из него убраться. И ему некогда было играть в игры...

Неожиданно я уловила уголком глаз движение справа. Мы стояли у широкого столба, на котором, как и на остальных в этом отеле, висело зеркало. Это зеркало было помещено в золотую раму с серебряными феями по углам. На этот раз мое отражение не отличалось от меня настоящей — но оно не повторяло моих движений. Оно манило меня к себе. Я уставилась на зеркальную Жасмин во все глаза.

Держись подальше от зеркал, предупредил меня Бен...

А мое отражение тем временем указывало на Бена. Я видела в зеркале, как он снял настоящую лебединую песню со своей шеи и бросил цепочку Джексону — хотя уголком глаза мне было видно, что Бен даже не шелохнулся. А секунду спустя, хотя и не раздалось звука выстрела, пуля попала ему между глаз, прошла навывлет, увлекая за собой брызги крови и костяную пыль. Бен рухнул в снег. Выглядел он мертвее мертвого.

Похоже, выстрел в голову вполне мог умертвить лебединого рыцаря, несмотря на отсутствие эффекта мелодраматичности обезглавливания.

— Ладно, Джексон, — тихо произнес настоящий Бен рядом со мной. — Только успокойся. Я отдам её тебе.

Дальше я не колебалась ни секунды, вытянула руку и коснулась зеркала. Я не знала, правду ли показало нам зеркало или нет. Но как только Джексон завладел бы песней, он был волен сделать с нами все, что ему заблагорассудится, и я не могла и не хотела становиться сторонним наблюдателем, надеясь, что Бен сможет нас вытащить. Поэтому я коснулась стекла, за которым мое отражение все еще манило меня. Я не знала что произойдет, и вообще произойдет ли, но терять мне было нечего.

Стоило моим пальцам соприкоснуться с поверхностью, как меня немедленно затащило внутрь, в сопровождении звука бьющегося стекла. Джексон, испугавшись моего внезапного исчезновения, бросился к зеркалу. Но спустя секунду, я вывалилась из другого зеркала, висевшего на стене за барной стойкой, в футах от Джексона, Бена и осколков стекла на полу у его ног.

Джексон развернулся, но я уже схватила первую попавшуюся бутылку и запустила ему в голову, прежде чем он успел поднять пистолет. Он пошатнулся и завалился спиной на барную стойку. По его лицу бежала кровь. А в следующую секунду Бен уже пересек помещение и вцепился Джексону в горло. Он стащил его со стойки на пол, между делом роняя на пол ледяные бокалы и бутылки, которые, падая, разбивались на мелкие осколки.

Когда я перелезла через барную стойку, Джексон сумел замахнуться локтем и врезать Бену в подбородок, вынудив его голову дернуться назад, ослабить хватку и обеспечить тем самым себе свободу. Он начал поднимать пистолет, и я крикнула Бену, но он все видел сам и схватил Джексона за запястье, чтобы ударить его руку о ближайшую колонну с такой силой, что тот выронил пистолет. Я, не задумываясь, бросилась было подбирать оружие, но остановилась на полпути. Если я подберусь слишком близко, один из них в пылу драки наверняка ударит меня — случайно или нарочно. А еще я смутно осознала, что за свои двадцать семь лет ни разу не видела настоящей драки. Мои познания в этом ограничивались увиденным по телевизору, где не демонстрировали ни кровь, ни ссадины с синяками. Но в реальности драка выглядела совсем по-другому. Было страшно наблюдать за тем, как два взрослых человека пытаются нанести друг другу увечья. Никогда не считала себя брезгливой или слабонервной, я с интересом смотрела фильмы ужасов, но кровавые побоища не доставляли мне удовольствия, тем более, если в них участвовал кто-нибудь из близких мне людей. Наяву борьба казалась еще более жуткой, неуправляемой... и приводила в ужас тем, что я сама себе казалась маленькой и никчемной.

Поэтому я так и осталась сторонним наблюдателем. Но к радости своей, я заметила, что у Бена появилось преимущество. Он был выше Джексона и шире его в плечах, а глаза его вновь стали алого оттенка. И неважно, нарочно он это сделал или нет, поскольку теперь Джексон был просто не в силах его победить, ведь Бен превратился в лебединого рыцаря.

Я заметила, что Джексон пару раз попытался дотянуться до пистолета, но Бен не давал ему такой возможности, а когда, наконец, пистолет упал на ледяной стол, я подбежала и подобрала его. Я даже близко не представляла, как им пользоваться, снят ли он с предохранителя или нет.

Оглянувшись на Бена и Джексона, к своему ужасу, я увидела, что у Джексона теперь в руке перочинный нож — тот самый, которым он заставил Бена отрубить себе палец. Он замахнулся им, чтобы ударить Бена в лицо. Но тот не растерялся и успел отдернуть голову назад, но недостаточно быстро, и Джексону удалось полоснуть лезвием, оставив царапину на

лице Бена — от правого глаза до уха. Он упал на соседний стол, одной рукой держась за лицо, а Джексон развернулся на месте, выискивая меня глазами.

Охваченная паникой, я поняла, у меня в руках настоящее оружие. Мой палец нажал на спусковой крючок, но ничего не произошло — либо предохранитель все-таки не был снят, либо патроны закончились. Поэтому я отвела руку и забросила пистолет как можно дальше. Но едва успела это сделать, как в меня врезался Джексон, и мы вместе с ним ударились о колонну, причем настолько жестко, что по ней прошла трещина по всей длине.

Я потеряла равновесие и упала на спину, в снег. Джексон повалился на меня сверху. Сквозь зубы у него сочилась кровь, вены на шее вздулись от злобы и ненависти, глаза выпучились. Не было никаких сомнений — сейчас он попытается меня убить.

Мое сердце бешено колотилось. Мне было безумно страшно за свою жизнь. Я изо всех сил пыталась сбросить его с себя.

Но потом что-то со всего размаха ударило Джексона по голове сбоку, отчего она практически оторвалась от шеи. Кровь Джексона забрызгала мне лицо и грудь, а его тело крутанулось в воздухе и, словно безвольная кукла, рухнуло на пол, по которому ручьями потекла кровь из его проломленного черепа.

Я повернула голову и увидела, что Бен стоит надо мной, все еще сжимая в руке ледяную балясину, которую мы с ним оторвали от лестницы наверху. Спустя секунду, он выронил её и рухнул на колени рядом со мной.

— Скажи, что с тобой все в порядке, — сказал он. Его лицо было перепачкано кровью. Смешно, но я переживала, что из-за пореза Джексона у него на лице останется шрам, который испортит его внешность. — Жасмин... — произнес он, когда я не ответила.

— Я в порядке, в порядке, — заверила я его, пытаясь улыбнуться, сморгнуть слезы и стереть кровь Джексона со своего лица одновременно.

— Слава Богу, — ответил он хрипло, помогая мне подняться.

Я отвернулась, мне невыносимо было видеть труп Джексона на полу. Я ухватилась за руку Бена, да так крепко, будто от этого зависела моя жизнь. Интересно, смогу ли я когда-нибудь испытать чувство безопасности, после всего случившегося.

— А что это за кровь на твоей одежде? — спросил Бен.

Я опустила взгляд на красные пятна, проступившие на серебристой ткани комбинезона, и сказала:

— О, это не моя, это кровь Джексона...

— Нет, это твоя кровь! — сказал Бен сдавленным голосом. Он судорожно расстегнул пуговицы верхней одежды, чтобы добраться до бледно-голубого свитера. Ткань, чуть выше груди, возле разреза, который оставил после себя нож, была вся в крови.

Глава 26

Ледяной дракон

Я в недоумении опустила взгляд вниз.

— Но... но я ничего не чувствую! — сказала я.

Но Бен даже слушать не стал, он быстро подвел меня к ближайшим столу со стулом.

— Садись, — велел он. — Зажми рану покрепче.

Я все еще думала, что произошла какая-то ошибка. Я же ничего не чувствовала!

Ничегошеньки!

Почему я ничего не чувствовала? Но стоило мне сесть, как меня накрыло тошнотой. Несмотря на то, что я сидела на ледяном стуле в помещении изо льда — мне неожиданно стало очень жарко.

Бен сбросил свою куртку и обвязал ею мою грудь, затянув так крепко, что я даже вздрогнула.

— Прости, — сказал Бен. — Нам нужно остановить кровотечение. Все будет в порядке, Джек. Я отвезу тебя в больницу. Ты поправишься.

Я ничего не сказала. Я не понимала, когда Джексон успел меня ударить ножом. Это могло произойти, когда он налетел на меня, и мы ударились о колонну, а может, когда мы боролись на земле. Но сейчас это было уже неважно. Мы с Беном где-то на краю света, и поблизости нет ни одной машины или автобуса, я уже не говорю о карете скорой помощи... Я, конечно, не медицинский эксперт, но могу с уверенностью утверждать, что еще никому не удавалось выжить с ранением в грудь вне больничных стен, куда следовало попасть, как можно быстрее. А Бен, хоть и лебединый рыцарь, но не Супермен. И я уже чувствовала, как энергия покидала меня, словно вода утекала сквозь решето. Меня накрыло смертельной усталостью — на меня будто давил тяжкий груз. Мне безумно захотелось прикрыть глаза и вздремнуть немного, а после у меня наверняка появятся силы...

Я положила голову на ледяной стол и ощутила приятную прохладу. Но не успела я насладиться этим кратким мигом блаженства, как Бен встряхнул меня за плечи, возвращая в реальность...

— Тебе нельзя спать, — сказал он, поднимаясь с колен и ставя руки по обе стороны от моей головы.

— Джек, смотри на меня. — Его лицо находилось всего в нескольких сантиметрах от моего, так что я смотрела прямо в его карие глаза — и в этом мире льда и звездного света, который, казалось, окружал нас, они были единственными островками тепла. Он легким касанием нежно поцеловал меня в губы, а потом произнес ровным, спокойным голосом: — Я вынесу тебя наружу. Но мне нужно, чтобы ты оставалась в сознании, договорились? Делай, что хочешь, только не закрывай глаза.

— Хорошо, — ответила я. Его теплый и ободряющий голос развеял мой страх.

Он поднялся, а я подумала, что ему должно быть холодно без своей куртки. Он наверняка мерз, оставшись только в джинсах и свитере с V-образным вырезом. У него не было ни шарфа, ни шапки. А что если он обморозится или заболеет пневмонией, или того хуже, умрет, и мне вновь придется проходить через его похороны, только уже настоящие?

— Бен... — взволнованно начала было я, но он склонился над стулом и велел мне замолчать.

— Больше ничего не говори, Джек. Просто обними меня за шею.

Я сделала то, что мне было велено. Хотя мне пришлось приложить немалые усилия, чтобы поднять руки, они словно налились свинцом. Бен одной рукой обнял меня за плечи, а другую пропустил под коленями и поднял мое тело вверх. Это простое действие отдалось болью во всем теле. Я до крови прикусила язык, чтобы не закричать. Каждое новое движение Бена, каждый его следующий шаг пронзали меня невероятной болью.

Когда мы наконец пересекли помещение, Бен открыл дверь. Я ожидала, что снаружи мир будет привычно нормальным, что покинув отель, мы тем самым пересечем границу волшебного царства. Но я не увидела никакого синего неба и никакого солнца, его лучи не искрились на снегу.

Нас встречали усеянные звездами сумерки, словно россыпь алмазов на бархате цвета индиго, и снег, насколько хватало глаз, синего оттенка.

Я смутно слышала учащенное сердцебиение, но не могла разобрать, кому из нас двоих оно принадлежало. Бен шагнул широко и быстро, пересекая серебристо-фиолетовый пейзаж. Но спустя какое-то время, он остановился перед темными соснами, сбившимися вместе. Я почувствовала, как он глубоко вдохнул, набрал воздуха в легкие, чтобы затем выкрикнуть что-то. Но тут позади нас раздался тихий протяжный стон, после которого задрожала земля. Бен напрягся и очень медленно развернулся.

Сначала я было подумала, что это необыкновенное видение — лишь плод моего воображения. «Ледяной отель» искрился всеми цветами радуги, а ледяной огромный дракон, встречавший всех гостей на входе, ожил, как и остальные скульптуры этого отеля. В сумерках он светился бледно-голубым светом, его большие когтистые лапы оставляли глубокие отпечатки в снегу, крылья вспыхивали серебром, а ящерообразная голова развернулась к нам. Он смотрел на нас холодно и безучастно. Вновь раздался враждебный, агрессивный стон. Дракон взмахнул, будто хлыстом, своим хвостом.

— Дерьмо! — прошептал Бен, прижимая меня к себе.

А потом я заметила какую-то белую фигуру, вывернувшую из-за угла отеля, в которой я смутно признала голубоглазую кошку, игравшую с облачком. Казалось, она была просто без ума от такого количества снега и не подозревала о присутствии дракона, пока не стало слишком поздно. Огромное существо развернуло голову и выпустило из пасти столп чего-то, похожего на огонь. Тот не сжег кошку, но заморозил, покрыв маленькое создание толстым слоем льда. А спустя еще долю секунды, дракон наступил огромной лапой на несчастную и раздавил её. Расправившись с кошкой, он зашагал, сотрясая землю своим весом, по наши души.

Бен развернулся и припустил к деревьям, все еще крепко сжимая меня в объятиях. Убегая со всех ног от дракона, он сумел набрать воздуха в грудь и что есть мочи прокричать:

— Кини!

Эхо его голоса разлетелось по бескрайней ледяной пустыне, но мы не заметили ни единого признака появления черного скакуна, даже стука копыт... хотя вряд ли бы мы смогли его услышать сквозь тот грохот, что создавала туша дракона.

Бен неожиданно споткнулся, и мы чуть не рухнули в снег, однако ему удалось сохранить равновесие, но на этот раз я ничего не почувствовала. Я вообще уже ничего не чувствовала: ни холода, ни боли, даже страх и тот отступил. Только онемение и усталость, и уверенность, что мы оба вот-вот погибнем. Правда, еще мне было грустно за Бена. Ведь он так старался все исправить, но так и не преуспел. Его быстрое и резкое дыхание казалось просто

невероятным, по сравнению с замедленным моим. Как бы мне хотелось найти энергию, чтобы попросить прощения за все. И сказать, насколько сильно я все еще его люблю.

Дракон, должно быть, уже догнал нас, но мне почему-то казалось, что он ревел где-то далеко, а сумерки вдруг сгустились сильнее. В мое тело проникла холодная тьма. Краем глаза я успела поймать нечто черное — быстро приближающееся размытое пятно, по очертаниям очень напоминавшее коня, но, возможно, это был всего лишь сон. Я видела, как конь рухнул на колени, а мгновение спустя Бен уже перекинул ногу ему через спину. Мои ноздри заполнил запах лошади, который я так любила, а потом Кини поднялся на ноги и поскакал через сюрреалистическую волшебную звездную страну, прочь от преследующего нас грохота. Я могла поклясться, что видела всполох белого огня, пролетевший мимо, прежде чем копыта Кини внезапно ударили об асфальт, а не о снег. Мы попали туда, где был тусклый серый свет и шел дождь.

А мгновением после Кини исчез, хотя не скажу наверняка, был ли он вообще — хлопок дверью, яркий свет слепит мне глаза, отчего я сильно зажмурилась и спрятала лицо на груди у Бена. Мне очень хотелось, чтобы он перестал кричать. Я даже не могла разобрать, что он кричал, у меня просто звенело в ушах. Когда я вновь открыла глаза, Бен больше не обнимал меня, и я запаниковала, пока не увидела его, стоящего рядом. Он безумно жестикулировал, разговаривая о чем-то с женщиной в белом халате. Но штука, на которой я лежала, куда-то поехала, увозя меня от Бена, и мне отчаянно захотелось прыгнуть с нее и вернуться к нему. Но единственное, что мне удалось — это чуть-чуть приподнять голову с подушки.

— Бен... — полупрохрипела-полупрошептала я, но он, должно быть, услышал меня, потому что успел повернуться, и мы встретились взглядами, прежде чем дверь захлопнулась, и он пропал из виду. Но я успела заметить, что он, впервые за все те годы, что мы знакомы, был так сильно напуган.

Еще через мгновение моя голова упала на подушку, и великая тьма поглотила меня, отодвигая все остальное, включая даже Бена.

Когда я в следующий раз открыла глаза, у меня было такое чувство, будто моя голова забита ватой. Я лежала в странной комнате, освещенной светом единственной лампы, а за окном лил дождь. Я попыталась припомнить мое самое последнее четкое воспоминание, но на ум приходили лишь какие-то обрывки полузабытых снов и образов.

Я посмотрела вниз и поняла, что в комнате не одна. К моей кушетке, как можно ближе, был придвинут стул, так что колени Бена упирались в её каркас. Голову он положил на руки, сложенные поверх простыни.

Вытянув руку, чтобы запустить пальцы в его волосы, я почувствовала, что в мою вену введена игла капельницы. На лице Бена появилась улыбка, когда он увидел, что я смотрю на него, но меня шокировал его внешний вид. Рану на щеке промыли и наложили швы, но под налитыми кровью глазами были синяки. Волосы его растрепались, а челюсть заросла щетиной. Он выглядел просто ужасно.

— Ты в порядке, — сказал он наконец. — Нож пронзил твое легкое, но ты прооперирована и теперь поправишься. — Он сжал мою руку и взглянул на меня с мученическим выражением лица. Мне совершенно не нравилось то, как он выглядел. Заметив это, он торопливо продолжил: — Я не имел права оставлять тебя после того, как Лиам зачаровал тебя лебединой песней. Прости меня, мне так жаль. Не знаю, как я посмел оставить тебя. И еще, я так ужасно к тебе относился, Боже, ты наверное меня ненавидишь, но я так старался не позволить... я себя чувствовал, будто... А потом я подумал, что ты умерла,

Джез. Я думал, что это я убил тебя... — его голос надломился, а потом он разрыдался. Его голова упала на руки, и он еще долго не поднимал её, словно не мог встретиться со мной взглядом. Он продолжал держать меня за одну руку, а я свободной рукой гладила его по волосам и шее. Я не могла сообразить, из-за чего именно он был так расстроен, ведь мы с ним оба живы, и только это имело значение.

Наверное, прошло какое-то время, потому что я осознала, что Бен снова стоит возле моей кушетки и, склонившись, нежно целует мою ладонь, аккуратно держа её в своих руках.

— Спи, моя дорогая, — сказал он тихо, когда увидел, что я смотрю на него. — Я не хотел тебя будить. Все будет хорошо.

Он зашагал к двери. Мне показалось, что его немного пошатывало. Я хотела окликнуть его, спросить, все ли с ним в порядке, и куда он отправился, а еще, когда он вернется. Но чувствовала себя как-то странно, будто во сне, и прежде чем я успела выговорить его имя, он уже исчез за дверью.

Следующим утром меня разбудили солнечные лучи, просочившиеся через стекло. Моя голова уже не была такой ватной, но стоило мне приподняться чуть-чуть, как по телу разлилась боль. Я взволнованно оглядела палату в поисках Бена, но в комнате вообще никого не было, а стул, на котором он сидел прошлой ночью, вернулся на свое законное место возле столика у окна.

— Бен, — произнесла я или, по крайней мере, попыталась. Вышло больше похоже на сдавленное карканье.

Может быть, он ушел в ванную. Я откинула одеяло и выдернула капельницу из руки, затем спустила босые ноги на пол. Неприятно было узнать, что мои ноги едва мне подчиняются и очень плохо справляются со своими обязанностями. Но я кое-как, будто последний забуддыга, доковыляла до ванной, сшибая все на своем пути.

— Бен, — вновь позвала я, когда открыла дверь.

Но и здесь Бена не было. Может быть, он вчера мне просто приснился... Эта мысль заставила меня запаниковать, и я уже было собралась поискать кого-нибудь, чтобы хоть как-то прояснить упущенные мною события, как меня накрыла волна тошноты, и я сложилась пополам прямо там, где стояла. Меня вывернуло, я даже не успела добежать до туалета. Стоило мне попытаться разогнуться, как голова закружилась, грудь пронзила боль, и я упала. На мое счастье, в палату вошла медсестра и нашла меня прежде, чем я пострадала еще сильнее.

— Простите меня, — прохрипела я, — но меня стошнило на пол и...

— Не переживайте, дорогая. Всякое бывает. Побочный эффект анестезии. У некоторых бывает реакция и похуже. Давайте-ка вернем вас в кровать, пока у вас швы не разошлись. Вам еще нельзя ходить.

Стоило ей произнести эти слова, как я поняла, что моя грудь обмотана бинтами, а сама я одета в ужасную больничную сорочку.

— Где моя одежда? — тупо спросила я, пока сестра помогала мне лечь в кровать. Но прежде чем она успела ответить, я задала следующий вопрос: — Где Бен? Вы знаете, где он?

— Вы имеете в виду человека, который вас принес? Он ушел прошлой ночью, дорогая. Но он оставил нам номер телефона ваших родителей, и они едут сюда прямо сейчас.

— Родителей? — Я поморщилась в замешательстве. — А в какой мы стране?

— В Англии, — ответила медсестра, одаривая меня обеспокоенным взглядом. — Схожу-ка я лучше за врачом. Он собирался вас осмотреть, сразу же, как вы очнетесь. А когда

вы почувствуете себя лучше, с вами захочет поговорить еще и полиция.

— Полиция? Зачем?

— Потому что вы стали жертвой ужасного нападения, — ответила медсестра, заботливо глядя на меня. — Разве вы ничего не помните?

Не то слово. Такое не забудешь. Я отчетливо помнила выражение лица Джексона, которое говорило, что мне не избежать смерти. Помнила, как я боролась с ним изо всех сил, пока Бен не ударил его по голове ледяной дубиной, как кровь Джексона забрызгала мне лицо... Я невольно вздрогнула при этом воспоминании. Но разве расскажешь о таком медсестре или полиции, тем более, что сейчас мы в Англии? Как объяснить, что я была ранена безжалостным вором, мечтавшим заполучить лебединую песню в «Ледяном отеле» в Швеции? Я даже не знала, где сейчас этот отель, может, его затянуло в волшебное царство?! И потом, как расскажешь о том, что тебя привез сюда волшебный конь? Да я и не знала, что именно Бен им наплел, а мне не хотелось, чтобы наши рассказы отличались. Как бы там ни было, в конце концов, я просто произнесла:

— Я не помню ничего о прошлой ночи, кроме того, что меня доставил сюда Бен.

После того, как медсестра ушла за доктором, я заметила конверт на столике. На конверте рукой Бена было написано мое имя. Я схватила его и вскрыла. Мне на колени упало простенькое колечко из белого золота. Сначала я было подумало, что оно принадлежит Бену, но, когда я подняла его и надела себе на палец, оно село как влитое. Я не знала, как отнестись к тому, что он оставил его для меня. Он вернул его мне, потому что оно ему больше не нужно? Или он хотел, чтобы я снова его носила? Наверняка, последнее. Вечер накануне помнился мне как в тумане, но Бен снова говорил мне слова любви. Такое не забудешь. И он не уходил до тех пор, пока не убедился, что со мной будет все в порядке. Вероятнее всего, он ушел, чтобы купить какую-нибудь чистую одежду, перекусить и немного поспать. Наверняка, он вернется с минуты на минуту...

Я заглянула в конверт в надежде найти поясняющую записку. И я её нашла, но содержание вместо того, чтобы обрадовать меня, — огорчило:

Жасмин,

мне нужно кое-что сделать. Прости за все.

Бен.

Я посмотрела на обратную сторону записки, но та была пуста. Три скупые строчки, и больше ничего. Я скомкала её и с досады зашвырнула куда подальше. Он оставил меня. Как он мог? Ушел, даже не попрощавшись. Может, его нежные слова мне только приснились. Может, это был эффект от анестезии. Может, никого и не было в комнате, никто не держал меня за руку...

В то утро мои родители приехали в состоянии, близком к истерии. А Бен так и не вернулся. Ни в тот день, ни на следующий. Каждый раз, когда меня спрашивали о случившемся, я отвечала, что не помню, что произошло, и, в конце концов, полиция сказала мне, что, по словам Бена, мы вышли из ресторана после ужина, и на нас напали грабители. Его избили, а меня ранили, а потом они сбежали.

Бена тщательно допросили, и он ответил на все вопросы полиции. Они отпустили его, и после этого он будто растворился. Я забрала сотовый у мамы и обрывала все известные мне номера телефонов, по которым он мог ответить. Я писала ему на электронную почту. Но все

мои попытки установить с ним контакт были встречены тишиной.

Глава 27

Белая скрипка

Спустя три недели, в течение которых не было ни весточки о Бене, меня наконец выписали из больницы. Наступившие следом Рождество и Новый год прошли как в тумане. Не знаю почему, но с каждым днем во мне крепла уверенность, что он больше не вернется. Существовала какая-то причина, которая не давала ему это сделать. Что до «Ледяного отеля», то и он, похоже, исчез навсегда. Никто не понимал, как это случилось. Нужных людей оповестили об эвакуации персонала и гостей в связи с обнаружением дефекта в конструкции. Но когда заинтересованные лица приехали туда через час, никакого отеля не было. Они не обнаружили никаких следов разрушений или подтаивания, вообще ничего. Отель просто исчез. Инвесторы потеряли деньги, гости потеряли возможность экзотически провести свои выходные или отпуска... но никто не мог найти реалистичное объяснение произошедшему. Никто не мог придумать ничего умнее теории заговоров, кругов на полях и тому подобного...

Спустя еще неделю после моей выписки, я поехала с мамой навестить дедушку с бабушкой. После нападения все обращались со мной, будто с фарфоровой куклой. Я уже была сыта этим по горло. К тому же физически я уже практически поправилась, у меня болело только сердце из-за внезапного и странного исчезновения Бена. Я ни с кем не могла поделиться своими переживаниями. Никогда я еще не чувствовала себя такой одинокой. Еще будучи в больнице, я выставила свой дом на продажу. У меня не было никакого желания возвращаться в этот дом, где я, по вине Лиама, прожила целых десять месяцев совершенно не той жизнью, о которой мечтала.

После обеда я сообщила, что хочу сходить к лошадям. Мне просто необходимо было побыть какое-то время одной, подальше ото всех. Я медленно прогулялась до конюшен. Открыв дверь и войдя внутрь, я глубоко вдохнула знакомый сладковатый аромат. В солнечных лучах, проникающих через окна, танцевали частички сена.

Я минут пятнадцать чистила Эда, который уже лоснился, когда у меня за спиной раздался голос:

— Это вы Снежная принцесса?

От неожиданности я выронила щетку. Я вообще не слышала, чтобы кто-нибудь входил. Но этот голос невозможно было перепутать ни с чьим другим, даже если бы губы Эда остались неподвижными. Я развернулась и увидела Бена, стоявшего за стойлом с неуверенной улыбкой на лице. Выглядел он значительно лучше, чем той ночью, когда оставил меня в больнице. Порез на его правой щеке зажил, оставив на память о себя бледный шрам. Я безумно обрадовалась ему, но засунула это чувство куда подальше и резко сказала:

— А у тебя, оказывается, железные нервы, чтобы явиться сюда вот так, спустя четыре недели!

Улыбка мгновенно исчезла, и на его лице появилось выражение озабоченности.

— Знаю-знаю. Но нужно было кое-что уладить.

— И это не могло подождать? — зло выпалила я. — Неужели ты не понимал, как сильно ты был мне нужен, пока я лежала в больнице?

— Нельзя было задерживаться, — тихо сказал Бен в свое оправдание. — Как ты? Все в порядке?

— Лучше не бывает, — огрызнулась я, стараясь скрыть всю ту боль, что накопилась во мне.

— Ты ведь понимаешь, что я должен был уйти. Ведь понимаешь? — взволнованно сказал он. — У меня просто не было выбора. Когда Лукаса убили, царевна-лебедь сбежала, но я должен был вернуть ей песню, чтобы Людвиг смог найти её. Он не мог освободить от обязательств оставшихся рыцарей, пока искал и не находил дорогу из волшебного царства. Теперь они все изгнаны и лишены сил.

— Это Людвиг сделал?

— Да. Сразу же после своей смерти он стал королем волшебного царства, — ответил Бен, — и правил лебедиными рыцарями и другими волшебными существами. Я не думал, что у меня уйдет столько времени, Жасмин, но я должен был вернуться, в противном случае, мы все подверглись бы опасности.

Какое-то мгновение я ничего не говорила. Меня не обрадовала новость о его возвращении в волшебное царство, но отрицать логику его рассуждений я тоже не могла. Пока я лежала и выздоравливала в больнице, мне и в голову не приходило, что я все еще могла подвергаться опасности — что рыцари могли подослать ко мне кого-то еще или даже прийти сами.

— И все же, ты должен был сказать мне, — все еще злясь, ответила я. — Ты ушел, не сказав ни слова!

Он нахмурился.

— Я же оставил записку, в которой все объяснено.

— Все? — повторила я, повысив тон. — Все? Бен, там всего два предложения!

Я достала из кармана скомканный клочок бумаги и бросила ему в лицо. Он поймал его правой рукой, и я заметила (впервые!), что на месте указательного пальца остался заживший обрубок.

Он расправил бумажку и прочел содержимое. А потом уставился на меня.

— Ты носишь её с собой? — удивился он.

Я почувствовала, как покраснела. Я только что выдала всю глубину своих чувств. Эта записка, бесполезная вещь, которую я таскала с собой почти месяц, определенно рассказала ему больше, чем следовало.

— Прости за это, — вздохнул Бен, указывая на записку. — Мне казалось, что она была длиннее, и смысла в ней было больше. Но, по правде говоря, я тогда плохо соображал.

— Откуда ты узнал, что я сегодня здесь?

— Кини на улице, — сказал Бен, кивая себе через плечо. — После смерти Лукаса он вроде как сам привязался ко мне.

Я кивнула. Между нами повисла тишина, а я медленно спрятала левую руку в карман джинсов. Мне не хотелось, чтобы Бен обратил внимание на мой безымянный палец и увидел, что я ношу то самое обручальное кольцо, которое он оставил мне в больнице. Я не могла заставить себя снять его, даже спустя недели, когда уже думала, что Бен не вернется. Маму этот факт очень удивлял, но всякий раз, когда она спрашивала об этом, я давала понять, что не желаю это обсуждать и точка. Я не могла объяснить ей, что это значит, потому что и сама толком не знала.

— Зачем ты здесь, Бен? — спросила я. Вышло холоднее, чем хотелось. Мне показалось, что мои слова ужалили его, потому что он даже отшатнулся.

— Я... я принес тебе кое-что, — сказал он сухо.

Я с удивлением наблюдала за тем, как он открыл дверь стойла, и увидела черный скрипичный футляр, стоявший у его ног. Когда я подняла на него взгляд, он тут же отвел глаза.

— Это... взамен твоей бывшей, — сказал он.

— Я думала, ты банкрот?

Он покраснел до корней волос.

— Я взял кредит.

Я вышла из стойла и закрыла за собой дверь.

Потом я опустилась на колени и расстегнула новенькие застёжки, потом молнию, сняла крышку и увидела новенькую электроскрипку. В отличие от моей прежней серебристо-голубой скрипки, эта была чисто-белой, с бледной позолотой. Моя прежняя скрипка была прекрасна, но эта... просто произведение искусства.

— Я подумал... новая скрипка... для новых мелодий, — пробормотал Бен. — Но если ты предпочитаешь другой дизайн, просто скажи, и я все устрою.

Я медленно закрыла крышку и щелкнула застёжками, а потом поднялась. Я смущалась говорить что-либо слишком прямо, потому что, если Бен меня больше не любит (а я никогда не слышала, чтобы он говорил обратное с тех самых пор, как началась вся эта история), если он таким образом хочет порвать со мной и планирует попытаться счастья, начав другую жизнь, тогда мне не хотелось бы мешать ему, усложнять все и беречь свои раны. Нужно было придумать тонкий способ выразить свою надежду на то, что я все еще хотела, чтобы мы вновь были вместе. Таким образом, если бы он вдруг отверг меня, я сумела бы сохранить хотя бы толику достоинства. Но, напряженно поразмыслив и не найдя нужных слов, я просто брякнула:

— Бен, я так тебя люблю.

И, удивленная своей смелостью, уставилась на него. Что если он просто пришел сюда, чтобы подарить мне скрипку? Что если он сейчас развернется и уйдет, не сказав ни слова? Я так живо себе это представила, что практически поверила, что все именно этим и закончится. Не выдержав неизвестности, я зажмурилась. О чем я только думала? Если уже поздно, он бы и сам мне сказал. Я услышала, что Бен сделал шаг, и поняла, что смутила его своим признанием, и он хочет уйти. У меня из глаз брызнули слезы. Я все-таки не смогла их сдержать до его ухода.

Но потом я почувствовала его руки на своих руках, и, когда я открыла глаза, он во все глаза всматривался в мое лицо:

— Жасмин, это правда? — Его голос был преисполнен надежд и сомнений одновременно. — После всего, что случилось... после того, как я ужасно с тобой обращался в Германии... и всего того, что я тебе наговорил в «Ледяном отеле», и после случившегося с Джексоном. Я никогда не смогу смыть эту кровь со своих рук. Ты чуть не погибла из-за меня. Я думал, ты не захочешь меня больше видеть.

— Бен, ты спас мне жизнь, — тихо сказала я и, сглотнув, продолжила, — я понимаю, что нам будет трудно, особенно тебе. Трудно забыть все то, что сделал Лиам. Но мы можем... прошу тебя, мы ведь можем, по крайней мере, попытаться?

Я боялась, что он разобьет мне сердце, ответив, что уже слишком поздно, но его лицо озарила теплая улыбка, а руки переместились мне на шею, и он тихо сказал:

— Ты по-прежнему моя Снежная принцесса, Джек. Я буду любить тебя до конца своих дней, а скорее всего, и после смерти.

А потом он склонился и поцеловал меня. Я подняла руки и обняла его за шею. И несколько блаженных минут кроме нас и лошадей, которые мирно жевали свое сено, в мире никого не существовало. Но неожиданно Бен дернул головой, вскрикнув от боли, и схватился рукой за ухо.

— Что такое? — взволнованно спросила я.

— Эд только что отгрыз мне ухо, — ответил Бен.

Я обернулась и увидела, что Эд действительно высунул голову из стойла и пялился на Бена.

— Я для этого коня какая-то диковинка, что ли? — раздраженно сказал Бен.

Я ничего не могла с собой поделать, в моей груди уже зародился смех при виде странно подергивающихся губ Эда, который вновь услышал голос Бена. Я вспомнила те дни, когда приехала навестить бабушку с дедушкой, как раз перед отъездом в Калифорнию. Как я стояла здесь, перед стойлом. Как ныло мое сердце при мысли о том, что больше мне не доведется увидеть выкрутасов Мистера Эда.

— Странная зверюга, — сказал Бен, обняв меня одной рукой за талию и притянув к себе, а свободной рукой шаря у себя по карманам. — Где-то у меня завалялась конфетка для него...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Примечания

«Мост над бурными водами» — «Bridge over Troubled Water», пятый и последний студийный альбом американского дуэта «Simon and Garfunkel», выпущенный в начале 1970 года.

«Поло» - мятные конфеты в виде бублика, размером с «Ментос».

Чем могу помочь? (перевод с нем.)

Вы говорите по-английски? (перевод с нем.)

Новая ратуша — здание в Мюнхене, в северной части площади Мариенплац, предназначенное для работы городских властей: обербургомистра, Городского совета, городского управления.

Глинтве́йн — горячий алкогольный напиток на основе красного вина, нагретого до 70—80 градусов с сахаром и пряностями.

Lebkuchen (Лебкухен) - Нюрнбергский пряник.

Café Glockenspiel, Адрес: Marienplatz 28, 80331 München, Германия, Телефон: +49 89 264256

«Лоэнгри́н» — опера Рихарда Вагнера в трех действиях, на собственное либретто. Премьера состоялась 28 августа 1850 года в Веймарском оперном театре.

«Егермейстер» — популярный немецкий крепкий ликёр, настоянный на травах. Относится к категории биттеров. Ликёр получают путем мацерации 56 компонентов — растений (в том числе лакрицы), корней, корок, (точный состав держится в секрете), — и выдерживают 12 месяцев, шесть из которых — в дубовых бочках. На этикетке бутылки с ликёром изображается олень с крестом в рогах, по легенде привидевшийся святому Губерту, покровителю охотников.

Буквально: «Высокий лебединый край».

Schloss - замок (перевод с нем.).

Пиф-паф, ой-ой-ой (Chitty Chitty Bang Bang) - фильм 1968 года, Великобритания
режиссер Кен Хьюз, в главной роли Дик Ван Дайк.

Замок Берг (Бавария) (нем. Schloss Berg) — замок на берегу Штарнбергского озера и коммуны Берг, района Штарнберг, округа Верхняя Бавария.

Тиро́ль (нем. Tirol; итал. Tirolo; лат. Tirolis) — историческая область в Центральной Европе в восточной части Альпийских гор, включающая федеральную землю Тироль в составе Австрии и автономные провинции Южный Тироль и Трентино в Италии.

Владычица Озера, она же Озерная фея — персонаж или ряд персонажей в стиле Артуровых легенд. Называемая так женщина, обладала магическими силами.

Квартал Инвалидов и Эйфелевой башни — самый экологически благоприятный район Парижа. Эйфелева башня и Дом инвалидов — главные достопримечательности этого парижского квартала.

Пер-Лаше́з (фр. Père Lachaise, буквально «отец Лашез») — кладбище в Париже, одно из самых известных мест захоронения в мире. Расположено на востоке города, в 20-м муниципальном округе. Официальное название — Восточное кладбище (фр. Cimetière de l'Est). Это самый большой зелёный оазис французской столицы и один из крупнейших музеев надгробной скульптуры под открытым небом площадью около 48 гектаров.

Восстание 10 августа 1792 — одно из определяющих событий в истории Аееиёой Французской революции. День 10 августа (фр. journée) привел к падению французской монархии после штурма Оюильри Национальной гвардией повстанческой Ёадиæской Коммуны и революционных федератов (фр. fédérés) из Ёарселя и Аретани. Король Ёюдовик XVI вместе с семьёй укрылся в Çаёоёоäательном собрании и был низложен. Восстание 10 августа является кульминацией в неудачной попытке установить ёоёституционную монархию во Франции с начала революции 1789 года из-за комплекса внутренних и внешних причин и обстоятельств. Присутствие в столице и участие федератов в свержении монархии придало 10 августа общенациональный характер. Формальный конец монархии произошёл шесть недель спустя, как один из первых актов нового Национального конвента. Это восстание и его исход в историографии революции чаще всего называют просто как «Восстание 10 августа» (фр. Journée du 10 août) или «Вторая революция».

20Q — компьютерная версия игры «Двадцать вопросов» («Twenty Questions»), которая началась, как эксперимент в области создания искусственного интеллекта. Разработана Робинот Бёргенером в 1988 году.

Атриум — открытый внутренний дворик.

Иглу — зимнее жилище эскимосов.